

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Уральский государственный педагогический университет»
ИНСТИТУТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ**

**Актуальные проблемы германистики,
романистики и русистики**

Часть III

МАТЕРИАЛЫ

ежегодной международной научной конференции
1–2 февраля 2013 года
г. Екатеринбург, Россия

Екатеринбург 2013

УДК 811.1/2

ББК Ш 140/159

А 43

печатается по решению УС ИИЯ от 25 апреля 2013 года протокол № 6

Под редакцией:
Доктора педагогических наук, профессора
Н.Н. Сергеевой

Научный редактор:
Кандидат педагогических наук, доцент
Е.Е. Горшкова

А 43

Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики. Материалы ежегодной международной конференции. Екатеринбург, 1-2 февраля 2013 г. [Текст] / Урал. гос. пед. ин-т. – Екатеринбург, 2013. – Ч.Ш. – 158 с.

Сборник включает тезисы докладов и сообщений, прочитанных в рамках конференции «Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики», организованных кафедрой немецкого языка и методики его преподавания, ФГБОУ ВПО «Уральского государственного педагогического университета» 1-2 февраля 2013 года.

Для студентов, аспирантов и преподавателей, филологических и лингвистических специальностей высших учебных заведений.

ISBN 978-5-7186-0544-0

УДК 811.1/2

ББК Ш 140/159

А 43

© Институт иностранных языков, 2013
© ФГБОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет», 2013

Содержание

Сопоставительная лингвистика, фразеология переводоведение и исследования в области языковых систем	5
<i>Алексеева М. Л.</i> Специфика многоязычного переводного словаря: «Лексикона непереводимостей».....	5
<i>Богоявленская Ю.В.</i> Осложнение семантики парцеллирующего членения союзами и их аналогами во французском языке	10
<i>Божко Е.М.</i> Учёт переводчиками коммуникативной ситуации при выборе стратегии перевода на русский язык романа Дж. Р. Р. Толкина «Властелин Колец».....	17
<i>Комарова З.И.</i> Дисциплинарно-методологическая структура современной лингвистики	25
<i>Овешкова А.Н.</i> Некоторые формы сослагательного наклонения (The Present Subjunctive и The Suppositional Mood) в британском варианте современного английского языка	44
<i>Томилова А.И.</i> К вопросу об этапах перевода и псевдоэквивалентности	52
Дискурс-анализ и политическая лингвистика	57
<i>Зеленина Л.Е.</i> Виды эмоций в деловом общении.....	57
<i>Щустрова Е.В.</i> Проявление основных архетипов в карикатурном образе Б. Обамы.....	64
Теоретические и методологические проблемы терминологии и профессиональной коммуникации	69
<i>Буженинов А.Э.</i> Феномен поликатегоризации (на материале подъязыка гомеопатии)	69
<i>Глазырина А.И.</i> Особенности структуры двухкомпонентных ядерных терминов-словосочетаний английского компьютерного подъязыка.....	76
<i>Лукина О.И.</i> К вопросу об особенностях метаязыка лингвистики и лингвистической терминологии.....	85

Литературоведение, стилистика и интерпретация текста	93
<i>Дубах Т.М.</i> Организация художественного пространства в новеллах А. Шницлера: стилистический аспект	93
<i>Кузина Ю.В.</i> Лингвокультурный типаж как элемент художественного произведения.....	98
<i>Мальцева И. Г.</i> Отражение политической полемики в текстах австрийского экспрессионизма: «Политики духа» Р. Мюллера.....	105
Теория и методика обучения языку и межкультурная коммуникация	113
<i>Ваганова Т.П.</i> Лингвокультурная интерпретация английских пословиц с компонентом death на уроках английского языка в ВУЗе	113
<i>Гиниатуллин И.А.</i> Самостоятельная работа в обучении иностранному языку как специальности.....	120
<i>Казакова О.П.</i> Проблемы реализации магистерских программ в педагогическом ВУЗе	127
<i>Макеева С.О.</i> Систематизация материала к экзамену: идеи, которые работают	132
<i>Мысик М.С.</i> Оптимизация процесса обучения французскому языку в средней школе в контексте внедрения ФГОС	137
<i>Овечкина Ю.Р.</i> Выбор подхода к обучению иноязычному письму студентов языковго ВУЗа	143
<i>Савельева Н.Х.</i> Система формирования профессионально-ценностных ориентаций у будущих менеджеров ресторанного и гостиничного сервиса	148
<i>Соколова О.Л.</i> Из опыта раннего обучения французскому языку.....	154

УДК 81'374.82

Алексеева М. Л.
Екатеринбург, Россия

**СПЕЦИФИКА
МНОГОЯЗЫЧНОГО
ПЕРЕВОДНОГО СЛОВАРЯ:
«ЛЕКСИКОНА
НЕПЕРЕВОДИМОСТЕЙ»**

Аннотация. В статье представлены особенности лексикографической интерпретации непереводимых лексических единиц в специальном многоязычном словаре нового типа – «Словаре европейских философий: Лексиконе непереводимостей».

Ключевые слова: лексикография, перевод, проблема непереводимости, специальные многоязычные словари, Лексикон непереводимостей.

Сведения об авторе: Алексеева Мария Леонардовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет.

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26, к. 462.

e-mail: maria.alekseyeva@gmail.com

Alekseyeva M.L.

Ekatereburg, Russia

**THE SPECIFICS OF THE
MULTILINGUAL TRANSLATION
DICTIONARY “LEXICON OF
UNTRANSLATABLE TERMS”.**

Abstract. The paper presents the features of lexicographic interpretation of untranslatable lexical items in LSP multilingual dictionary of a new type – “The European Dictionary of Philosophies. Lexicon of Untranslatable Terms”.

Keywords: lexicography, translation, problem of untranslatability, multilingual dictionaries for special purposes, Lexicon of untranslatable terms.

About the Author: Alekseyeva Maria Leonardovna, Candidate of Philology, Associated Professor of the Chair of Foreign Languages.

Place of employment: Ural State Pedagogic University.

В данной статье речь пойдет об оригинальной лексикографической разработке нового типа – «Словаре европейских философий: Лексиконе непереводимостей», изданном в 2004 году во французским издательством Seuil (далее Лексикон).

«Дух» словаря, его концепцию определяет объект описания и его типологические признаки [Скляревская 1995: 15]. Объектом данного издания являются “непереводимые термины” в современных европейских языках, древних языках (греческом, латинском), еврейском и арабском.

Непереводимое, по мнению составителей, индивидуально и вследствие своей уникальности невоспроизводимо на других языках в полном объеме: «системы слов и смыслов являются системами фило-софских идиом, датируемых, создаваемых определенными авторами, в определенных произведениях; данные системы уникальны и изолированы, они имеют определенное место (экзотерическое или эзотерическое) в языке, стиле, традиции» [Kassen 2004: XX].

Безусловно, сфера непереводимости занимает гораздо меньший объем, чем сфера переводимости. «Непереводимость покрывает лишь отдельные фрагменты или элементы тех или иных исходных текстов. Обычно к таким элементам относят палиндромы, каламбуры, некоторые паронимические сближения, значения отдельных грамматических категорий (например, рода имен существительных), так называемые темные места текста (и хотя в последнем случае переводимость может быть реализована, достоверность ее реализации всегда сомнительна (ср. многочисленные переводы «Слова о полку Игореве»), звуковую символику, реалии, сложные слова, аллюзии, отдельные случаи интертекстуальной зависимости, языковые шутки» [Чайковский 2008: 101]. Среди указанных типов единиц наиболее глубокую разработку в двуязычных словарях получили реалии, причем как отмечают лингвисты, традиция лексикографирования этого слоя лексики является особым аспектом исследования языка и культуры, известным только в российской науке [Л.Г. Маркина, Е.Н. Муравлева, Н.В. Муравлева 2001: 3].

Однако сфера непереводимого не ограничивается указанными единицами. Так, например, к непереводимым составители Лексикона относят термины и выражения, синтаксические и грамматические конструкции, которые не перестают переводиться, причем в некоторых случаях в языке перевода создается неологизм или происходит наложение нового смысла на старое слово. В отношении этих единиц переводимость реализована, но она не покрывает все аспекты содержания и формы. Это происходит вследствие несовпадения объема значений исходной единицы и ее потенциального соответствия в языке перевода. Каждому слову присуща система отношений с другими единицами языка оригинала. Не только слова, но и терминологические системы, грамматика, синтаксис не накладываются друг на друга, каждый язык набрасывает на мир свою понятийную сетку [Кассен 2011: 7].

Такие «не-до-конца-переводимые» единицы многочисленны. Думается, они являются равноправным объектом изучения. Причем их

представление в двуязычных словарях является достаточно трудоемкой и теоретически трудной работой. Оригинальный подход представлен в Лексиконе.

Отправной точкой его разработки стали размышления европейских ученых о трудностях перевода в философии (Kassen 2004: XVII). Европа многоязычна, и наиболее актуальной проблемой межкультурной коммуникации становится выход из ситуации многоязычия либо путем использования доминирующего языка, глобализированного англо-американского, либо путем раскрытия смысла и ценности различий в языках и культурах на национальных идиомах, поддерживая широкое языковое разнообразие. Составители Лексикона выбрали второй путь, направленный на работу с пробелами, противоречиями, искажением смысла, осмыслением национальной специфики и различий, не сакрализируя непереводаемость, основанную на идее об абсолютной несоизмеримости языков.

В результате десятилетней работы 150 философов, филологов, историков, текстологов разных стран под руководством французской лингвистки, философа и переводчицы Барбары Кассен был создан многоязычный словарь, включающий единицы на 13 языках (английский, арабский, баскский, греческий, иврит, испанский, итальянский, латинский, немецкий, норвежский, португальский, русский, украинский, французский, шведский).

Лексикон представляет собой специальный многоязычный словарь, содержащий слова, представленные в соизмеримой разнице языков, на которых написаны философские работы в Европе и раскрывающий основные признаки различий языков.

Распространенность и разнообразие форм непереводаемого потребовала разработку нового типа словарной статьи, который бы позволил представить специфику европейского мыслительного опыта.

В издании представлены статьи трех типов, выделяемые графически: 1) о непереводаемых аспектах слов и словосочетаний европейских языков; 2) статьи, характеризующие языки и их значимые философские особенности; 3) статьи-указатели, отсылающие к другим статьям.

В статьях первого типа понятия раскрываются через отношения полисемии и омонимии, например, русское «мир» означает «антипод войны», «вселенная», «крестьянская община» или посредством смежных понятий из других языков. Также здесь могут комбинироваться

несколько способов для раскрытия всех нюансов непереводаемого понятия, например, слова «sens» рассматривается во всех значениях, начиная с латинских корней (общее значение *sensus*, ведущее к греческому *pous*, буквально «нюх, интуиция», а также отсылающее к значению слова или смыслу текста) и заканчивая немецко-английской путаницей с *Sinn*, *Bedeutung*, *meaning*, *sense*, которую усложнили французские переводы по денотации и референции [Kassen 2004: XXIII]. Составители исходят из узла непереводаемостей и путем сопоставления терминологических полей, выявляют «искривления», отразившиеся в языках и культурах. Все оттенки значений иллюстрируются философскими примерами из произведений крупнейших европейских мыслителей: Аристотеля, Боэция, Витгенштейна, Гегеля, Гете, Декарта, Канта, Лейбница, Локка, Рассела, Хайдеггера и др.

В статьях второго типа раскрываются особенности функционирования того или иного языка, исходя из определяющего признака: например, разницы *ser/estar* в испанской философской терминологии, диглоссии в русском, порядка слов или способа выражения времени или вида в различных языках.

Словарные статьи третьего типа представляют собой краткое описание трудностей и различий. Они включают слова из разных языков на одну тему и отсылают к соответствующим статьям Лексикона на иностранных языках (например, *monde* и *paix* используются для понимания русского слова *мир*). Статьи этого типа без указания авторов и выделены курсивом.

Следующей специфичной чертой данного издания является раскрытие феномена непереводаемости в двух аспектах: диахроническом и синхроническом. В первом случае, посредством рефлексии о переходах, перемещениях и заимствованиях из греческого в латынь, из античной латыни в схоластическую и позже в гуманитарную при периодическом взаимодействии с еврейской и арабской традициями, а также из древнего языка в местное наречие, из местного наречия в другой язык, из одной традиции или области знаний - в другие [Kassen 2004: XVIII]. Представлена в словаре и история концепций, путем раскрытия переломных моментов и движущих механизмов, которые определяют “эпоху”. Синхронический аспект проявляется в обращении к современному состоянию «национальных пейзажей философии», что позволяет увидеть бесконечность из пробелов и переводческих изо-

бретений: чужеродные элементы, дублиеты, ложных друзей переводчика, безэквивалентную лексику, лакуны, искажения смысла.

Назначение данной лексикографической разработки состоит в представлении специфики понятийных языков на основе не узко национального, а широкого над- или транснационального подхода. Словарь нацелен на то, чтобы показать один из возможных способов преодоления непереводаемостей: постоянный поиск и работа над ними в ресурсах мысли и языка.

Он задуман как «рабочий инструмент нового типа, необходимый для расширяющегося научного общества, которое складывается, а также справочник по европейской философии для студентов, преподавателей, исследователей, для тех, кому интересен свой родной язык и языки других людей» [Kassen 2004: XXI].

Как уже неоднократно отмечалось теоретиками лексикографии, «словарь – это продукт эпохи» [Дубичинский 2009: 373]. Лексикон представляет «непереводимости» в различных европейских языках на определенный период времени – начало XXI века. Возможно, со временем некоторые лексические единицы будут включены в переводные словари, другие – в дополнения к ним (специальные справочники) и перестанут быть собственно непереводаемыми. Однако на данный момент считаем целесообразным снабдить пользователя начала третьего тысячелетия актуальной информацией относительно состава непереводаемостей каждого языка, раскрыть их значения и возможности передачи.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Дубичинский В.В. Лексикография русского языка. – М.: Наука. – 2009.
- Кассен Б. В защиту непереводаемости // Логос. – 2011. – 5-6 (84). – С. 4-12.
- Маркина Л.Г., Муравлева Е.Н., Муравлева Н.В. Культура Германии. Лингвострановедческий словарь. – М.: АСТ. – 2006. – 1182 с.
- Склярёвская Г.Н. Новый академический словарь: объект, типологические признаки, место в системе русской лексикографии // Очередные задачи русской академической лексикографии. – СПб.: ИЛИ РАН. – 1995. – С. 15-23.
- Чайковский Р.Р. Основы художественного перевода. – Магадан: СВГУ. – 2008.
- Kassen B. (dir.) Vocabulaire européen des philosophies. Dictionnaire des intraduisibles. – Paris : Seuil, Le Robert. – 2004.

Богоявленская Ю.В.

Екатеринбург, Россия

**ОСЛОЖНЕНИЕ СЕМАНТИКИ
ПАРЦЕЛЛИРУЮЩЕГО
ЧЛЕНЕНИЯ СОЮЗАМИ И ИХ
АНАЛОГАМИ ВО
ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ**

Аннотация. Изучается семантика синтаксических отношений, подвергающихся парцелляции, и роль союзов и их аналогов в осложнении этих отношений.

Ключевые слова: парцелляция, парцеллированная конструкция, семантический синтаксис.

Сведения об авторе: Богоявленская Юлия Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой романских языков.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет.

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26, к. 465.

e-mail: jvbog@yandex.ru.

Bogoyavlenskaya Y.V.

Ekaterinburg, Russia

**ROLE OF CONJUNCTIONS AND
THEIR SUBSTITUTES IN
COMPLICATION OF SYNTACTIC
RELATIONS IN FRENCH
DETACHED CONSTRUCTIONS**

Abstract. We study the semantics of relations exposed to parcellation, the role of conjunctions and their substitutes in complication of those relations.

Keywords: parcellation, detached construction, semantic syntax.

About the Author: Bogoyavlenskaya Yuliya Valeryevna, Candidate of Philology, Head of the Chair of the French Language.

Place of employment: Ural State Pedagogical University.

Анализ показывает, что парцеллированные конструкции предстают как пестрое множество примеров с разрывом самых разных синтаксических и семантических отношений и их вариаций, представляющих порой единичные или немногочисленные случаи.

Парцелляция часто касается не только отношений, так сказать «в чистом виде», но и отношений, осложненных за счет собственно-синтаксических показателей – союзов или других служебных слов.

В современной лингвистике предложения с союзным осложнением воспринимаются неоднозначно. Некоторые лингвисты усматривают в них эллипсис, другие говорят об опущении повтора, который имплицитно подразумевает существование сегментов, соединенных сочинительной связью. Ряд ученых настаивают на присоединительной связи между данными элементами или усматривают существование в данном случае вторичной союзной связи, накладывающейся на связь словоформ.

Французский лингвист Ж. Мунен пишет, что «le fonctionnement des constructions coordonnées se développe aux dépens de la mise en rapport des structures considérées jusqu'ici comme seules compatibles avec la coordination» [Mounin, 1974 : 201].

Приступая к анализу этого типа парцелированных конструкций, мы столкнулись также с проблемой терминологического характера – проблемой нечеткости понятия, скрытого за термином «союз» и неоднозначного отношения к его роли в простом предложении.

Очевидно то, что роль союза в простом и сложном предложении не одинакова. В последнем случае союз выступает как обязательный конструирующий элемент, связывающий предикативные единицы. В простом же предложении он свидетельствует об осложнении дополнительными синтаксическими отношениями, которые подобны отношениям в сложном предложении, поэтому всякая союзная связь в той или иной мере сближает простое предложение со сложным. Недаром союзы, используемые в простом предложении, называют иногда «номинализаторами придаточных предложений» [Илия, 1979: 111] или «предлогом к предложению» [Есперсен, 1958: 98].

Во французском языке в группу сочинительных включаются союзы: *or* (*а, же, ну и вот, итак, а ведь*), *e* (*и*), *ni* (*ни*), *ou* (*или, и*), *mais* (*но, а*), *donc* (*значит, следовательно, итак*), парные союзы *ni ... ni* (*ни ... ни*), *soit ... soit* (*либо ... либо*), *tantôt ... tantôt* (*то ... то*), *non seulement ... mais* (*не только ... но*), и союзные обороты *aussi que* (*так (же) ... как ...*), *de même que* (*так же, как*). К подчинительным союзам относят *sinon* (*иначе*), *si* (*если*), *parce que* (*потому что*), *puisque* (*потому что*), *lorsque* (*когда*), *quoique* (*хотя*), *alors que* (*тогда как, несмотря на то, что*), *pendant que* (*пока*), и другие. Союз *car* (*так как*) занимает промежуточное положение между сочинительными и подчинительными. Также особое положение отводится союзу *comme* (*как*), за которым признается возможность свертывания отдельного предложения и усматривается функция знака эквивалентности [Pottier, 1962: 189].

В союзной функции могут выступать и другие служебные слова. Вопрос об их принадлежности к классу союзов, их наименовании решается в лингвистике неоднозначно, хотя некоторые исследователи полагают, что вопрос бесспорно должен решаться в пользу использования единого для них всех термина – «союз» [Королев, 1992: 16].

В нашем случае удобнее будет пользоваться терминологией, разграничивающей собственно союзы и не-союзы, то есть наречия, частицы, другие служебные слова, которые уже не могут так интерпретироваться, так как они выступают в союзной функции. Эта функциональная близость побуждает нас согласиться с термином «союзный аналог».

Во французском языке выделяются следующие союзные аналоги: *même* (даже), *voire* (либо), *non* (не), *surtout* (особенно), *par exemple* (например), *en général* (в общем), *puis* (затем, потом), *c'est-à-dire* (то есть), и т.д. (Basmanova, Tarassova, 1986: 71]. К ним также относят десемантизированные наречия *où* (где), *quand* (когда), *comment* (как) и относительные местоимения *qui* (который), *que* (которого). [Илия, 1979: 112] Среди перечисленных выше союзов и их аналогов некоторые трактуются неоднозначно. Например, Н.А. Шигаревская причисляет союзы *et* (и), *mais* (но, а), *donc* (следовательно) и наречия *bien* (хорошо), *toujours* (всегда), *d'abord* (сначала) к функциональным усилительным частицам [Шигаревская, 1977: 44-56].

Разумеется, что мы привели не полные списки союзов и их аналогов, так как они довольно объемны. Например, В.З. Санников отмечает, что количество только разделительных союзов в русском языке доходит до 30 и признает, что его список неполный [Санников, 1989: 98]. М. Гревисс, ссылаясь на исследования Французской Академии, выделяет во французском языке 36 союзов и 92 союзных аналога [Grevisse, 1959: 932-934]. Причем эти авторы не всегда единодушны относительно их статуса. Описание материала покажет, что далеко не все отношения, оформленные вышеперечисленными союзами, могут подвергаться парцеллированию.

Как показывает анализ, в конструкциях без коррелята встречаются как союзы, так и их аналоги, но утверждать, что по данному параметру изучаемые языки проявляют однозначное сходство мы не можем. Рассмотрим эту проблему подробнее.

Во французском материале находим примеры использования простого союза, например: *La nouvelle se nomme Avoir existe. L'écriture devient le seul garant d'une survie. Et plus encore. (L'Humanité, 7.01.2008).*

В парцеллятах встречаются следующие союзные аналоги: *surtout* (особенно), *d'abord* (сначала), *puis* (затем, потом), *en particulier* (в особенности), *par exemple* (например), *exactement* (точно), *notamment*

(особенно), *encore* (еще), *sans doute* (без сомнения), *grâce à* (благодаря), *bien sûr* (конечно), etc.

- Vairelles faisait parler ses «envies». *A la 26e minute d'abord.* (Libération, 26.09.2012)

- Sans le clamer trop fort, Onopko et ses partenaires sentent bien qu'un joli coup est à leur portée dans ce groupe H très ouvert. *Surtout après leur succès contre la Tunisie (2-0).* (Le Parisien, 9.06.2012)

Описанные союзы и союзные аналоги участвуют в создании специфических смысловых отношений. Нашей задачей становится определить, какие именно отношения могут подвергаться парцелляции во французском языке.

Анализ собранного материала показал, что парцелляции могут подвергаться в разной степени следующие семантико-синтаксические типы отношений: присоединительные, противительные, уступительно-ограничительные, сравнительные, уточняюще-присоединительные, а также отношения обусловленности. Исключение составляют уступительно-противительные и условные отношения, оформляемые союзами *si*.

- Main tenant, c'est Racine que vous devez montrer. *Et de la même façon.* (Le Figaro, 15.01.2009)

- La substitution, ça marche. *Et de mieux en mieux.* (Libération, 19.11.2008)

Следующие примеры демонстрируют возможность разрыва противительных отношений:

- On avait bien senti qu'il y avait un problème et on a seulement voulu faire avancer les choses. *Pas dans le but de faire du mal à quelqu'un mais de monter en Division 2.* (Le Parisien, 22.03.2011)

- Moins d'équipes françaises, ce serait bien. *Pas seulement en France, mais aussi en Italie.* (L'Humanité, 23.07.2012)

Разрыв уточняюще-присоединительных отношений, оформленных словами *в том числе, например, особенно* составляет значительную часть нашего материала:

- Cela fait une dizaine d'années que je la suis, et, chaque fois, elle me surprend et m'épate. *Par exemple avec ces grands paysages.* (Le Figaro, 7.01.2008)

- Mais la façon de gouverner de Jospin, son art de composer avec sa majorité, sa capacité à écouter le pays arrivent loin derrière dans ce qui

motive sa popularité. *En particulier chez les jeunes*. (Libération, 26.05.2008)

Разрыв сравнительных отношений демонстрируют следующие примеры:

- Je sais a priori où je vais m'entraîner, mais je ne veux pas encore en parler. *Comme pour les meetings*. (L'Humanité, 7.01.2008)

Les officiers sont déjà devenus des héros. *Comme au Kosovo*. (Le Monde, 4.08.2011)

В парцелированных конструкциях с союзными оборотами существует потенциальная предикативность, где одна из частей как бы заимствует предикат другой, частично повторяя, как бы «отражая» ее. Особенность этого типа предикативности заключается в том, что она соответствует по значению простому предложению в составе сложного. Вынесение такой части в отдельную синтагму – парцеллят, выделенный точками, и коммуникативная нагруженность, с нашей точки зрения, способствуют эксплицированию этого значения.

В довольно большом количестве примеров парцеллят содержит производные предлоги типа: *au point de ... (для того, чтобы), dans le but de ..., avec l'objectif de ... (с целью), avec l'envie de ..., avec l'ambition de ... (с желанием)* - при выражении отношений цели; *en raison de ..., à cause de ..., pour une raison de ... , pour une cause de ... (по причине); grâce à ... (благодаря); à force de ... (посредством, с помощью); au gré de ... (по усмотрению, по воле); avec le risque de ... (с риском)* - при выражении причинно-следственных отношений.

- Valjean est le pêcheur repenté en marche vers la perfection morale absolue. *A force de sacrifice, de grandeur d'âme*. (Le Figaro, 9.12.2008)

Выделенные парцелляты с производными предлогами можно конвертировать в самостоятельные простые предложения:

Valjean est le pêcheur repenté en marche vers la perfection morale absolue car il fait des sacrifices et il a de la grandeur d'âme.

Парцелироваться могут существительные не только с производными, но и с простыми предлогами, создающими, тем не менее, семантическое осложнение парцелированных отношений, где предлоги *avec, sans* и некоторые другие вместе с существительными представляют собой свернутый вариант придаточного предложения:

- Les hommes de Roland Courbis retrouvaient leurs automatismes après le repos. *Avec l'aide de Messens*. (Le Monde, 7.03.2008) (=Messens les aidait)

• Vous figurerez au rang des créanciers d'Air Lib, si vous en faites la demande, auprès du tribunal de commerce de Créteil. *Sans grand espoir de rentrer un jour dans vos frais...* (Le Parisien, 7.01.2009) (=Vous n'espérez pas rentrer un jour dans vos frais)

Интересно то, что союзное осложнение не пересекается с предложным. Язык выбирает чаще всего только один из двух способов осложнения. В группе примеров с парцелированными отношениями дополнительной предикативности союзное осложнение возможно только с определениями, да и то значительно реже, чем в рассматриваемом в данной статье материале.

Таким образом, структуры, осложненные семантикой союзов или их аналогами, рассматриваются нами как конструкции, построенные по принципу вторичной связи: союзная связь накладывается на связь словоформ и те отношения, которые существуют между ними (объектные, обстоятельственные и т.д.). Под «союзным аналогом» мы понимаем те служебные и десемантизированные знаменательные слова, которые выступают в союзной функции, определяя характер семантико-синтаксических отношений между параллельными членами. Анализ материала позволяет сделать вывод о том, что не все союзы и союзные аналоги могут оформлять отношения между частями парцелированной конструкции. Как показало исследование разрыву могут подвергаться в разной степени следующие семантико-синтаксические типы отношений: противительные, присоединительные, сравнительные, уточняюще-присоединительные и отношения обусловленности. Из списка возможностей парцелляции исключается разрыв уступительно-противительных и условных отношений, оформляемые союзом *si*.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Есперсен О. Философия грамматики. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1958. – 404 с.
- Илия Л.И. Пособие по теоретической грамматике французского языка. – М.: Высшая школа, 1979. – 215 с.
- Королев А.П. Пояснительная связь в современном русском языке. – Ижевск: Изд-во УдГУ, 1992. – 139 с.
- Санников В.З. Русские сочинительные конструкции. Семантика. Прагматика. Синтаксис. – М.: Наука, 1989. – 267 с.

- Шигаревская Н.А. Новое в современном французском языке. – Л.: Просвещение, 1977. – 103 с.
- Grevisse M. Le bon usage. Grammaire française avec des remarques sur la langue française d'aujourd'hui. Septième édition. – Paris: Librairie orientaliste Paul Geuthner, 1959. – 1156 p.
- Mounin G. Le problème des critères d'analyse dans la description linguistique fonctionnelle: la coordination // De la théorie linguistique à l'enseignement de la langue. – Paris, 1974. – P. 198-213.
- Pottier B. Systématiques des éléments de relation. – Paris, 1962. – 219 p.

Божко Е.М.

Екатеринбург, Россия
**УЧЁТ ПЕРЕВОДЧИКМИ
 КОММУНИКАТИВНОЙ
 СИТУАЦИИ ПРИ ВЫБОРЕ
 СТРАТЕГИИ ПЕРЕВОДА НА
 РУССКИЙ ЯЗЫК РОМАНА ДЖ.
 Р. Р. ТОЛКИНА «ВЛАСТЕЛИН
 КОЛЕЦ»**

Аннотация. В статье описывается влияние коммуникативных ситуаций перевода на выбор переводчиками стратегии перевода на русский язык романа Дж. Р. Р. Толкина «Властелин Колец».

Ключевые слова: перевод художественной литературы, стратегия перевода, тактика перевода, коммуникативная ситуация, Толкин, «Властелин Колец».

Сведения об авторе: Божко Екатерина Михайловна, ассистент кафедры перевода и переводоведения.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет.

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26, к. 459.

e-mail: ekaterina.bozhko@gmail.com.

Bozhko E.M.

Ekaterinburg, Russia
**THE TRANSLATORS' TRACKING
 OF COMMUNICATIVE
 SITUATION WHILE CHOOSING
 THE STRATEGY OF
 TRANSLATION INTO RUSSIAN
 OF THE NOVEL "THE LORD OF
 THE RINGS" BY J. R. R. TOLKIEN**

Abstract. The article describes the influence of communicative situations on the translation strategy used by the translators in Russian translations of the novel "The Lord of the Rings" by J.R.R. Tolkien.

Keywords: belles-lettres translation, translation strategy, translation tactics, communicative situation, Tolkien, "The Lord of the Rings"

About the Author: Bozhko Ekaterina Mikhailovna, Assistant Lecturer of the Chair of Translation and Translatology.

Place of employment: Ural State Pedagogical University.

В терминосистеме переводоведения понятие «стратегия перевода» ещё не имеет достаточно чёткого определения. Наряду с сочетанием «стратегия перевода» в исследованиях можно встретить словосочетания «тактика перевода», «стратегия переводчика», «переводческая стратегия», и даже «стратегия поведения переводчика в процессе перевода» [Витренко 2008: 4]. Говоря о стратегии перевода, необходимо помнить о вторичности характера творчества переводчика, уважении к тексту оригинала, критическом отношении к своим действиям, определении цели и условий выполнения перевода [Витренко 2002: 5-6].

Смысл понятия «стратегия перевода» в переводоведении может

трактоваться по-разному: как «то, что нужно сделать для того, чтобы рецептивный смысл, извлекаемый иноязычным и инокультурным коммуникантом, оказался аналогичным в своих существенных чертах интенциональному замыслу автора» [Крюков 1989: 159-160]; как «программа переводческих действий по отношению к процессу перевода» [Швейцер 1997: 25]; как «определенная генеральная линия поведения переводчика, стратегия преобразования им исходного текста в виде "деформации" последнего, когда решается вопрос о том, чем жертвовать» [Гарбовский 2004: 502]; как «потенциально осознанные планы переводчика, направленные на решение конкретной задачи, а именно микро- и макростратегии, т. е. способы решения целого ряда переводческих проблем и пути решения одной проблемы» [Злобин 2004: 122] и даже как «нечто "запланированное", "целенаправленное", "ориентированное на успех", "систематическое", "постепенно развивающееся", "направленное на решение комплексной задачи"» [Дьяконова 2004: 65-66].

В.В. Сдобников предлагает определять стратегию перевода как «программу осуществления переводческой деятельности, формирующуюся на основе общего подхода переводчика к выполнению перевода в условиях определённой коммуникативной ситуации двуязычной коммуникации, определяемую специфическими особенностями данной ситуации и целью перевода и, в свою очередь, определяющую характер профессионального поведения переводчика в рамках данной коммуникативной ситуации» [Сдобников 2011: 115]. Таким образом, коммуникативная ситуация с использованием перевода является ведущим фактором определения той или иной стратегии этого перевода.

Коммуникативная ситуация с использованием перевода (В.В. Сдобников использует для её обозначения аббревиатуру КСП) обусловлена определёнными параметрами. В. В. Сдобников разделяет эти параметры на первичные и вторичные. К первичным параметрам он относит: 1) личность инициатора перевода и его роль в КСП; 2) цель осуществления перевода; 3) характер отношений между субъектами коммуникации (официальный или неофициальный); 4) условия осуществления неречевой (предметной) деятельности коммуникантов. Вторичные параметры КСП включают: 1) контакт коммуникантов (непосредственный или опосредованный); 2) форма контакта (устная или письменная); 3) расположение коммуникантов (контактное или дистантное) [Сдобников 2011: 116].

На примере перевода произведений художественной литературы КСП будет обусловлена следующими параметрами:

Первичные параметры КСП:

1) Инициатор перевода – в большинстве случаев издательство, заключающее договор на перевод и последующее опубликование текста определённого зарубежного художественного произведения. Очень редко инициатором перевода выступает переводчик, решивший донести до своих соотечественников зарубежное произведение, представляющее, по его мнению, большую художественную ценность. В случае с первыми переводами интересующего нас романа «Властелин Колец» инициаторами перевода выступали именно переводчики – первый перевод был осуществлён А. Грузберггом (1976-1977 гг.); позже вышла первая книга романа – «Хранители», переведённая В. Муравьёвым и А. Кистяковским (1982 г.);

2) Цель осуществления перевода – донести до русскоязычных читателей произведение литературы фэнтези, представляющее собой огромную художественно-эстетическую ценность;

3) Характер отношений между субъектами коммуникации – трудно определить, поскольку здесь между переводчиком и читателем стоит ещё один коммуникант – издательство. Между издательством и переводчиком отношения официальные, между переводчиком и читателем – скорее нет, т.к. переводчик представляет себе некоего абстрактного среднестатистического читателя, представителя некой целевой для него аудитории, и ориентируется на то, что будет этой аудитории интересно;

4) Условия осуществления деятельности коммуникантов: письменный перевод произведения переводчиком с дальнейшей публикацией его издательством и поступлением тиража в книжные магазины, где его имеют возможность купить потенциальные читатели.

Вторичные параметры КСП:

1) Контакт коммуникантов: между переводчиком и издательством контакт непосредственный, поскольку с переводом работают также редакторы и корректоры, а между переводчиком и читателем контакт опосредованный;

2) Форма контакта между переводчиком и читателем – письменная. Устная форма возможна при общении переводчика и редакторов и корректоров издательства;

3) Расположение коммуникантов – контактное для переводчика

и издательства и дистантное для переводчика и читателя.

Согласно типологии КСП, выстроенной В. В. Сдобниковым [Сдобников 2011: 117-118], ситуация с переводом художественной литературы относится к типу КСП-2_{informal} и может принадлежать к трём из четырёх её подтипов – КСП-2_{автор} (в случае с автопереводом художественного произведения), КСП-2_{buyer} (в случае, если заказчик перевода – издательство) или КСП-2_{trans} (в случае, если переводчик по собственной инициативе решает донести до потенциального читателя перевод произведения зарубежного автора).

Цель перевода художественного произведения в самом общем виде – создание функционального и прагматического аналога исходного текста на переводящем языке. Цель обуславливает выбор переводчиком стратегии перевода. Л. Венути выделяет две диаметрально противоположных стратегии перевода: «*foreignization*» и «*domestication*», определённых Умберто Эко как «остранение» и «одомашнивание» [Эко, 2006]. Первая из них предполагает ориентацию на культуру исходного языка (*foreignization*, остранение), сохранение чужеродных, исходных языковых и культурных элементов текста; вторая – ориентацию на культуру переводящего языка (*domestication*, одомашнивание), адаптацию оригинала с целью сделать текст более узнаваемым для читателя [Lindfors, 2001: Электронный ресурс]. Исследованные нами четыре перевода романа Дж. Р. Р. Толкина «Властелин Колец» очень ярко иллюстрируют эти две полярные стратегии перевода на примере частотности переводческих приёмов передачи на русский язык такой группы лексических единиц как квазиреалии – слова и выражения, обозначающие реалии мира, выдуманного автором [Вассер-Лазова, 2007: Электронный ресурс].

В переводе А. Грузберга подавляющее большинство квазитопонимов и квазиантропонимов, вне зависимости от наличия внутренней значимой формы, переданы приёмами механической передачи – транскрипцией или транслитерацией. Именно такого отображения романа в переводах сначала и хотел сам Дж. Толкин. Однако многие имена и географические названия в оригинале романа имеют староанглийские, валлийские и скандинавские корни, которые по большому счёту являются во многом понятными для носителей современного английского языка, а вот для русскоговорящих читателей понятность таких квазиреалий теряется. А. Грузберг достаточно широко использует и такой приём, как графический перенос. С его помощью переданы

многие реалии из Приложений к тексту романа, а также генеалогические древа хоббитов. Отличительной чертой перевода А. Грузберга является очень малое количество использования приёмов переводческого неологизма и создания новой квазиреалии. Это также свидетельствует о минимальном стремлении переводчика каким-либо образом переделать или приукрасить текст перевода с ориентацией на переводящую культуру. Таким образом, в КСП целью А. Грузберга, чей перевод выходил сначала в самиздате, было расширение аудитории читателей романа при сохранении иноязычного «оттенка» текста. Однако остранение оставляет произведение не до конца понятным для русскоязычного читателя.

В переводе В. Муравьёва и А. Кистяковского преобладает приём опущения квазиреалий и очень высока частота использования приёмов переводческого неологизма и создания новой квазиреалии, отсутствующей в оригинале. Ещё одной отличительной чертой этого перевода является стройная и логичная концепция имён, предложенная переводчиками, но в значительной степени искажающая оригинал, и переложение батальных сцен, военных реалий (беллумотивов) и статусивов «на русский лад». Следовательно, это уже произведение скорее самих переводчиков, а не Дж. Толкина. Таким образом, В. Муравьёв и А. Кистяковский в КСП преследовали цель создать коммуникативно-равноценный оригиналу текст перевода, потенциально способный обеспечить коммуникативное воздействие на читателя перевода в соответствии с намерениями автора оригинала. Переводчики ориентировались на достижение того же самого прагматического эффекта, что и оригинал на своих читателей – чтобы текст читался как яркая, красочная сказка и не был «сухим» по стилю.

В переводе Н. Григорьевой и В. Грушецкого (1984-1989 гг.) ведущее место также принадлежит приёму опущения. Многие события сокращены или даны в пересказе, а диалоги опущены. Это свидетельствует о наличии значительных искажений оригинала. Свой подход Н. Григорьева и В. Грушецкий обосновывают в предисловии ко второму изданию перевода: «В работе по переводу трилогии для нас принципиально важно было попытаться передать смысловую составляющую (не всегда прямо выраженную), не отрываясь слишком далеко от самого текста» [Толкиен, 1991: VI]. Таким образом, в КСП мы видим использование стратегии переадресации [Сдобников 2011: 121], когда в переводе опущены длинные описания и рассуждения, так как он «адре-

сован массовому читателю, которого ничего, кроме лихо закрученного сюжета, не интересует» [Петрова 2010: 21].

Перевод М. Каменкович и В. Каррика (нач. и сер. 1990-х гг.) является попыткой создать «академический» вариант перевода. Он снабжен очень объёмными (184 стр.) комментариями переводчиков с объяснением причин выбора того или иного варианта перевода слова или выражения. При выборе варианта перевода в большинстве случаев соблюдались рекомендации по переводу, которые написал для переводчиков сам Дж. Р. Р. Толкин. Доля искажений оригинала мала. Есть отдельные попытки переориентировать перевод на культуру переводящего языка. Однако отмечается сухой, неживой стиль текста перевода, а также чрезмерная и абсолютно отсутствующая в оригинале христианизация содержания. М. Каменкович и В. Каррик рассматривают символы, заключённые в трилогии, в рамках христианской (причём православной) традиции, приводя многочисленные цитаты из П. А. Флоренского и православных Евангелий, упоминая, впрочем, что сам Толкин был католиком» [Семёнова 2001: 191]. Таким образом, в КСП этого текста переводчики воспользовались стратегией коммуникативно-равноценного перевода в сочетании со стратегией переадресации, таким образом, в определённой степени уравнивая эффекты остранения и одомашнивания оригинала.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Вассер-Лазова Н. Квазиреалии в антиутопии [Электронный ресурс] // Мясной Газ № 1, 2007. – URL: http://www.litsovet.ru/index.php/material.read?material_id=103777, свободный (дата обращения: 13.01.2012).

Витренко А.Г. К вопросу о терминологии современного переводоведения // Вестник МГЛУ. – 2002. – Вып. 463: Перевод и дискурс / отв. ред. В. К. Ланчиков. – С. 3-16.

Витренко А.Г. О «стратегии перевода» // Вестник МГЛУ. – 2008. – Вып. 536.: Сопоставительная лингвистика и вопросы перевода / отв. ред. Д. И. Ермолович. – С. 3-17.

Гарбовский Н.К. Теория перевода. – М.: Изд-во МГУ, 2004. – 544 с.

Дьяконова Н.А. Функциональные доминанты текста как фактор выбора стратегии перевода: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. – М.: МГЛУ, 2004. – 185 с.

Злобин А.Н. Опыт использования метатекстов в культурологическом анализе перевода // Университетское переводоведение. Вып. 5: Материалы V международной научной конференции по переводоведению «Федоровские чтения» 23-25 октября 2003 г. – СПб: Филологический ф-т СПбГУ, 2004. – С. 118-127.

Крюков А.Н. Теория перевода. – М.: Военный Краснознаменный институт, 1989. – С. 159-160.

Петрова О.В. Прагматическая адаптация и переадресация текста при переводе // Проблемы перевода и переводоведения: сб. науч. трудов. Серия «Язык. Культура. Коммуникация». Вып. 13. – Нижний Новгород: НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2010. – С. 17-23.

Сдобников В.В. Коммуникативная ситуация как фактор определения стратегии перевода // Вестник НГЛУ. Выпуск 14. Проблемы перевода и переводоведения. – 2011. – №14. – С. 114-124.

Семёнова Н.Г. Пять переводов «Властелина Колец» Дж. Р. Р. Толкина // Альманах переводчика / сост. Н. М. Демурова, Л. И. Володарская; отв. ред. М. Л. Гаспаров. – М.: РГГУ, 2001. – С. 159-198.

Толкиен Дж. Р. Р. Властелин Колец / пер. с англ. Н. Григорьевой, В. Грушецкого. – СПб.: Северо-Запад, 1991. – 1008 с.

Толкиен Дж. Р. Р. Хранители. Две твердыни. Возвращенье Государя: повести / пер. с англ. В. Муравьева и А. Кистяковского. – М.: ЭКСМО-Пресс: ЯУЗА, 2000.

Толкин Дж. Р. Р. Властелин Колец / пер. с англ. Н. Григорьевой, В. Грушецкого. Стихи в пер. И. Гриншпуна. Ил. на обл. А. Ломаева. – СПб.: Азбука-классика, 2000. – 1131 с.

Толкин Дж. Р. Р. Властелин Колец: роман / пер. с англ. А. Грузберга. Стихи в пер. А. Застырца. – Екатеринбург: У-Фактория, 2002. – Ч. 1. Товарищество Кольца: в 2 кн. – 544 с. Ч. 2. Две крепости: в 2 кн. – 448 с. Ч. 3. Возвращение Короля: в 2 кн.; приложения. – 544 с.

Толкин Дж. Р. Р. Властелин Колец: трилогия / пер. с англ. М. Каменкович, В. Каррика. Стихи в пер. С. Степанова, М. Каменкович. – СПб.: Амфора, 2002. – 1279 с.

Швейцер А. Д. Буквальный перевод и интерференция // Перевод и коммуникация / отв. ред. А. Д. Швейцер и др. – М.: Ин. яз. РАН, 1997. – С.22-34.

Эко У. Сказать почти то же самое. Опыты о переводе / пер. А. Коваля. – СПб.: Симпозиум, 2006. – 574 с.

Lindfors A-M. Respect or Ridicule: Translation Strategies and the Images

of A Foreign Culture [Электронный ресурс] // The Electronic Journal of the Department of English at the University of Helsinki, 2001, Volume 1. – URL:[http://www.eng.helsinki.fi/hes/ Translation/re_spect_or_ridicule1.htm](http://www.eng.helsinki.fi/hes/Translation/re_spect_or_ridicule1.htm), свободный (дата обращения: 10.01.2013).

Tolkien J. R. R. The Lord of the Rings: in 3 volumes. [Electronic resource] - New York: Ballantine Books, 1965. – URL: <http://kniga2001.narod.ru/bibl/index.htm>, свободный (дата обращения: 15.01.2012).

Комарова З.И.

Екатеринбург, Россия

ДИСЦИПЛИНАРНО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ*Komarova Z.I.*

Ekaterinburg, Russia

DISCIPLINARY AND METHODOLOGICAL STRUCTURE OF MODERN LINGUISTICS

Аннотация. На базе взаимодействия теории и метода в статье обосновывается единство дисциплинарной и методологической структуры современной лингвистики и устанавливается дисциплинарно-методическая структура макролингвистики.

Ключевые слова: метод, методология, структура, макролингвистика, внутренняя и внешняя лингвистика, интерлингвистика, промежуточная лингвистика, прикладная лингвистика.

Abstract. The article substantiates the unity of disciplinary and methodological structure of modern linguistics on the basis of interaction of theory and method as well as establishes the disciplinary and methodological structure of macrolinguistics.

Keywords: method, methodology, structure, macrolinguistics, inner and outer linguistics, introlinguistics, intermediate linguistics, applied linguistics.

Сведения об авторе: Комарова Зоя Ивановна, доктор филологических наук, профессор.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет.

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26, к. 462.

e-mail: zikomarova@bk.ru.

About the Author: Komarova Zoya Ivanovna, Doctor of Philology, Professor.

Place of employment: Ural State Pedagogical University.

Сложная, многомерная, многокачественная природа языка обуславливает сложную разветвлённую дисциплинарно-методологическую структуру¹ современной лингвистики, представленную в схеме [Комарова 2012: 352].

Дадим интерпретацию таблицы.

Как установлено, вся совокупность знаний о языке – **макролин-**

¹ Взаимодействие теории и метода (см. раздел 7.1) обуславливает взаимозависимость дисциплинарной и методологической структуры лингвистики: «Дисциплинарная структура лингвистической науки, вместе с тем, не существует независимо от её методологической структуры» [Даниленко 2007: 6].

гвистика (греч. *macros* – «большой, обширный»)¹ с учётом объекта лингвистики включает два взаимосвязанных раздела: **теоретическую лингвистику** и **прикладную лингвистику**. Эта дихотомия была введена в науку отечественным учёным И. А. Бодуэном де Куртенэ в конце XIX – начале XX веков, а оформление относится примерно к 20-м годам XX века [Баранов 2001: 7].

Осмысление структуры научного знания о языке стало рассматриваться как центральная задача языкознания с середины XX века, когда в *теоретической лингвистике* (чаще называемой *общим языком*) оформились четыре основных раздела: *внутренняя лингвистика*, *внешняя лингвистика*, *интерлингвистика* и «*промежуточная*» *лингвистика*.

Но поскольку лингвистика развивалась «не прямолинейно, а зигзагообразно, *меняя фокусы и векторы своих интересов*» [Сусов 2007: 8], то и оформление этих разделов шло одновременно и противоречиво.

Так, дихотомия *внутренняя лингвистика* – *внешняя лингвистика* была обозначена Ф. де Соссюром, при этом внутренняя лингвистика, по Ф. Соссюру, изучает язык как систему знаков: от отношений в системе к её членам в синхронии, в статике [Соссюр 1999: 23], тогда как внешняя лингвистика – это условия существования языка, т. е. связь с внеязыковыми явлениями, а также лингвистика речи, диахроническая лингвистика (эволюционная, динамическая) [Там же: 28-29].

В наши дни **внутренняя лингвистика** изучает преимущественно субстанциональные свойства языка как системно-структурного образования, позже – и функционально-прагматические свойства языковых единиц.

Дальнейшее деление внутренней лингвистики в отечественном языкознании, осуществлённое И. А. Бодуэном де Куртенэ, проводится в зависимости от *уровня языковых знаков, выступающих объектом исследования*. При этом уровневая модель является одним из основных средств представления структуры языка [Тарламов 1995].

1. Фонетика² – традиционный раздел языкознания, изучающий звуковую сторону языка, в современном и историческом развитии,

¹ Термин М. П. Ильяшенко [1970: 30] и использован А. Е. Карлинским [2009: 27]. Этот термин использовался в 30-50-е годы XX века американскими дескриптивистами.

² Следует отметить, что китайская, индийская и арабская языковедческие традиции и европейская (античная) относятся ещё к 3-1 тысячелетию до н. э., когда появляются

включает: 1) акустическую; 2) артикуляционную; 3) экспериментальную и 4) функциональную.

2. Фонология изучает фонологическую систему языка и включает 1) сегментную и 2) суперсегментную, фонологию.

3. Лексикология изучает словарный состав, лексику языка в его современном и историческом развитии и включает 1) семасиологию и 2) ономасиологию.

3.1. Семасиология – раздел языкознания, занимающийся лексической семантикой, т. е. значениями слов и словосочетаний, которые используются для номинации отдельных предметов и явлений. Один из разделов семантики, противопоставленный *ономасиологии*.

3.2. Ономасиология – раздел языкознания, который занимается изучением принципов называния (номинации). Один из разделов семантики, противопоставленный *семасиологии*.

4. Фразеология изучает фразеологический состав языка в его современном состоянии и историческом развитии.

5. Грамматика изучает грамматический строй языка в его грамматических категориях, грамматических единицах и грамматических формах и включает: 1) морфологию, 2) морфемiku, 3) словообразование и 4) синтаксис.

5.1. Морфология – раздел грамматики, изучающий закономерности функционирования и развития морфологической системы языка, которая включает: 1) формообразование (закономерности образования форм слов) и 2) теорию частей речи (классов слов, выделяемых на основании общности их морфо логических, синтаксических и семантических свойств). На стыке морфологии и фонологии сформировалась *морфонология*, не обозначенная на схеме.

5.2. Морфемика – раздел грамматики, изучающий морфемный строй языка: типы и структуру морфем, их отношение друг к другу и к слову в целом.

5.3. Словообразование – раздел грамматики, изучающий способы образования, функционирования, строения и классификации производных и сложных слов.

5.4. Синтаксис – раздел грамматики, изучающий процессы порождения речи: сочетаемость и порядок следования слов внутри пред-

зачатки знаний (фонетических, лексических, грамматических, этимологических и др.) о языках.

ложения, а также общие свойства предложения как самостоятельной единицы языка (и речи).

6. Семантика – раздел языкознания, изучающий содержание, информацию, передаваемую языком или какой-либо его единицей (словом, грамматической формой слова, словосочетанием, предложением).

7. Лингвистика текста – раздел языкознания, в котором изучаются правила построения связного текста и его смысловые (текстовые) категории, выражаемые этими правилами. Лингвистика текста как лингвистическая наука включает теорию текста и прикладные направления.

8. Лингвосемиотика – область языкознания, в которой изучается специфика языковых знаков и специфика языка как знаковой системы, и формируются знаковые теории языка.

9. Менталингвистика – область языкознания, в которой изучается взаимоотношение *языка и мышления, языка и сознания*, а также концепции вербализации речемыслительных процессов. Язык рассматривается как важнейшее средство общения людей и средство выражения их мыслей и чувств. Менталингвистика связана с *психолингвистикой, нейролингвистикой и когнитивной лингвистикой*.

10. Коммуникативная лингвистика – область языкознания, в которой изучается взаимодействие субстанциональных и функциональных свойств в ситуации реального общения в устной и письменной форме.

11. Прагмалингвистика (лингвистическая прагматика) – относительно молодая область языкознания, которая обеспечивает стратегию исследования субстанциональных и функциональных свойств языковых единиц, составляющих их прагматическую ценность в разных актах коммуникации на базе изучения речевых актов и теории речевой деятельности.

12. Лингвистическая типология (<греч. *typos* – «отпечаток, форма, образец» + *logos* – «учение, наука») – лингвистическая область, в которой осуществляется сравнительное изучение структурных и функциональных свойств языков независимо от характера генетических отношений между ними и ареальных их объединений, а на основе *языкового типа*.

Основы лингвистической типологии начали закладываться одновременно с формированием сравнительно-исторического языкознания¹.

13. Лингвистика универсалий (<лат. *universalis* – «общий, всеобщий») и *лингвистическая типология* – две близкие по интересам области языкознания, составляющие единое исследовательское пространство, т.к. их общим объектом являются одинаковые или сходные черты самых разных языков в том случае, если эта близость не обусловлена ни родством языков, ни их влиянием друг на друга. В *лингвистике универсалий* акцент делается на свойствах, *присущих всем языкам или большинству из них*, т. е. верификации и интерпретации *лингвистических универсалий*.

Такова в общих чертах дифференциация *внутренней лингвистики*. Следует подчеркнуть, что названные разделы языкознания к нашим дням уже стали автономными лингвистическими дисциплинами.

Обозначим дифференциацию **внешней лингвистики**, в которой становление методологических основ многочисленных гибридных лингвистических дисциплин относится чаще всего к последней трети XX века. При этом существует мнение, что внешняя лингвистика – это внутренняя лингвистика, использующая для изучения языка методы пограничных наук, как правило, совместно с лингвистическими методами.

1. Психолингвистика – лингвистическая наука, сложившаяся на стыке *психологии, лингвистики и речеведения*, изучающая процессы речеобразования, а также восприятия и формирования речи в их соотносённости с системой языка, т. е. изучает сложный триединый комплекс деятельности человека: *мысле-рече-языковой деятельности*. Как гибридная наука *психолингвистика* по предмету исследования близка к лингвистике, а по методам – к психологии.

2. Нейролингвистика, биологическая лингвистика – лингвистическая дисциплина, возникшая на стыке *неврологии (нейрофизиологии)* и *лингвистики* и изучающая систему языка в соотношении с мозговым субстратом языкового поведения человека, т. е. изучает психофизиологический механизм языкового отражения действительности. В

¹ Отметим, что сами термины типология и тип появились более века спустя: употреблены в «Тезисах» Пражского лингвистического кружка (1929) [Климов 1981: 21].

последние десятилетия актуальными стали исследования обратной связи – влияние речи на протекание физиологических процессов.

3. Этнолингвистика (<греч. *ethnos* – «народ, племя» + лингвистика)¹ – пограничная дисциплина, лежащая между *языкознанием, этнографией, социологией* и *антропологией* и изучающая язык в его соотношении с *этносом*, а также изучает взаимодействие языковых, этнокультурных и этнопсихологических факторов в функционировании и эволюции языка.

Возникает ещё более комплексная наука – лингвоэтносоциология (термин Л. Б. Никольского), которая исследует не только национальные, народные, племенные особенности *этноса*, но и особенности социальной структуры конкретного этноса (социума) и этноса (социума) вообще на поздней стадии его развития.

4. Ареальная лингвистика (<лат. *area* – «площадь, пространство») – лингвистическая наука, исследующая с помощью методов *лингвистической географии* распространение языковых явлений (языков и диалектов) в пространственной протяженности и межъязыковом (междиалектном) взаимодействии.

Зародилась в лоне *диалектологии* в конце XIX – начале XX веков. В ее ретине XX века методы и приёмы ареальной лингвистики вошли в состав исследовательского инструментария *сравнительно-исторического языкознания* нового периода.

5. Паралингвистика (<греч. *para* – «около» + лингвистика) – языковедческая дисциплина, изучающая невербальные, неязыковые средства (*фонационные, кинетические, графические*) включённые в речевое общение и передающие вместе с вербальными средствами смысловую информацию. Паралингвистические средства являются функциональным компонентом речевой деятельности, релевантным для каждого конкретного речевого общения [Колшанский 2010: 32].

В настоящее время паралингвистика утвердилась как отрасль языковедческой науки, занимающаяся сферой несловесной коммуникации [Там же: 6].

6. Математическая лингвистика – пограничная дисциплина, возникшая на стыке *математики* и *лингвистики*, предметом которой

¹ Термин *этнолингвистика* в работах американских учёных часто заменяется терминами *антропололингвистика*, *этносемантика*.

является разработка формального аппарата для описания строения естественных и некоторых искусственных языков; теория способов описания синтаксической структуры языков.

7. Лингвостатистика, лингвистическая статистика – лингвистическая дисциплина, разрабатывающая способы применения *статистических методов*, базирующихся на статистико-вероятностных закономерностях, в языкознании прежде всего для изучения процессов речи, а точнее – текстов. Структурно-вероятностное моделирование используется в психолингвистике и социолингвистике.

8. Палеография (<греч. *palaios* – «древний» и *grapho* – «пишу») – историко-филологическая дисциплина, изучающая создание знаков письменности и их развитие, а также закономерности развития письменности.

9. Лингвистическая палеонтология (<греч. *palaios* – «древний» + *ontos* – «существо» + *logos* – «учение, наука») – 1) область лингвистики, в которой при помощи соответствующих приёмов выявляются и истолковываются наиболее архаичные элементы языка, сохраняющиеся в истории и в данном его состоянии как пережитки утраченных более древних систем; 2) раздел знания, в котором на основании языковых реликтов восстанавливаются материальные и духовные условия жизни носителей вымершего языка.

10. Когнитивная лингвистика (<лат. *cognitio* – «познание»; *cogitatio* – «познавание») – одна из новых междисциплинарных когнитивных наук, начало которой приходится на 80-е годы XX века, в центре внимания которой находится язык как общий когнитивный (познавательный) механизм, как когнитивный инструмент – система знаков, играющих роль в репрезентации (кодировании) и в трансформировании информации. В механизмах языка существенны не только мыслительные структуры сами по себе, но и материальное воплощение этих структур в виде знаков со своими «телами».

11. Политическая лингвистика – новая наука второй половины XX века, возникшая на пересечении *лингвистики* с *политологией* и учитывающая также достижения *этнологии*, *социальной психологии*, *социологии* и других гуманитарных наук, активно вбирающая в себя эвристики дискурс-анализа и когнитивной методологии, предметом исследования которой является *политическая коммуникация*, *политический дискурс*.

12. Лингвокультурология – новая самостоятельная дисциплина европейского языкознания XXI века, возникшая на стыке *языкознания (психолингвистики, социолингвистики, этнолингвистики, лингвострановедения, прагма лингвистики и когнитивной лингвистики)* и *культурологии*, которая сосредоточила своё внимание на взаимодействии *языка* как транслятора культурной информации, *культуры* с её установками и предпочтениями и *человека*, который создаёт эту культуру, пользуясь языком.

13. Коммуникативно-прагматическая лингвистика – междисциплинарная антропоцентрическая дисциплина, в которой целесообразно интегрированы базовые категории *коммуникативной и прагматической лингвистики* для изучения механизмов речевого воздействия и исследования прагматических свойств языковых единиц в нескольких аспектах, связанных с 1) субъектом речи; 2) адресатом, их стремлением к взаимному воздействию и 3) ситуацией общения.

Тесно связана с *социолингвистикой, психолингвистикой, функциональным синтаксисом, лингвистикой и теорией текста и дискурса, общей теорией деятельности и философией естественного языка.*

14. Межкультурная коммуникация – междисциплинарная и межпарадигмальная языковедческая дисциплина, в которой на диалектическом этапе её развития центральными категориями становятся не формальные сочетания *коммуникации и культуры*, а динамические категории *межкультурной компетенции личности, дискурса и контекста* [Пермякова 2007: 34].

Завершая описание лингвистических дисциплин *внешней лингвистики*, следует отметить, что все эти многочисленные гибридные лингвистические дисциплины могли возникнуть лишь в пределах антропоцентрической парадигмы, настолько широкой, что её вслед за Н. А. Алефиренко считаем суперпарадигмой, поскольку её концептуальная база позволяет сформироваться множеству конкретных парадигм-спецификаторов (термин Ю. И. Сватко), а также макропарадигм. При этом, пожалуй, *«самым много обещающим для конструктивного развития научной мысли, – считает Н. Ф. Алефиренко, – оказываются лингвистические кентавры с головами того lingua, т. е. антропоцентрические образования маргинального происхождения (лат. *marginis* – «край»)»* [Алефиренко 2009: 217].

Как показывает схема, кроме оппозиции *внутренняя лингвистика – внешняя лингвистика*, в теоретической лингвистике выделяем ещё

два блока: *интерлингвистика* и «*промежуточная*» лингвистика, к описанию которых мы и перейдём.

Интерлингвистика – область языкознания, изучающая *международные языки* как средство межъязыкового общения людей разных государств, в которой основное внимание обращается на процессы возникновения *естественных международных языков* (1), к которым принадлежат *контактные* и *смешанные* языки, «самопроизвольно возникающие в результате необходимости межнационального общения на разноязычной территории» [Ахманова 1966: 531], например, *лингва франка*, *койне*, *пиджины*, для которых функция межъязыкового общения является реальной, но вторичной по отношению к роли этнического языка, а также на процессы создания и функционирования *международных искусственных языков* (2) например *воляпюк* (1879), *эсперанто* (1887), *идо* (1907), *интерлингва* (1951)...

В оппозиции к естественным языкам находятся так называемые *плановые языки* (3) – это своего рода эвфемизм, которым сторонники «рукотворных» языков предпочитают называть *неспециализированные искусственные между народные языки*, которые расшифровываются как «международный + искусственный + коммуникативно реализованный» [Кузнецов 1987: 9].

К языковым системам, которые остались потенциальными, коммуникативно нереализованными, к которым применяется термин *лингвопроект* [Там же: 9-10], например, *окециденталь* (1922); *новиаль* (1928); *линкос* (**лингвистика космоса** – 1960).

Во многих работах подчеркивается огромный энтузиазм по лингвопроектированию: за 2000 лет – 1000 проектов [Мечковская 2001: 185].

Наконец, ещё одна группа международных языков – *специализированные искусственные языки*, создаваемые людьми для точной передачи разнообразной специальной (профессиональной) информации (4), например, так называемая «биологическая латынь» для «тривиальных» наименований ботанических растений в систематике К. Линнея (1735). К этой группе языков относится изученный нами латинизированный семантический метаязык агрономии [Комарова, Хасаншина 2009].

В 60-70-е годы XX века делается попытка расширения проблематики *интерлингвистики* (Ю. А. Жлуктенко, В. П. Григорьев, Е. М. Верещагин, М. Ванд рушка, Т. П. Ильященко, Т. П. Ломтев) как науки о любых взаимоотношениях между языками (как естественными, так и

искусственными), включившей и область межъязыковых отношений. Интересно, что Н. Ф. Алефиренко включает в область интерлингвистики *социолингвистику, лингвокультурологию и компаративистику* [Алефиренко 2009: 234-313].

Неопределенность границ современной интерлингвистики обусловливает различное понимание предмета интерлингвистики».

Наконец, четвертый блок наук в теоретической лингвистике, обозначенный условно как **«промежуточная» лингвистика**, по определению Вяч. Вс. Иванова, – это промежуточное звено между *«внутренней лингвистикой»* и *«внешней лингвистикой»*, изучающей социальные и пространственно-временные условия бытования языка... Последними занимаются такие разделы языкознания, как *лингвистическая география, диалектология, социолингвистика, ономастика, топонимика, стилистика...*, которые пока не образовали единого целого...» [Вяч. Вс. Иванов 1998: 620].

1. Диалектология (<греч. *dialektos* + *logos*) – традиционный раздел языкознания (наука), изучающий местные, территориальные разновидности языка – *диалекты*. Диалектология подразделяется на: 1) *описательную диалектологию*, изучающую особенности территориальных диалектов, устанавливающую характер их фонетических, грамматических и лексических черт и определённых неязыковых (социально-исторических) факторов, которые отличают одни диалекты от других, и 2) *историческую диалектологию*, осуществляющую реконструкцию истории различных диалектов; историю возникновения, развития или утраты диалектных особенностей и установления диалектных разновидностей какого-либо языка (языков) на всем протяжении его существования и развития.

В наши дни диалекты изучаются в разных парадигмах, в том числе когнитивной и психолингвистической, в которых решается проблема диалектной языковой картины мира.

2. Лингвистическая география – раздел языкознания (наука), выделившийся из *диалектологии* в конце XIX века и изучающий территориальное распространение языковых явлений во взаимодействии с *ареальной лингвистикой*, что даёт возможность на основе сопоставительного изучения *изоглосс* получить важные сведения для изучения истории языков и диалектов, установить их исторические связи.

3. Социолингвистика, социальная лингвистика – междисциплинарная наука, возникшая на стыке *языкознания, социологии, соци-*

альной психологии и этнографии и представляющая собой реализацию на современном этапе лингвистических и социологических исследовательских принципов и процедур социологического направления в языкознании, которые были разработаны в первой половине XX века. Социолингвистика изучает широкий комплекс проблем, связанных с социальной природой языка, его общественными функциями, механизмом воздействия социальных факторов на язык и той ролью, которую играет язык в жизни общества.

В наши дни выявлено, что *социальный фактор* имеет такую сложную структуру, что механизм его воздействия на язык пока останется нераскрытым [Сусов 2007; Алефиренко 2009 и др.].

4. Компаративистика (<лат. *comparativus* – «сравнительный»), **сравни тельно-историческое языкознание** – область языкознания, объектом которой являются родственные языки, т. е. генетически связанные языки, которые сравниваются с целью установления соотношения между ними и описания их эволюции во времени и пространстве на базе *сравнительно-исторического метода*, базирующегося на принципах *сравнения* и *историзма*.

Находится во взаимоотношении с *сопоставительной, контрастивной лингвистикой*.

Одна из новых областей исследования – *теория и практика реконструкции текстов*, углубляя и расширяя проблематику компаративистики, возвращает её к исходной основе – принципу *историзма* и принципу *связи языка с культурой*.

5. Контрастивная, сопоставительная лингвистика – интенсивно развивающаяся с середины XX века область языкознания, которая занимается сопоставительным изучением двух, реже нескольких языков для выявления их сходств и различий (или только различий) на всех уровнях языковой структуры, как правило, на синхронном срезе языка с использованием *сопоставительного, контрастивного метода*.

Место контрастивной лингвистики в общей структуре лингвистики «ещё нуждается в уточнении» [Ярцева, 2002: 239].

6. Контактная лингвистика – относительно молодая, формирующаяся в наши дни междисциплинарная языковедческая наука, оформляющаяся на стыке *этнолингвистики, социолингвистики, психолингвистики, компаративистики, контрастивной лингвистики* и *интерлингвистики*, которая изучает разнообразные механизмы языковых

контактов (в структурном, социально-культурном, этноисторическом, этнокультурном и антропологическом аспектах) двух или нескольких языков при определённых социально-исторических условиях, а также изучает явления, возникшие в результате этих контактов, в частности – *контактные элементы*.

Термин контактная лингвистика впервые используется зарубежными исследователями в конце 90-х годов XX века (Р. Холл, Д. Тейлор, У. Вайнрайх, Й. Айдукович...) и отечественными исследователями уже в XXI веке (В. И. Томашпольский, В. П. Хабиров, М. Ф. Кондакова, А. И. Глазырина и др.).

Подчеркнём, что в отечественном языкознании мысль о необходимости создания особой «науки о законах внедрения и привнесения готовых элементов одной языковой системы в другую» высказал ещё в 60-е годы Вяч. Вс. Иванов, а в 70-е годы XX века – Б. А. Серебrenников.

7. Этимология (<греч. *etymon* – «истина» + *logos* – «учение, наука») – традиционный раздел языкознания, связанный с *диалектологией* и *исторической лексикологией*, в котором изучается происхождение слов на основе реконструкций первичных форм и значений с помощью *этимологического анализа* на основе *сравнительно-исторического метода*.

Вторая половина XX века характеризуется расширением этимологических исследований и освоением новых лексических материалов и новых методологических принципов.

8. Ономастика (<греч. *onomastike techne* – «искусство давать имена») – раздел языкознания, оформившийся в самостоятельную интегративную науку в 30-е годы XX века, связанную с *историей*, *этнографией*, *археологией*, *генеалогией*, *геральдикой*, *текстологией*, *литературоведением*, *географией* и др. и изучающий историю возникновения *имен собственных* и мотивы их номинации.

Ономастика включает: 1) *антропонимику* (<греч. *anthronos* – «человек» и *onyma* – «имя») – раздел ономастики, изучающий *антропонимы* – собственные наименования людей; 2) *топонимику* (<греч. *topos* – «место» и *onyma* – «имя, на звание») – раздел ономастики, изучающий *топонимы* – географические названия; 3) *этнонимику* (<греч. *ethnos* – «племя, народ» и *onyma* – «имя, название») – раздел ономастики, изучающий происхождение, распространение и функционирование *этнонимов* – слов, называющих различные виды этнических общно-

стей (наций, народов, народностей, племен, родов и т.п.) и *лингвонимов* (названий языков и диалектов).

9. Лингвистическая стилистика, общая стилистика – особая комплексная научная языковедческая дисциплина, оформившаяся к середине XX века, которая изучает выразительные средства и возможности языка и закономерности функционирования (использования) языка в различных сферах общественной деятельности и ситуациях общения; предметом стилистики является *стиль* во всех его значениях, однако задачи современной стилистики шире, поскольку она исследует и вопросы формирования стилей в связи с историей литературного языка, и язык художественной литературы (смыкаясь поэтикой), и проблемы организации текста (смыкаясь с лингвистикой текста), и различные жанры общения, исходя из учёта структуры речевого акта и его успешности, эффективности (смыкаясь с прагматикой). Существенной приметой современной стилистики является изучение языка *в динамике*, в связи с чем выделяется *функциональный* и *речеведческий* аспект, поэтому развитие стилистики связано с оформлением в языкознании *коммуникативно-функциональной парадигмы* лингвистики [Кожина 2003: 408-414].

10. Металингвистика – наука, предметом которой является *метаязык* лингвистики, т. е. язык «второго порядка», по отношению к которому естественный человеческий язык выступает как «язык-объект» [Гвишиани 2008; Иванов Вяч. Вс. 2004; Никитина 2010 и др.].

11. Историографическая лингвистики – комплексная междисциплинарная наука, базирующаяся на *философии и методологии науки, философии языка, науковедении, истории науки и общей историографии, истории лингвистических учений, теории языкознания, металингвистике и макролингвистике*, в XX веке всё более отходит от фактографии и хронологии, а выдвигает на первый план вопросы методологического характера, в первую очередь вопрос *об объекте историографии лингвистики и основных принципах описания процесса развития знания о языке*.

Современная историография лингвистики осознает свою тесную связь с *теорией языка*: она персонифицирует теории языка, существовавшие в истории языкознания, выделяет традиции, школы и направления в языкознании, даёт его периодизацию и выдвигает концепции развития языкознания как науки, критически анализируя труды предшественников; разрабатывает проблемы генезиса лингвистической

мысли и общие проблемы генезиса лингвистики как науки [Бокадорова, 2002: 204].

Таковы основные блоки теоретической лингвистики, с которой в двусторонних связях находится **прикладная лингвистика** (см. схему): с одной стороны, общие методы решения задач в прикладной лингвистике разрабатываются теоретическим языкознанием [Андрющенко, 2002: 397], а с другой, – «обзор проблематики практически любого прикладного направления вы являет в нём *значительную теоретическую составляющую*» (выделено мной – З.К.) [Баранов 2001: 4].

Сущность прикладной лингвистики состоит в том, что она занимается решением конкретных практических задач, связанных с использованием языка, причем *языка в действии*.

При этом прикладные лингвистические задачи отличает их заказной характер. В большинстве своём они представляют собой тот или иной социальный заказ: их реализация протекает в диалоге «заказчик – разработчик» [Герд 2005: 104]. Важной особенностью прикладных задач является их *проверяемость*, при этом проверяемость повторная, неоднократная и каждый раз на новом материале [Там же: 105].

Характерно, что большинство лингвистов подчеркивает, что прикладное языкознание издавна отличалось широким разнообразием, а сегодня представляет собой разветвлённую отрасль современной лингвистики [Баранов 2001; Герд 2005; Иванов Вяч. Вс. 2004; Кибрик 2002].

Отметим **основные направления прикладного языкознания**:

- теория письма;
- разработка алфавита, графика;
- орфография;
- орфоэпия;
- культура речи;
- прикладная риторика;
- теория и практика преподавания языка;
- лингвистическая картография;
- филологическая картография;
- филологическая стилеметрия;
- лингвистическая дешифровка;
- лингвистическая (стилистическая) диагностика;
- лингвистическая криминалистика;

- нормирование языка и языковая политика;
- вычислительная лингвистика;
- инженерная лингвистика;
- компьютерная лингвистика;
- автоматизированные обучающие системы;
- лексикография и терминография¹;
- автоматизация в лексикографии;
- автоматическое распознавание речи;
- сетевое представление знаний;
- практика перевода;
- машинный перевод;
- лингвистическое обеспечение информационно-поисковых систем;
- автоматическое реферирование и аннотирование;
- корпусная лингвистика;
- проектирование баз данных и баз знаний;
- разработка автоматизированного рабочего места специалиста и др.;
- прикладные аспекты количественной лингвистики;
- нейролингвистическое моделирование;
- психолингвистическое моделирование;
- прикладные аспекты политической лингвистики;
- лингвистические аспекты искусственного интеллекта и другие.

Как видим, в прикладные аспекты входят как древние и традиционные аспекты (первые семь аспектов, а также практика перевода; лексикография и терминография и др.), так и ряд новых аспектов, сформировавшихся к концу XX и даже началу XXI века.

В схеме нами обозначено 33 аспекта прикладной лингвистики, но они не исчерпывают всех возможных направлений, поскольку решение каждой новой задачи не тривиально и не шаблонно, а «число прикладных задач *непредсказуемо* (выделено мной – З. К.), т. к. нельзя предвидеть всех коммуникативных ситуаций типа «человек – человек» и «человек – ЭВМ», в решении которых может понадобиться

¹ В соответствии с данными отечественных и мировых терминологических школ современное терминоведение считается *интегрированной самостоятельной наукой*, а потому прикладные аспекты терминоведения не включаем в перечень прикладной лингвистики, хотя существует мнение, что не только прикладное терминоведение, но и само теоретическое терминоведение включается в прикладную лингвистику [Пищальникова, Сонин 2009 : 371].

участие лингвистов; сами задачи меняются: одни уходят, приходят новые, вызванные новыми социальными потребностями», – указывает А. С. Герд, – поэтому прикладная лингвистика динамично развивается [Герд 2005: 16]. Современная прикладная лингвистика столь же многообразна, как и область практической деятельности человека [Баранов 2001: 4; 323].

В наши дни зримым проявлением новой информационной сферы XXI века стал Интернет, потому важной задачей стала разработка программ-оболочек гипертекста, совершенствование ТБД и ТБЗ, создание корпусов текстов и т. д.¹

При этом следует особо подчеркнуть, что деление тем на фундаментальные и прикладные очень относительно, поскольку *теоретическое* и *прикладное языкознание* «представляет собой неразрывное семиотическое единство ряда дисциплин» [Герд 2005: 7], а также по тому, что «усиление темпов эволюции прикладного языкознания уже не раз порождало ускоренное развития лингвистической теории» [Герд 2005: 87]².

Такова в общих чертах дисциплинарно-методологическая структура современной лингвистики, включающая 78 лингвистических наук, однако в которой не нашло прямое отражение ряда областей (наук) с нескольких иных позиций:

- *дихотомия*: общее языкознание, изучающее свойства, присущие любому языку, т.е. теоретические проблемы языкознания – частное языкознание занимается изучением одного (например, русистика) или группы родственных языков (например, славистика);
- *дихотомия*: *синхрония–диахрония*: историческая фонетика, историческая лексикология, исторический синтаксис и т. д.;
- *различные направления*: традиционное, формальное, логическое, натуралистическое, психологическое, младограмматизм, социологическое и др. (в ЛЭС дано 16 направлений);

¹ Об актуальных проблемах современной прикладной лингвистики. См.: Баранов 2001, Герд 2005 и др.

² Анализ роли прикладной лингвистики в развитии теоретического языкознания за последние 30 лет дан в статье А. С. Герда (в соавторстве с В. В. Богдановым, Л. В. Бондарко, В. Д. Бугоровым) «*Прикладная лингвистика и теория языка*» [Герд 2005: 87-102].

- *этноязыковые*: русистика, славистика, германистика, романистика, арабистика, лингвистическая японология... (в ЛЭС – 17 областей);
- *аспектуальные*: описательная лингвистика, нормативная (прескриптивная) лингвистика, объяснительная лингвистика, структурная лингвистика, функциональная лингвистика и др.;
- *различные школы*: Московская фонологическая школа, Ленинградская фонологическая школа, Лондонская школа структурной лингвистики, Пражская школа структурной лингвистики и т. д. (в ЛЭС описаны 17 научных школ).

Таким образом, реальная дисциплинарно-методологическая структура лингвистики гораздо сложнее, чем она минимально представлена в схеме.

В целом можно утверждать, что *макролингвистика* сегодня является сложной системой, объединяющей в себе множество лингвистических наук, которые лишь *в совокупности* дают нам достаточно полное знание о разных сторонах человеческого языка как такового и всех отдельных языков: «Лингвистика как целостная наука о языке постепенно интегрировала историко-филологические, а затем и различные гуманитарные знания в *определённую целостность*, стимулируя интенсивное развитие науки о человеке и гуманизацию человеческого общества» [Журавлёв 2000: 85].

При этом *историография лингвистики* свидетельствует о том, что, во-первых, в современном мировом языкознании лидирует европейско-американская традиция, которая опирается на греко-римскую, а также и на восточную традиции; во-вторых, происходит активное взаимодействие и сближение национальных лингвистических направлений и школ [Иванов Вяч. Вс. 2004]; в-третьих, наше отечественное языкознание всё в большей степени втягивается в процесс планетарной интеграции лингвистической науки, всё заметнее становясь частью мирового языкознания [Сусов 2007].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Алефиренко Н. Ф. Современные проблемы науки о языке. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 416 с.
- Андрющенко В. М. Прикладная лингвистика // ЛЭС. – М.: Сов. энциклопедия, 2002. – С. 397.
- Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Сов. энциклопедия, 1966. – 576 с.
- Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику: учебное пособие. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 360 с.
- Бенвенист Э. Общая лингвистика. – 2-е. изд. – М.: УРСС, 2002. – 304 с.
- Бокадорова Н. Ю. Историография лингвистики // ЛЭС. – 2002. – С. 204-205.
- Гвишиани Н. Б. Язык научного общения: вопросы методологии. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 280 с.
- Герд А. С. Прикладная лингвистика. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. – 267 с.
- Даниленко В. П. Ономаσιологическое направление в грамматике. – М.: ЛКИ, 2007. – 407 с.
- Журавлев В. К. Истоки лингвистического мировоззрения XX века // Язык: теория, история, типология. – М.: Индрик, 2000. – С. 83-96.
- Иванов Вяч. Вс. Избранные труды по семиотике и истории культуры. – Т.1. – М.: Наука, 1998. – 880 с.
- Иванов Вяч. Вс. Лингвистика третьего тысячелетия. Вопросы к будущему. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 208 с.
- Кибрик А. Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. – М.: Эдиториал УРСС, 2002. – 336 с.
- Климов Г. А. Типологические исследования в СССР. – М.: Наука, 1981. – 113 с.
- Кожина М. Н. Стилистика // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. – М.: Флинта: Наука, 2003. – С. 408-414.
- Колшанский Г. В. Паралингвистика. – 4-е. изд. – М.: КомКнига. – 2010. – 96 с.
- Комарова З. И. Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике. – Екатеринбург: Изд-во УрФУ, 2012. – 818 с.
- Комарова З. И. Хасаншина Г. В. Латинизированный семантический метаязык в русском агрономическом подъязыке: монография. – Екатеринбург: Изд-во ИМС, 2009. – 334 с.
- Кузнецов С. Н. Теоретические основы интерлингвистики. – М.: Изд-во

РУДН, 1987. – 207 с.

Мечковская Н. Б. Общее языкознание: структурная и социальная типология языков. М.: Флинта: Наука, 1981. – 302 с.

Никитина С. Е. Семантический анализ языка науки. На материале лингвистики. – М.: Наука, 1987.; (2-е изд. УРСС 2010). – 146 с.

Пермякова Т. М. Межкультурная коммуникация в свете теории дискурса. – Пермь: Изд-во ПГУ, 2007. – 141 с.

Пищальникова В. А., Сонин А. Г. Общее языкознание. – М.: Академия, 2009. – 472 с.

Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики: пер. с франц. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. – 432 с.

Сусов И. П. Введение в теоретическое языкознание. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 379 с.

Тарланов З. К. Методы и принципы лингвистического анализа: учебное пособие. – Петрозаводск: Изд-во Петрозав. ун-та, 1995. – 189 с.

Ярцева В. Н. Контрастивная лингвистика // ЛЭС. – М.: Сов. энциклопедия, 2002. – С. 239.

Овешкова А.Н.

Екатеринбург, Россия

**НЕКОТОРЫЕ ФОРМЫ
СОСЛАГАТЕЛЬНОГО
НАКЛОНЕНИЯ (THE PRESENT
SUBJUNCTIVE И THE
SUPPOSITIONAL MOOD) В
БРИТАНСКОМ ВАРИАНТЕ
СОВРЕМЕННОГО
АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА**

Аннотация. В статье обсуждаются вопросы функционирования the Present Subjunctive и the Suppositional Mood (предположительного наклонения) в британском варианте современного английского языка.

Ключевые слова: *сослагательное наклонение, синтетическая форма, аналитическая форма, придаточное предложение.*

Сведения об авторе: Овешкова Анна Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английской филологии и сопоставительного языкознания.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет.

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26, к. 368.

e-mail: oveshkova-anna@yandex.ru.

Oveshkova A.N.

Ekaterinburg, Russia

**SOME FORMS OF THE
SUBJUNCTIVE (THE PRESENT
SUBJUNCTIVE AND THE
SUPPOSITIONAL MOOD) IN THE
BRITISH VARIANT OF THE
MODERN ENGLISH LANGUAGE**

Abstract. The article focuses on the frequency of occurrence of the Present Subjunctive and the Suppositional Mood in the British variant of the Modern English language.

Keywords: *the Subjunctive Mood, synthetic form, analytic(al) form, subordinate clause.*

About the Author: Oveshkova Anna Nikolayevna, Candidate of Philology, Associate Professor of the English Philology and Comparative Linguistics Department.

Place of employment: Ural State Pedagogical University.

В отечественной литературе бытует мнение, что форма сослагательного наклонения *the Present Subjunctive* не характерна для британского варианта современного языка. Так, в учебниках по практической грамматике [Грамматика английского языка 2006; Каушанская 2009; Крылова, Гордон 2000] утверждается, что синтетическая форма (the Present Subjunctive) редко используется в британском варианте:

- «In American English the present subjunctive is predominant in this sentence pattern (in subject clauses. *Прим. наше. – А.О.*)» [Грамматика английского языка 2006: 83];

- «The Present Subjunctive denotes an action referring to the present or future. This form is seldom used in Modern English. It may be found in poetry and in elevated prose, where these forms are archaisms used with a certain stylistic aim. It is also used in scientific language and in the language of official documents, where it is a living form» [Каушанская 2009: 168];
- «In British English the difference between the two forms is stylistic: *should* + *infinitive* is in common use and may be found in any style, whereas the use of the Subjunctive Mood is restricted to the language of official documents and to high prose. In American English the Subjunctive Mood is generally preferred» [Крылова, Гордон 2000: 144].

Аутентичные источники [Hewings 1999: 96; Parrott 2000: 129] также подтверждают вышесказанное, см., например:

- «In formal contexts, particularly in written English, we can often leave out **should** but keep the infinitive. An infinitive used in this way is sometimes called the *subjunctive*. <...> In less formal contexts we can use ordinary tenses instead of the *subjunctive*» [Hewings 1999: 96].

Контексты (1), (2) иллюстрируют положение М. Хьюингса (см. также [Вейхман 2002: 208]) – в придаточном сказуемом вместо формы сослагательного наклонения используется изъявительное наклонение:

(1) *All that's necessary is that Jack **meets** the right people and **learns** how to get on with them [Braine 1957].*

(2) *It is essential that he **is brought up** extremely carefully [Townsend 2008].*

Итак, согласно этой точке зрения, форма *the Present Subjunctive* более характерна для языка официальных документов (техническая и научная литература, разнообразные документы и т.п.), для текстов возвышенного стиля (в частности, поэзии), книжной речи или же для американского варианта, где *the Present Subjunctive* встречается как в простых, так и в сложноподчиненных предложениях (в некоторых типах придаточных). Этой же точки зрения придерживаются и многочисленные учебные сайты, например, см.:

- <http://english-grammar.biz>
- <http://www.engl.ilishrb.ru>
- <http://engmaster.ru/rule/2401>
- http://www.alleng.ru/mybook/3gram/6verb_31.htm

По мнению грамматистов, для выражения желательного, необходимого с точки зрения говорящего действия (т.е. действия гипотетического, проблематичного) в разговорном британском превалирует предположительное наклонение (см., например, работу Э.Р. Насанбаевой [2011]), представленное аналитической формой *should + Infinitive (the Suppositional Mood)*. Однако наши наблюдения некоторым образом расходятся с данным утверждением. Конечно, в некоторых типах придаточных используется именно предположительное наклонение, а форма *the Present Subjunctive* невозможна. Это, например, придаточные условия, придаточные предложения, передающие оценку и эмоции говорящего:

(3) *Uncle Cyril might have been capable of such conduct. But that it **should be** Jeeves – [Wodehouse 1922].*

(4) *The strange thing was that he **should have tried** the door and then the two windows [Maugham 1925].*

(5) ***Should** he **object** to this, one might point out that there are many young women... [Braine 1957].*

(6) ***Should** the worst **happen**, I hereby leave all my worldly goods to Pandora... [Townsend 1982].*

(7) *But **should** anything similar ever **happen** again... [Mason 2002].*

Также в простых вопросительных предложениях с полной линией предикации (риторические вопросы, в которых, по мнению Крыловой И.П., Гордон Е.М., проявляется эмфатическая функция *the Suppositional Mood* [2000: 128 – 131]) возможно только предположительное наклонение:

(8) *Why **should** I **lose** a valuable member of staff on one of the busiest days of the year and help that shirtlifter Blair get elected? [Townsend 2000].*

(9) *Why **should** I **be** embarrassed, anyway? [Kinsella 2009].*

Методом сплошной выборки нами было получено 196 контекстов с формами *the Present Subjunctive* и *the Suppositional Mood* (предположительное наклонение). Материалом послужил корпус оригинальных текстов 21 произведения британских авторов конца XIX – начала XXI вв. (1888 – 2009 гг.) общим объемом 6492 страницы. В выборку вошли произведения Р. Киплинга, П.Г. Вудхауса, У.С. Моэма, Дж. Ле Карре, Д. Дю Морье, Дж. Оруэлла, С. Таунсенд, М. Мейсона, С. Кинселлы.

Необходимо отметить, что за рамки исследования нами были вынесены устойчивые выражения с формой сослагательного наклоне-

ния на основании того, что, подобно фразеологическим единицам, они извлекаются из памяти в готовом виде, а не конструируются в речи. Например, *heaven forbid*, *suffice it to say* и пр.:

(10) *God forbid Chloe should see him on the phone to England again [Kinsella 2001].*

Из 196 контекстов 24 содержат придаточные условия с формой глагола в сослагательном наклонении. В большинстве случаев (21 контекст, 10,7% от выборки), независимо от периода написания книги, используется *the Suppositional Mood* со вспомогательным глаголом *should*. Лишь в 4 контекстах придаточное условия вводится с помощью союза (*if, in case*), превалирует бессоюзное соединение, сопровождаемое инверсией (17 контекстов, 8,7%). Данный случай инверсии называется частичной, она используется для выражения маловероятного условного действия. Профессор А.И. Смирницкий отмечал тесную связь этого типа инверсии с категорией наклонения [Смирницкий 2007: 70 – 74].

Нами также было выделено 60 конструкций (30,6% от выборки), передающих оценку и эмоции говорящего, все с формой предположительного наклонения *should + Infinitive*, за исключением вопросительных предложений типа *Why worry?* (7 случаев, 3,6%):

(11) *Why worry about a laughably simple job like distributing prizes at school [Wodehouse 1922].*

(12) *Why put all the lights out? [Le Carré 1963].*

Интересно, что в основном эти контексты относятся к литературе 1920-1950 гг. (53 контекста из 60, 27%) В современных источниках исследовательского материала подобных контекстов нам встретилось всего 7 (3,6%), 6 из которых являются вопросительными конструкциями:

(13) *Why should I be embarrassed, anyway? [Kinsella 2009].*

(14) *And why not ask Jeremy to end world poverty <...>? [Townsend 2009].*

Эмфатическая конструкция простого вопросительного предложения с *why* (как с *should*, так и с простой формой инфинитива) используется в языке по сей день. Однако что касается эмфатического *should* в дополнительных придаточных предложениях, придаточных подлежащих, зависящих от глаголов, выражающих сожаление, удивление, радость, волнение и пр., они в современном языке встречаются довольно редко. Ср.:

(15) ... it was terrifying that he **should lie** so still [Maugham 1925].

(16) Against my will I felt pleased that he **should have considered** my remarks interesting... [Braine 1957].

(17) He is content that others **should operate** [Le Carré 1963].

Для сравнения: в одном лишь романе У.С. Моэма «The Painted Veil» [1925] нами было выделено 26 подобных контекстов!

Впоследствии эти значения все чаще выражаются с помощью изъявительного наклонения: «Notice that when we leave out **should** in sentences like this (emotional *should*. *Прим. наше. – А.О.*) we use an ordinary tense, not an infinitive. There is usually very little difference in meaning between sentences like this with and without **should**. We leave out **should** in less formal contexts» [Hewings 1999: 96]. Таким образом, частотность *the Suppositional Mood* в вышеуказанных структурах снизилась.

Однако в иных типах придаточных (придаточных подлежащих, дополнения и некоторых других) синтетическая форма встречается весьма часто, даже с союзом *lest*, который в современных словарях английского языка имеет помету ‘formal’ и обычно ассоциируется с аналитической формой *should + Infinitive*.

В связи с тем, что нас интересует современное состояние британского варианта английского языка, мы более детально проанализируем часть выборки за период 1960 – 2009 гг. (т.е. за последние 50 лет). В данном случае мы следуем положению о том, что современный английский (*Present-day English*) – это язык нескольких последних десятилетий [Расторгуева 2002: 54].

Анализ исследовательского материала (эта часть корпуса составила 103 контекста, или 15 произведений объемом 4857 страниц) дал следующие результаты:

1. Было выделено 67 дополнительных придаточных предложений (65% от анализируемой части выборки), 17 условных придаточных предложений (16,5%), 6 придаточных предложений подлежащих (5,8%), по 2 придаточных предложения сказуемых и приложений (по 1,9%), а также 5 эмфатических вопросительных конструкций с *should* типа *Why should I?* (4,9%) и 4 эмфатические вопросительные конструкции с простой формой инфинитива типа *Why go there?* (3,9%).
2. В 33 контекстах из 103 (32%) встречается аналитическая форма *the Suppositional Mood*, однако это не означает, что во всех ти-

пах конструкций *should* + *Infinitive* одинаково частотна. 17 контекстов (16,5%) от этой части выборки составили придаточные условия, 10 контекстов (9,7%) – дополнительные придаточные предложения, 5 контекстов (4,9%) – эмфатические вопросительные конструкции с *should*, 1 контекст (1%) – придаточное предложение сказуемое.

3. Большой интерес представляют дополнительные придаточные предложения. Все они (за исключением 2 контекстов) зависят от глаголов, выражающих совет, требование, приказание и т.п. (например, *suggest, insist, request, ask, recommend, demand, propose*). Глагол *suggest* используется в подавляющем большинстве контекстов – в 43 (41,7%). Реже встречаются *insist* (10 предложений, 9,7%), *request* (5 предложений, 4,9%), *propose, ask* (по 2 предложения, 1,9%), *demand, recommend* (по 1 примеру, 1%). Из 67 конструкций лишь в 10 (9,7%) сослагательное наклонение получает выражение с помощью аналитической формы:

(18) *You suggested I should try something different for lunch, remember [Kinsella 2005].*

Таким образом, практика некоторым образом расходится с теорией, представленной в отечественных (как, впрочем, и в зарубежных) учебных пособиях, – синтетическая форма используется гораздо чаще аналитической. Лишь в одном учебнике авторы говорят о растущей частотности синтетической формы: «There are indications, however, that it (the Present Subjunctive. *Прим. наше. – А.О.*) is reestablishing itself in British English, probably as a result of American English influence» [Кашанская 2009: 181]. Вообще о влиянии американского варианта говорят многие лингвисты: «After 1945 the dominant voice in the English-speaking world was no longer British but American» [McCrum, Cran, MacNeil 2003: 22].

Несомненно, в первой половине прошлого века употребительность синтетической формы была ниже, нежели в современном британском. Так, в первой части нашей выборки (6 произведений объемом 1635 страниц) из 93 контекстов в 82 (т.е. в 88,2%) используется аналитическая форма *should* + *Infinitive*. Однако *the Present Subjunctive* – форма, существующая в английском с древнейшего периода до наших дней; этот факт подтверждает положение об обязательной преемственности элементов языка. В качестве иллюстрации приведем примеры из произведений Редьярда Киплинга:

(19) *But some eight dear, affectionate lady-friends explained the situation at length to her in case she **should miss** the cream of it [Kipling 1888].*

(20) *Unless he **be** one in a thousand he has certainly to pass through many unnecessary troubles... [Kipling 1888].*

Конечно, возникает правомерный вопрос: приложимы ли полученные результаты к разговорному языку в связи с тем, что источником материала послужили художественные произведения. Однако большая часть анализируемых романов характеризуется использованием разговорного стиля (книги С. Таунсенд, М. Мэйсона, С. Кинселлы). И с точки зрения И.В. Арнольд «названия «разговорный» и «книжный» соответствуют происхождению этих стилей: в своей специфике первая группа обусловлена характерными особенностями бытового диалога, а вторая группа – условиями письменного общения. Однако в настоящее время это деление необязательно соответствует делению речи по типам речевой деятельности на письменную и устную формы. Так называемый разговорный стиль широко используется в художественной литературе...» [Арнольд 2010: 323 – 324]. Дополнительно привлекался материал из национального корпуса английского языка [www.natcorp.ox.ac.uk], который, как известно, состоит из образцов как письменной, так и разговорной речи и включает материалы, относящиеся к последним десятилетиям XX века. Анализ этих контекстов также подтверждает все вышесказанное. Так, например, союз *lest*, вводящий дополнительные придаточные, придаточные цели и неизменно ассоциирующийся с аналитической формой в учебниках по грамматике, сегодня гораздо чаще используется либо с синтетической формой, либо с изъяснительным наклоном. Из 50 проанализированных контекстов *the Present Subjunctive* встречается в 30, изъяснительное наклонение – в 8 случаях.

Таким образом, налицо определенная закономерность: функциональная нагрузка аналитической формы (*the Suppositional Mood*) уменьшается; однако эта тенденция почти не находит отражения в учебной литературе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность / науч. ред. П.Е. Бухаркин. – 2-е изд. – М.: ЛИБРОКОМ, 2010. – 448 с.

Вейхман Г.А. Новое в грамматике современного английского языка: учебное пособие для вузов. – 2-е изд., доп. и испр. – М.: Астрель: АСТ, 2002. – 554 с.

Грамматика английского языка: Морфология. Синтаксис: учебное пособие для студентов педагогических институтов и университетов / Н.А. Кобрин, Е.А. Корнеева, М.И. Осовская [и др.]. – СПб.: Союз, 2006. – 496 с.

Каушанская В.Л. Грамматика английского языка: пособие для студентов педагогических институтов / В.Л. Каушанская, Р.Л. Ковнер, О.Н. Кожевникова [и др.] – 5-е изд., испр. и доп. – М.: Айрис-пресс, 2009. – 384 с.

Крылова И.П., Гордон Е.М. Грамматика современного английского языка: учебник для ин-тов и фак. иностр. яз. – 5-е изд. – М.: Университет, 2000. – 448 с.

Насанбаева Э.Р. Проблема модальности при переводе художественного текста // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. Вып. 57.– 2011. – № 24 (239). – С. 255-257.

Расторгуева Т.А. История английского языка: учебник. – 2-е изд., стер. – М.: Астрель: АСТ, 2002. – 352 с.

Смирницкий А.И. Синтаксис английского языка / под ред. В.В. Пасека, предисл. О.А. Смирницкой. – 2-е изд., испр. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 296 с.

McCrum R., Cran W., MacNeil R. The Story of English. – 3rd edition, revised. – NY: The Penguin Group, 2003. – 468 p.

British National Corpus [Electronic resource]. URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/>

Томилова А.И.

Екатеринбург, Россия

**К ВОПРОСУ ОБ ЭТАПАХ
ПЕРЕВОДА И
ПСЕВДОЭКВИВАЛЕНТНОСТИ**

Аннотация. Перевод псевдоэквивалентов осуществляется в несколько этапов, наиболее важным из которых является предпереводческий. Процесс девербализации, описанный в теории Д. Селескович и М. Ледерер, представляется значимым и учитывается нами при составлении словарной статьи псевдоэквивалентов.

Ключевые слова: псевдоэквивалентность, перевод, интерпретация, многозначность, объем лексического значения, девербализация, лексикография.

Сведения об авторе: Томилова Александра Игоревна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры романских языков.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет.

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26.

e-mail: alexara@list.ru.

Tomilova A.I.

Ekaterinburg, Russia

**TO THE PROBLEM OF STAGES
OF TRANSLATION AND
PSEUDOEQUIVALENCE**

Abstract. The translation of pseudo-equivalents has several stages, the most important of which is the before-translation stage. The process of deverbalization described in the theory of D. Seleskovich and M. Lederer seems to us significant and is taken into consideration while composing of the dictionary entry of pseudoequivalents.

Keywords: pseudoequivalence, translation, interpretation, polysemanticism, volume of the meaning of a word, deverbalization, lexicography.

About the Author: Tomilova Aleksandra Igorevna, PhD in Philology, Professor of the Chair of Romanic Languages. Place of employment: Ural State Pedagogical University.

При переводе псевдоэквивалентов, под которыми мы понимаем лексические единицы двух языков, близкие фонетически и/или графически, но имеющие разные семантические, грамматические, функциональные и стилистические значения и вызывающие ложные аналогии при переводе, при этом этимологическая общность лексем не обязательна [Лыкова, Томилова 2011:160], мы ориентируемся на смысл и контекст. Интерпретативная теория перевода Д. Селескович и М. Ледерер также ориентируется на смысл и контекст. Авторы акцентируют внимание на коммуникативном аспекте деятельности переводчика, ориентированном на извлечение смысла высказывания, что выражается следующей формулой: девербализация–понимание–ревербализация.

В основу своей концепции Д. Селескович кладет неоспоримые лингвистические и психологические факторы, раскрывающие связь языка и мышления в процессе общения между людьми. Такая относительная независимость смысла высказывания от составляющих его языковых единиц подтверждается и данными психологии. Известно, что говорящие не запоминают языковую форму высказанных ими мыслей, а сохраняют в памяти лишь выраженный смысл. Как правило, человек не может повторить слово в слово сказанное или услышанное, но может передать соответствующий смысл. Отсюда Д. Селескович делает вывод, что задача переводчика и состоит в передаче на другой язык этого смысла переводимого высказывания, который возникает в момент речи в конкретных условиях, языковое содержание высказывания (выводимое из значений языковых единиц) сочетается с необходимыми познаниями слушателя. Как указывалось, такой смысл или, иначе говоря, "содержание речи" не совпадает с языковым содержанием высказывания, так как фраза вне контекста коммуникации значит не то, что она значит тогда, когда ее используют в процессе общения [Селескович, Ледерер 2006: электр.ресурс].

По мнению Д. Селескович, понимание смысла представляет собой его интерпретацию, то есть извлечение смысла, минуя языковое содержание. Это происходит мгновенно и интуитивно, и в памяти переводчика сохраняется лишь извлеченный смысл, который он и передает в переводе. Обращение к языковому содержанию, к значениям языковых единиц оригинала только затрудняет и искажает понимание, а, следовательно, и перевод. Однако Д. Селескович считает, что данная концепция не только объясняет процесс устного перевода, но и справедлива для любого вида перевода [там же].

Помимо подчеркивания особой роли устного перевода, концепцию Д. Селескович отличает и ее противопоставленность собственно лингвистическим теориям перевода. Поскольку, как указывалось, переводчик должен стремиться как можно скорее избавиться от языковой формы оригинала, не может быть и речи о каком-либо соотношении между отдельными единицами текстов оригинала и перевода. Д. Селескович признает, что могут существовать некоторые трудности в связи с определенными единицами или структурами ИЯ или ПЯ, но, по мнению автора, они относятся к языковой компетенции переводчика, к недостаточности его знаний, а не к процессу перевода, который в идеале предполагает, что переводчик так же легко и быстро понимает

и продуцирует высказывания, как и любой человек, свободно владеющий соответствующим языком [Селескович, Ледерер 2006: электр.ресурс].

Основным понятием теории Д. Селескович и М. Ледерер является интерпретация, которая имеет дело не с единицами языков, а с идеями, со смыслом, и всячески игнорирует формальные межъязыковые соответствия. По мнению В. Н. Комиссарова, субъективное ощущение правильности понимания, которому в интерпретативной теории перевода отводится важная роль, часто не имеет объективных оснований; для выявления всех компонентов реального смысла сложного текста требуется сознательный анализ [Комиссаров 2006: электр. ресурс].

Псевдоэквивалентность в нашей работе изучается с лингвистической и переводческой точек зрения, поэтому вслед за Я. И. Рецкером считаем, что переводчик действует не просто по наитию, по вдохновению, что существуют определенные закономерности в выборе межъязыковых соответствий [Рецкер 2004: электр. ресурс].

Однако очевидным достоинством теории Д. Селескович и М. Ледерер является указание на необходимость осуществления девербализации смысла оригинального высказывания как одного из этапов процесса перевода. Представляется, что направленность действий переводчика на «забывание» языковой формы выражения способствует преодолению интерференции в переводе, позволяет переводчику создавать текст перевода в соответствии с нормами и узусом ПЯ.

Именно поэтому в словарные статьи проекта словаря псевдоэквивалентов мы включили и толкования лексем. Одной из задач нашего исследования была также разработка проекта словаря псевдоэквивалентов русского и французского языков, предлагающего описание всех значений лексем и отражающего их стилистические, эмоционально-экспрессивные, важнейшие грамматические характеристики и лексическую сочетаемость. Разработанный проект словаря призван предупредить возможные ошибки и учащих, и профессиональных переводчиков. Для понимания объема лексического значения псевдоэквивалентов конкретной пары в словаре приводятся толковые статьи, а ниже под заголовком «Истинный перевод» приводятся возможные переводные эквиваленты каждой лексемы, входящей в псевдоэквивалентную пару. Толковые статьи будут полезны профессиональным переводчикам, т.к. позволяют не загонять себя в рамки словарных эк-

вивалентов, а, опираясь на полученное представление, подобрать ситуативный вариант перевода. Приводимые переводные эквиваленты будут понятны даже учащимся. Например:

<p style="text-align: center;">ТРАП</p> <p><i>девербализация-понимание</i> сущ. м.р. 1. На судах - лестница (мор.). Лестница по борту судна (мор.). 2. Небольшое отверстие в полу для стока воды (тех.). 3. Настил вдоль внутреннего помещения дирижабля, служащий для прохода (авиаци.)</p>	<p style="text-align: center;">TRAPPE</p> <p><i>девербализация</i> n. f. 1. Panneau qui ferme une ouverture pratiquée au niveau du sol ou d'un plancher et qui se lève ou se baisse à volonté ; l'ouverture elle-même. 2. Piège qui fonctionne quand l'animal met le pied dessus. II n.f. 1. (Avec une majuscule.) Ordre des trappistes. 2. Maison de trappistes</p>	<p style="text-align: center;"><i>понимание</i></p> <p>I 1. Панель (цит, доска), закрывающая используемое отверстие на уровне земли или часть пола, поднимающаяся или опускающаяся по желанию; само это отверстие. 2. Ловушка, которая срабатывает, когда животное ставит в нее лапу. II 1. (с пропис. буквы) орден траппистов 2. дом траппистов</p>
<p style="text-align: center;">Истинный перевод</p> <p>échelle f, escalier m подать трап к самолёту — amener la passerelle contre l'avion</p>	<p style="text-align: center;">Истинный перевод</p> <p>I f 1) люк 2) опускаемая или сдвижная дверца; крышка люка; дверца; подъёмное или задвижное окно 3) западня, ловушка 4) каминная заслонка; люковый затвор 5) подвижная часть сцены 6) арго рот II f рел. 1) орден траппистов 2) обитель</p>	

Перевод псевдоэквивалентов, как и перевод вообще, должен осуществляться, по мнению многих авторов (А. И. Алексеева, Л. К. Латышев, Я. И. Рецкер, В. Г. Гак и др.) в несколько этапов: при восприятии, осмыслении и анализе исходного текста (фаза ориентирования в терминологии Л. К. Латышева), при верификации адекватных соответствий и отбраковывании неудачных переводческих решений (фаза осуществления), а также при саморедактировании и самоконтроле на завершающем этапе перевода (фаза контроля). Таким образом, в теории и практике перевода правомерно выделяют предпереводческий анализ, анализ на этапе перевода, постпереводческий анализ.

Наиболее значимым для достижения адекватности при переводе, по мнению многих исследователей (А.И. Алексеева, О.В. Андреева, М.П. Брандес, Л.К. Латышев, А.Л. Семенов и др.) является этап предпереводческого анализа. Ученые считают, что на этапе предпереводческого анализа необходимо: 1) выяснить, какова жанровая принадлежность текста и к какому функциональному стилю текст принадлежит; 2) получить сведения об авторе, а также информацию о времени написания и опубликования текста; 3) определить коммуникативную

цель текста, его тему и идею; 4) установить когнитивную, эмоциональную и эстетическую функции текста; 5) выявить предполагаемых реципиентов текстов оригинала и перевода [Томина 2011:119].

По мнению Ж.Д. Томиной, эта номенклатура ступеней предпереводческого анализа не учитывает роли фоновых знаний, работы со словарями и справочной литературой, проведения семного анализа, в то время как последний может сыграть важную роль на предпереводческом этапе в разрешении многозначности, сочетаемости, несовпадении оценочных коннотаций псевдоэквивалентов и др. [Томина 2011:119].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Комиссаров В. Н. Лингвистическое переводоведение в России [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – М.: SaleBook: Равновесие, 2006. – 1 электрон, опт. диск (CD-ROM).

Латышев Л. К. Курс перевода (эквивалентность перевода и способы достижения. – М.: Междунар. отношения, 1981. – 248 с.

Лыкова Н. Н., Томилова, А. И. Современная классификация псевдоэквивалентов русского и французского языков // Журнал научных публикаций Дискуссия. Серия Филология. – Екатеринбург, 2011. – № 7 (15). – С. 160-165.

Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика [Электронный ресурс] // Все о языке, лингвистике, переводе. – 2004. URL: <http://linguistic.ru/index.php?id=208&op=content> (дата обращения: 10.06.2011).

Селескович Д., Ледерер М. Интерпретировать для того, чтобы перевести (1987) // Общая теория перевода в трудах зарубежных ученых. — М.: SaleBook: Равновесие, 2006. – 1 электрон, опт. диск (CD-ROM).

Томина Ж. Д. Роль семного анализа в преодолении переводческих трудностей. Вестник ТГПУ. 2011. Выпуск 3 (105). – Томск. – 2011. – С.119-123.

УДК 81'276

Зеленина Л.Е.

Екатеринбург, Россия

ВИДЫ ЭМОЦИЙ В ДЕЛОВОМ ОБЩЕНИИ

Аннотация. Данная статья посвящена видам эмоций в деловом общении. Показывается связь эмоций с ситуациями делового общения, приводятся примеры эмотивных лексических единиц для выражения эмоций.

Ключевые слова: эмоции, деловое общение, эмотивные лексические единицы.

Сведения об авторе: Зеленина Лилия Евгеньевна, ассистент кафедры немецкого языка и методики его преподавания.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет.

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26, к. 462.

e-mail: zel-liliya@yandex.ru

Zelenina L.E.

Ekaterinburg, Russia

TYPES OF EMOTIONS IN BUSINESS COMMUNICATION

Abstract. The article deals with types of emotions in business communication. Is shown the connection of emotions with the situations of business communication, are demonstrated the examples of lexical units to express the emotions.

Keywords: emotions, business communication, emotive lexical units.

About the Author: Zelenina Liliya Evgenievna, Assistant of the chair of German language and the teaching methodology.

Place of employment: Ural State Pedagogical University.

В последнее время начинает преобладать тенденция проникновения эмоций во все сферы жизни, они находят отражение даже в деловом языке, который долгое время считался сухим языком, лишенным эмоциональной составляющей. Но признавая, что большинство слов во всех языках имеют эмоциональную составляющую, возможно утверждение и о том, что и устное деловое общение имеет явный или скрытый эмоциональный подтекст. Главная нагрузка в создании эмоциональной концепции падает на лексику.

Однако в реальной практике даже в деловой стиль проникают экспрессемы, эмотивная лексика и разнообразные художественные средства, лексические единицы из других функциональных стилей: термины, книжные лексемы и обороты, вульгаризмы, американизмы.

Кроме того, в деловом общении резко возросло количество слов из научной и профессиональной речевой сферы, и это тоже требует осмысления. Также появляются новые тенденции в современной деловой речи. Происходит интенсивное влияние функциональных стилей, в том числе весьма далеких друг от друга - например, официально-делового и разговорного стилей.

К стилю делового общения «предъявляются те же требования, что и к разработкам, презентациям рекламного характера» [Введенская: 2001], то есть в нем встречаются «цитаты из Библии, из работ европейских и американских философов, стихи, народная мудрость, используемые с целью продемонстрировать красноречие и эрудицию автора» [Введенская: 2001].

Одним из результатов этого становится экспрессивность, эмотивность считавшаяся прежде нежелательной в данном стиле. Само понятие экспрессии деловой речи является новым. Выражения практически любых эмоций стали допускаться в деловом общении сравнительно недавно, под большим влиянием американской и итальянской деловой речи. Сегодня уже можно говорить о необходимости отражения авторских эмоций в определенных выступлениях, а также при выражении претензий и отказов в деловом сотрудничестве.

К важным характеристикам деловой речи относятся точность, выразительность, наличие оценочного отношения к содержанию, умение выразить свое мнение и дать оценку тому или иному факту, событию или явлению, выразить удовольствие, неудовольствие, претензии. Задачи, связанные с решением проблемы требуют творческого поиска альтернатив, свободного выдвижения идей и предложений, совместного планирования действий по выполнению принятых решений. «Необходимо уже на начальном этапе обучения деловому итальянскому языку учить студентов поддерживать контакт, выражать согласие, несогласие, удивление и радость, и свое отношение к сказанному или предложенному. Важно чтобы специалисты могли свободно использовать в речи эмотивную лексику для достижения консенсуса и снятия напряжения» [Каспарова Г.С.].

Эмотивная лексика, с одной стороны, представляет изучающим иностранный язык сведения о стране, обычаях, традициях, деловом этикете, необходимые и достаточные для адекватной коммуникации, с другой стороны, обучает приемам и способам самостоятельного извлечения фактов культуры из форм языка, происходит закрепление и

активизация страноведческих сведений, получаемых на практических занятиях по языку.

Говоря о знании и активном употреблении эмотивной лексики делового общения необходимо отметить тот факт, что бедность выразительной речи является большим недостатком и признается многими преподавателями. Трудности в употреблении возникают, прежде всего, при выражении собственного отношения или мнения, если эмотивные лексические единицы скудно используются в речи может утратиться красота, выразительность своеобразие индивидуального стиля, и зачастую давая оценку, студенты ограничиваются простыми определениями хороший *«buono, bello»* плохой , *cattivo, brutto, perfetto, ottimo* «превосходно, хорошо».

Что касается итальянского языка, это является особенно чувствительным, потому что итальянский язык является очень выразительным, богатым, эмоциональным. Эмотивные лексические единицы помогают сделать речь более естественной, близкой к аутентичной, выразительной, красочной. Знание эмотивной лексики позволяет обогатить словарный запас у студентов, установить межъязыковые, межкультурные связи, расширить кругозор, как в лингвистическом, так и страноведческом плане.

При обучении деловому итальянскому языку мы можем сформулировать цели обучения эмотивной лексики. Мы изучаем эмотивную лексику для развития коммуникативных умений для выражения оценки, отношения, мнения, решения профессиональных задач средствами иностранного языка делового общения.

Употребление эмотивной лексики детерминировано задачами делового общения. К задачам делового общения можно относиться: знакомство, представление сторон, произведение положительного впечатления на партнеров, информирование о товаре или услуге, объяснение условий договора, преимуществ товара, убеждение в необходимости приобретения товара или сотрудничества, творческое решение проблемы, выработка идей для представления или продвижения продукции, разрешение противоречий.

Поскольку эмотивные лексические единицы представляют определенную сложность для изучения необходимо уделять этому аспекту больше внимания на занятиях по деловому итальянскому языку. Вот почему адекватное реагирование, выражение эмоций, оценок, предпочтений, убеждение и воздействие на партнера невозможно без зна-

ния наиболее употребительных эмотивных лексических единиц иностранного языка. Эмотивные лексические единицы являются обязательной частью того лексического и культурного минимума, который необходим для эффективной коммуникации на иностранном языке.

Даниэль Големан установил, что эмоциональный интеллект в деловом общении является очень важной составляющей наряду с умственным интеллектом. Эмоциональный интеллект - это «навык понимания своих чувств и эмоций, понимание скрытых мотивов для эффективного взаимодействия с окружающим миром» является важным капиталом, чтобы преуспеть в работе» [Големан:1995]. К эмоциональному интеллекту относятся следующие компоненты:

- понимание чувств, эмоций, мотивов, настроений других людей;
- работа в команде;
- умение хорошо справляться со стрессом.

Развитый эмоциональный интеллект позволяет за большим количеством негативных эмоций увидеть их причину (конфликт нескольких убеждений), трезво оценивать ситуацию и реагировать разумно, более эффективно взаимодействовать с людьми и добиваться лучших результатов при сотрудничестве.

Рассмотрим основные виды эмоций и их выражение в деловом итальянском языке для достижения поставленных задач и более эффективной коммуникации.

В деловом общении можно выделить следующие виды эмоций.

Контактоустанавливающие эмоции, использующиеся при первой деловой встрече, для установления контакта, представления деловых партнеров и при проведении кофе-брейка. Для выражения данных эмоций используются следующие эмотивно-лексические единицы: *Sono molto lieto di lavorare con Voi* (я очень рад работать с Вами), *di lei si sente solo cose perfettissime* (о Вас я слышал только наилучшие отзывы), *mi fa piacere moltissimo di far conoscenza con Lei* (мне очень приятно познакомиться с Вами), *ho il piacere di presentarVi il nostro direttore commerciale* (имею честь представить Вам нашего коммерческого директора), *egregio direttore* (уважаемый директор), *splendida ditta* (уважаемая фирма), *onorevole compagno* (многоуважаемый товарищ), *stimatissimo partner* (уважаемый партнер).

Эмоции выражения радости, используются при: удачном совершении сделки, выгодных условиях сотрудничества, при заключении контракта. Данные эмоции выражаются следующими лексическими

единицами: *la proposta splendida* (великолепное предложение), *pane di zucchero* (неспециалист), *fortunatissimo* (счастливчик), *e successo all'improvviso* (это случилось внезапно), *mi far piacere di far conoscenza con Lei* (мне очень приятно познакомиться с Вами), *per fortuna ho ricevuto questo contratto* (к счастью я заключил этот контракт), *Lei e una specialista perfettissima* (Вы отличный специалист).

Эмоции удивления. К ним относится положительная или отрицательная реакция на внезапно возникшие обстоятельства. Данные эмоции используются при неожиданном снижении цены или получении скидки, при изменении договоренностей, изменении условий контракта, невыполнении обязательств, непредвиденных обстоятельствах. Данные эмоции выражаются следующими лексическими единицами: *e vero* (это правда), *infatti* (на самом деле), *figurati* (да брось ты), *incredibile* (невероятно), *per fortuna* (к счастью), *benessere* (благодать), *o Madonna* (о Мадонна).

В деловом общении большое место отводится глоричным эмоциям. К ним относятся: потребность в самоутверждении, славе, стремление завоевать признание, уважение, чувство гордости, удовлетворение. Посредством бизнеса человек самоутверждается, занимает более высокое положение в обществе, испытывает гордость, когда достигает определенного результата, испытывает удовлетворение, когда видит результаты своего труда.

Данные эмоции проявляются в следующих ситуациях делового общения: стремление заключить сделку, убеждение деловых партнеров в необходимости и стремление завоевать лидерские позиции. Вышеуказанные эмоции представлены следующими лексическими единицами: *cercare di saltare sopra la testa* (стараться прыгнуть выше головы), *sbraccarsi* (из кожи вон лезть), *meglio l'uova oggi che la gallina domani* (лучше синица в руках, чем журавль в небе), *chi non avventura non ha ventura* (кто не рискует не пьет шампанское), *ad ogni costo* (любой ценой).

Также в деловом общении присутствуют практические эмоции. К ним относится успешность и неуспешность деятельности, трудности осуществления и завершения. Данные эмоции проявляются при убеждении, воздействии на партнера, разрешении противоречий, в конфликтной ситуации, при извинении. Данные эмоции представлены следующими лексическими единицами: *i germogli oggi fanno I semi domani* (семена, посаженные сегодня, дадут всходы завтра), *il gioco*

non vale la candela (игра не стоит свеч), *mille scuse* (тысяча извинений), *mi comportavo stupidissimo* (я вел себя наиглупейшим образом), *un pezzo grosso* (большая шишка).

Похвала и комплимент в деловом общении выражаются эстетическими эмоциями. Они связаны с переживаниями, потребностями в красоте, чувством изящного и возвышенного. К ним относится похвала, комплимент человека, действия или товара, убеждение в покупке, сотрудничестве, описание товара. Данные эмоции представлены следующими лексическими единицами *essere la propria bonta*, (быть самой добротой), *il fastiggio della perfezione* (верх совершенства), *qualita ottima* (отличное качество), *superiore ad ogni lode* (выше всякой похвалы).

В деловом общении очень часто присутствуют мобилизационные эмоции потребность в преодолении опасности, решительность, азарт, эмоциональное и волевое напряжение, мобилизация физических и умственных способностей. Они выражаются при убеждении в сотрудничестве, совершении сделки, ситуациях риска, при мозговом штурме. Данные эмоции выражаются следующими лексическими единицами: *mangiare pane e faggioli* (быть хорошо знакомым), *chi non avventura non ha ventura* (кто не рискует - не пьет шампанского).

Когда партнеры не могут прийти к согласию, сталкиваются с непримиримыми противоречиями или ситуация заходит в тупик, проявляются такие эмоции как гнев и раздражение. Данные эмоции ярче всего проявляются при конфликте, столкновении интересов, нарушении условий сотрудничества. Вышеперечисленные эмоции выражаются следующими лексическими единицами: *avere le mani bucate* (иметь дырявые руки), *essere buon a nulla* (быть хорошим ни в чем), *duro con duro non fa buon muro* (лбом стену не прошибить), *perdere transazione* (проморгать сделку), *restare con il becco aperto* (прощелкать клювом), *sono un po giu perche non ho concluso questo contratto* (я немного расстроен, потому что не заключил этот контракт), *palude* (болото), *rana* (лягушка), *mangiamaccheroni* (макаронник), *testardo come asino* (упрямый как осел).

Эмоции играют очень большую роль в деловом общении, посредством эмоций можно добиться привлечения партнера на свою сторону, разделения позиции, мнения, решения по определенному вопросу, демонстрация лояльности, предупреждение возможного конфликта, влияние на восприятие собеседником ситуации и понимание.

Также можно воздействовать на личную сферу через похвалу или комплимент, жизненную ситуацию, раскрыть, определить дальнейшие перспективы сотрудничества в сфере делового общения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Введенская Л.А. Культура речи. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2005. – 544 с.

Гоулман Д. Эмоциональный интеллект. – 1995.

Каспарова Г.С. Стратегии речевого поведения автора делового текста // Вестник Московского университета. Сер.19, Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2002. – №4. – С. 21-25.

Шустрова Е. В.

Екатеринбург, Россия

**ПРОЯВЛЕНИЕ ОСНОВНЫХ
АРХЕТИПОВ В
КАРИКАТУРНОМ ОБРАЗЕ
Б. ОБАМЫ**

Аннотация. В статье описаны основные психологические и культурные архетипы в сопоставлении с теми образами, которыми действующий президент США наделяется в современной американской карикатуре.

Ключевые слова: архетип, политический дискурс, политическая карикатура, метафора, образ, афроамериканская диаспора.

Сведения об авторе: Шустрова Елизавета Владимировна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры перевода и переводоведения.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет.

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26, к. 459.

e-mail: shustrovaev@mail.ru.

Shustrova E. V.

Ekaterinburg, Russia

**BASIC ARCHETYPES IN
MODERN AMERICAN
CARICATURE OF BARACK
OBAMA**

Abstract. The paper investigates basic psychological and cultural archetypes in comparison with images of Barack Obama in modern American caricature.

Keywords: archetype, political discourse, political caricature, metaphor, image, African American Diaspora.

About the Author: Shustrova Elizaveta Vladimirovna, Doctor of Philology, Professor of the Chair of Translation Theory.

Place of employment: Ural State Pedagogical University.

В этом обзоре мы проследим, как базовые архетипы, выделенные К. Г. Юнгом, преломляются и работают снова в политической карикатуре. В качестве более узкого объекта была выбрана американская карикатура на действующего президента США Б. Обаму.

Если вспомнить классификацию архетипов, то по К. Г. Юнгу можно выделить *психологические архетипы* и *культурные архетипы*. Архетип, как правило, создается из сплава образов, персонажей, сюжетных линий, понятий, стереотипов, присущих ряду лингвокультур. К основным психологическим архетипам относятся архетипы матери и младенца, духа или мудрого старца, самости, тени, персоны или маски, анимы или анимуса.

В результате нашего анализа было выявлено, что из психологических архетипов в американской карикатуре на Б. Обаму доминиру-

ют следующие: *архетип тени, духа, самости, персоны или маски*. В единичных случаях наблюдается использование психологического *архетипа матери и младенца*.

Архетип тени. Тень – «это архетипическая форма, состоящая из материала, подавленного сознанием; ее содержание включает те тенденции, желания, воспоминания и опыты, которые отсекаются человеком как несовместимые с персоной и противоречащие социальным стандартам и идеалам» [www.psystatus.ru]. В европейской и «белой» северо-американской лингвокультурах архетип тени проявляется в образе, противоположном образу героя. Это архетип *трикстера*. «В рекламе архетип трикстера используется для создания образа свободной, не сдерживаемой никакими условностями, не подчиненной разуму личности, в которой сильно игровое и бунтарское начало» [Чистова 2011: 398].

Что касается афроамериканского дискурса в целом, то для него персонаж трикстера – один из самых популярных и частотных. В отличие от художественной литературы и песенного творчества, где трикстер воплощает безобидную возможность психологической самореабилитации без реальной угрозы обществу, закону и порядку, в карикатуре на Б. Обаму трикстер превращается в ловкача, который заключает в себе уже реальную угрозу. Так, Б. Обама может быть изображен в образе мошенника, весело исправляющего факты своей биографии, или же проматывающего деньги будущих поколений американцев. Это может быть образ куклы, марионетки, обкуренного, одурманенного робота, т.е. существа легко управляемого, причем управляемого на беду себе и другим, неспособного нести ответственность за принимаемые решения, сеющего анархию из-за своей бездумности.

Архетип духа часто воспроизводится в виде образа известной личности или волшебного существа, дающего некую чудесную власть или способности. В карикатуре на Б. Обаму основными образами для перевоплощения становятся: *Бог-сын или Бог-отец, Пророк Мухаммед, Гитлер и Сталин в одном лице, Чегивара, Наполеон Бонапарт, Усама бен Ладен (образы расположены по частотности)*.

Эти образы наделяются либо смешными и жалкими, либо агрессивными чертами, что позволяет показать: сам Б. Обама искренне верит в свою богоизбранность, но он смешон или опасен в этой роли. Архетип духа может использоваться в карикатуре не только применительно к образу действующего президента. Б. Обама может оставаться

самим собой, а рядом с ним предстают другие политические лидеры, сыгравшие большую роль в политической жизни США. При этом происходит карнавализация исходного образа (по М. М. Бахтину), его трансформация. В качестве наиболее популярных персонажей назовем А. Линкольна, М. Л. Кинга, мл., Дж. Кеннеди, Дж. Буша, мл. Обычно ставка делается на преуменьшение усилий и значимости Б. Обамы, хотя карикатуры с Дж. Бушем, мл., как правило, построены на обратном эффекте – это Дж. Буш еще более опасен, уродлив, безмозгл, чем Б. Обама.

Архетип самости. Архетип самости проявляется в образе героя, рыцаря, победителя, который преодолевает испытания. Было бы странно, если бы президент США предстал исключительно с образе больного или юродивого. Б. Обама – привлекательный мужчина, и это не могло не сказаться на его графических образах. Обычно это или супермен как таковой или некто, похожий на Джеймса Бонда, или покоритель женских сердец, или откровенный мачо. Кстати, образ супермена применительно к Б. Обаме далеко не всегда несет положительную прагматику. Нередко здесь тоже наблюдаются преобразования исходного образа, и мы получаем супермена-вампира, супермена-гоблина, супермена-безжалостного убийцу и т.д. В качестве его жертв может выступать прекрасная мисс Америка, статуя Свободы, нормативный синтаксис и стандартное американское произношение.

Архетип персоны или маски. Подобно театральной или ритуальной маске этот архетип призван воплотить ту внешнюю оболочку с сопутствующими ей чертами, которую мы «надеваем» под влиянием обстоятельств, наших устремлений, желаний и т.д. исследование С. С. Чистовой показало, что с использованием архетипа маски рекламируются парфюмерные и косметические средства, которые позволяют нам скрыть нашу истинную сущность и перевоплотиться в другого человека [Чистова, 2011].

Материал карикатуры показывает, что маска у карикатурного Б. Обамы весьма непривлекательная. Это паяц, возвращающий к трикстеру или Арлекину. Кстати, Арлекин в европейской культуре изначально носил ярко выраженные негроидные черты. Т.е. это намек на расовую составляющую, усиленный гипертрофированием негроидных черт у Б. Обамы. Вторая маска – это вампир-нищенка, оборотень, которого не берут пули.

Архетип матери и младенца. Для Б. Обамы этот архетип во многом продиктован двумя хорошо известными моделями американского политического дискурса: «Модель Строгого Отца» и «Модель Воспитывающего Родителя» [см. подробнее: Лакофф, 2004]. Дискурсу Демократической партии, от которой избирался Б. Обама, присуща вторая модель. В карикатуре это проявляется в образе малолетней няньки, которая едва может дотянуться до ручки коляски, в которой лежит вполне взрослый и агрессивный бизнес США. Снова возникает вопрос, насколько уместна такая роль для ребенка-Обамы, насколько он может нести ответственность и не потакать желаниям своего подопечного.

К универсальным *культурным архетипам* относятся архетипы первоначального хаоса, укрощенного огня, творения, единства мужского и женского начал, смены поколений, «золотого века», мирового дерева, первородного греха, апокалипсиса и пр. Для карикатуры на Б. Обаму в большей мере характерны культурные архетипы творения, единства мужского и женского начал, апокалипсиса, отчасти мирового дерева. Архетипы творения и мирового дерева появляются в карикатурах о создании самого Б. Обамы как политика. Архетип единства начал может иметь в карикатуре как положительную, так и отрицательную прагматику. Последняя преобладает. Архетип апокалипсиса продиктован экономическим кризисом, разразившимся непосредственно перед вступлением Б. Обамы в должность президента США в 2008 г.

Анализ образов, воплощающих архетипы в карикатуре на Б. Обаму, позволяет говорить о преобладании негативной прагматики, нацеленной на создание образа чужого, врага, человека безответственного и неадекватного, неумеющего принять правильное, взвешенное решение, и, как следствие, ведущего страну к хаосу. Это не может не создать «нужный» настрой у потенциального реципиента. Тем не менее, стоит отметить, что такая негативная прагматика характерна и для карикатуры на других известных политических лиц США. Еще одна особенность: если сопоставить карикатуры первого президентского срока Б. Обамы и ситуации накануне выборов 2012 г., можно легко заметить, что негативная прагматика снизилась. Это, безусловно, отражает общие настроения в американском обществе и восприятие Б. Обамы как ведущего политика.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

К. Г. Юнг и аналитическая психология. Основные архетипы [Online]. URL: www.psystatus.ru/article.php?id=97. – Title from the screen. (дата обращения 15.09.12).

Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.

Чистова С.С. Психологические и культурные архетипы в рекламе // Языковое образование сегодня – векторы развития: материалы II международной научно-практической конференции-форума (Екатеринбург, 24–25 апреля 2011 г.) / Урал. гос. пед. ун-т – Екатеринбург: Ур-ГПУ, 2011. – С. 396–405.

Юнг К. Г. Психологические аспекты архетипа матери [Online]. URL: www.fidel-kastro.ru/psihology/jung/j014.htm. – Title from the screen. (дата обращения 15.09.12).

Funny caricature : Politic caricature, Obama Caricature, Celebrity caricature (2012) [Online] : Blog. – URL: <http://www.allfunnycaricatur.blogspot.com>. – Title from the screen. (дата обращения 15.12.12).

The Bad Cartoonist (2008) [Online]: Blog. – URL: <http://www.badcartoonist.wordpress.com>. – Title from the screen. (дата обращения 15.12.12).

The caricatureMan.com Blog!!! – Typepad (2008) [Online] : Blog. – URL: <http://www.caricatureman.typepad.com>. – Title from the screen. (дата обращения 15.12.12).

Court Jones – Caricature and Illustration (2004) [Online]. – URL: <http://www.courtjones.com>. – Title from the screen. (дата обращения 15.12.12).

Kaltoons : the official site of Kevin Kallaughter (2008) [Online]. – URL: <http://www.kaltoons.com>. – Title from the screen. (дата обращения 15.12.12).

Baltimore Caricatures Maryland Portraits by Jerry Breen [Online]. – URL: <http://www.newbreen.com>. – Title from the screen. (дата обращения 15.12.12).

Political Cartoon Blog by Jerry Breen (2011) [Online] : Blog. – URL: <http://www.jerrybreen.blogspot.com>. – Title from the screen. (дата обращения 15.12.12).

Political Graffiti | Independent Political cartoons (2012) [Online]. – URL: <http://www.politicalgraffiti.wordpress.com>. – Title from the screen. (дата обращения 15.12.12).

УДК 133.522 11

Буженинов А.Э.

Екатеринбург, Россия

ФЕНОМЕН

**ПОЛИКАТЕГОРИЗАЦИИ (НА
МАТЕРИАЛЕ ПОДЪЯЗЫКА
ГОМЕОПАТИИ)**

Buzheninov A.E.

Ekaterinburg, Russia

PHENOMENON OF

**POLICATEGORIZATION (ON
THE MATERIAL ON THE
HOMEOPATHY'S
SUBLANGUAGE)**

Аннотация. В статье исследуется феномен поликатегоризации на материале специализированного подъязыка гомеопатии. Показана многогранность данного явления и его очевидное влияние на формирование категориально-понятийного аппарата науки и средств его вербализации.

Ключевые слова: *категоризация, поликатегоризация, концептуализация, подъязык (LSP).*

Сведения об авторе: Буженинов Александр Эдуардович, аспирант кафедры немецкой филологии.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет.

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26, к. 462.

e-mail: alexandrebougeninov@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the phenomenon of polycategorization on the material of specialized sublanguage of homeopathy. Is shown the catholicity of this phenomenon and it's evident influence on the forming of categorial-conceptual apparatus of the science and methods of its verbalization

Keywords: *categorization, polycategorization, conceptualization, sublanguage (LSP)*

About the Author: Buzheninov Alexander Eduardovich, post –graduate of the Chair of German philology.

Place of employment: Ural State Pedagogical University.

Современная когнитивно-дискурсивная парадигма языкознания концентрирует свое внимание на исследовании тесных связей между языковыми и мыслительными структурами, вопросами различных типов знания и средств их вербализации в языке. Одной из существеннейших проблем является вопрос о категоризации знания и опыта познающего человека.

Актуальность данной проблемы обусловлена и тем, что феномен категоризации (и вслед за ним, поликатегоризации) рассматривается не в общем языке (что более изучено), а в специализированном подъязыке.

Прежде всего следует рассмотреть вопрос о сущности **категорий** и их важности в ментальной деятельности субъекта. В философском плане категории суть предельно общие, фундаментальные понятия, отражающие наиболее существенные, законченные связи и отношения реальной действительности и познания [ФЭС 1983: 251].

Однако категоризация как процесс выделения наиболее общих категорий и как результат этого процесса всегда отражается в языке. Категория есть название сущего в том, что собственно присуще его виду, т.е. собственное **имя** (выделено нами – А.Э.), взятое во вполне широком смысле [Хайдеггер 1993: 83-84].

Категория (в переводе с греческого «суждение») – это суждение о сущностных свойствах того или иного объекта или явления (категоризация как процесс); и как следствие, поименование данного объекта или явления (категоризация как результат).

Таким образом, мы исходим из основного постулата, выраженного Е.С. Кубряковой: «Вся деятельность по категоризации мира носит всегда в конечном счете языковой характер. Не будучи воплощенной в языковые единицы, языковые формы, комбинации этих единиц и этих форм в дискурсе, ни сама эта деятельность, ни подведение ее итогов, просто не могли бы существовать» [Кубрякова 2012: 37].

Говоря о сфере подъязыков (LSP), очевидно, что специалист, работающий в той или иной научно-профессиональной сфере, категоризирует окружающую его действительность, свой профессиональный опыт в наиболее общих понятиях и затем выражает их в специализированном подъязыке. Именно поэтому в различных терминоведческих исследованиях принято выделять те или иные категории как определенным образом структурированные ментальные рубрики, под которые подводятся объекты и явления профессионального опыта.

Так, основоположник отечественного терминоведения Д.С. Лотте выделяет категорий: 1) предметов, 2) процессов (явлений); 3) свойств; 4) расчетных понятий, величин, единиц измерения [Лотте 1968].

А.В. Суперанская, Н.В. Подольская, Н.В. Васильева выделяют «очень общие категории»: предметов, процессов, свойств, величин. Понятия, входящие в каждую такую категорию, характеризуются определенным набором признаков. Например, для понятий, входящих в категорию процессов, типичны: характер протекания процесса, его скорость, интенсивность, время, причины возникновения, его резуль-

тат [Суперанская, Польская, Васильева 2009: 141].

С.В. Гринев-Гриневиц выделяет следующие «наиболее широкие и универсальные категории»: объекты, процессы, состояния, свойства, величины [Гринев-Гриневиц 2008: 84].

Наиболее обширную категориальную классификацию предлагает Т.Л. Канделаки. В профессиональной (технической) терминологии она предлагает различать следующие категории: 1) предметов; 2) процессов; 3) состояний; 4) режимов; 5) свойств; 6) величин; 7) единиц измерения; 8) наук и отраслей; 9) профессий [Канделаки 1977: 9-10].

Таким образом, категории являются основным мыслительным форматом знания, упорядочивающим всю поступающую в сознание специалиста научную информацию. В вербализованном виде термин (вербализованный научный концепт) составляет неотделимую часть терминологической системы (совокупности научных концептов), упорядоченной категориально.

Однако отнесение понятия к той или иной категории бывает весьма затруднительно из-за феномена поликатегоризации, который, согласно Е.И. Головановой, заключается в том, что один и тот же объект может включаться в различные категории [Голованова 2011: 32].

Феномен **поликатегоризации** опирается на положения когнитивной науки о принципиальном отсутствии фиксированных границ той или иной категории (Э. Рош, Дж. Лакофф, Р. Джанкендофф, У. Лабов, Н.Н. Болдырев, А.Е. Бочкарев, З.И. Комарова, Е.С. Кубрякова, T. Givon, F. Rastier, G. Kleiber, L. Dépecker, J.-C. Sager).

Категория не определяется исключительно необходимыми признаками, объединяющими членов этой категории. Вместо этого «мы видим сложную сеть подобий, накладывающихся на и перекрывающих друг друга; иногда имеется полное сходство, а иногда лишь в деталях» [Виттгенштейн 2011: 59].

Методологически именно когнитивное понимание категории с размытыми границами порождает феномен поликатегоризации.

Особенно рельефно это явление проявляет себя в сфере специализированного подъязыка (LSP). Чрезвычайно любопытным для анализа с этой точки зрения представляется подъязык гомеопатии как особая номинативная подсистема, возникшая на стыке многих наук (в первую очередь, медицины, но также психологии, психоанализа, физиологии, фармацевтической химии, прикладной биологии, молекулярной биологии, физики, анатомии и т.п.). Очевидно, что сам меж-

дисциплинарный характер столь разнородной, находящейся объективно в стадии становления гомеопатической терминологии обуславливает явление поликатегоризации, явления категориальных пересечений. Многогранность объекта науки, подход к нему с разных методологических позиций неизбежно отражается в языке этой науки; концептуальные поликатегориальные явления сказываются на языковой вербализации научных концептов. Рассмотрим некоторые примеры таких взаимных категориальных пересечений, выявленных в результате дефиниционного и контекстуального видов анализа:

1. Категория состояния / категория процессов.

Дискретность, отсутствие абсолютно четких границ этих двух категорий проявляется уже в базовых научных концептах гомеопатического подязыка. Многие понятия осознаются и трактуются в языке либо как состояние (статический аспект), либо как процесс (динамический аспект).

Так, понятие *симптом* традиционно понимается как признак патологического состояния или болезни [Большой медицинский словарь – электр. ресурс]. Схожее мнение мы находим в психоанализе З. Фрейда, понимавшего под симптомом «остатки», «осадки» аффективных воспоминаний и переживаний. Также и в гомеопатии, когда речь заходит о психических симптомах, они понимаются как признаки, проявления, включающие в себя состояние сознания, интеллекта, настроение и эмоции» [Свейн 2002: 99]. Таким образом, постулируется характер симптома как состояния, патологического состояния при более внешнем и глобальном состоянии – болезни.

Однако многие фрагменты гомеопатического дискурса подчеркивают и динамический аспект симптома: «Симптомы рассматриваются как *выражение динамического процесса болезни*, а не только как ее патологические проявления» [Свейн 2002: 38]. «Симптомы – это не сигнал начала болезни (истинное ее начало, как правило, проходит незамеченным), а важный *компонент уже самого процесса исцеления*» [Космодемьянский 2003: 46].

Как мы видим, данный научный концепт (симптом) мыслится либо как состояние (патологическое), либо как процесс (симптом как часть процесса выздоровления). Отнесение данного понятия к первой или второй категории затруднительно.

Любопытны в этом отношении и многочисленные отраслевые термины – наименования болезней, широко используемые в гомеопатии.

тии. Сам базовый концепт *болезнь*, постулируемый как патологическое состояние, в конкретных, субординатных концептах может реализоваться и концептуальными признаками других категорий, что соответствующим образом отображено в форме языковых единиц.

Так в исследовании В.Е. Бутрим, посвященном особенностям семантики терминов категории свойств, сказано: «Каждая терминологическая категория должна иметь свои, лишь для нее одной характерные словообразовательные модели» [Бутрим 1986: 25]. В качестве одного из самых распространенных и продуктивных суффиксов свойств указывается суффикс «*ость*». Однако в используемых в подязыке гомеопатии наименованиях нозологии (болезни, состояния болезни) встречается *отёчность десен, близорукость, кровоточивость десен, легочная недостаточность*. Все эти термины вербализуют нозологические понятия о патологических состояниях, выражающихся симптоматически, при которых показана определенная лечебная тактика. Лечатся состояния больного пациента, но не его свойства.

2. Категория состояния / категория свойств

Данные категории также пересекаются в процесс оформления концептуальной гомеопатической картины мира. Здесь мы обратимся к узкоспециальной гомеопатической терминологии. В гомеопатии существует понятие о так называемых *миазмах*. Изначально (конец XVII – середина XIX вв.) под миазмами понимался некий внешний по отношению к организму болезнетворный агент, являющийся причиной заболевания. Впоследствии данное понятие с развитием гомеопатии и смежных наук переосмыслялось. Одной из современных распространенных трактовкой стало толкование миазма как патологического состояния конституции человека (впрочем, так считал еще Гиппократ). Однако многие ученые (особенно отечественные) дают этому понятию миазма иную интерпретацию: «Миазмы – это патологически измененные типы конституции, определяющие индивидуальное протекание любой болезни» [Симеонова 2008: 27]. «Миазмы - это наиболее общие типичные алгоритмы или способы адаптации человека как единой социально-биологической системы к изменениям внешней и внутренней среды, являющейся базой для развития всех вторичных по отношению к ним хронических заболеваний» [Линде 2001: 28].

Итак, общее понятие миазма трактуется либо как состояние (опять патологическое) конституции индивида, либо как его свойство, способность тем или иным способом противостоять патологиям на

физиологическом и психологическом уровне. Это противопоставление тем более важно, что в гомеопатии разработана оригинальная типологическая классификация миазмов, каждый из которых возможно понимать в терминах разных категорий.

На языковом уровне подобное взаимопроникновение двух категорий породило для терминов миазмов синонимические наименования. Таким образом, наряду с термином *миазм* (как состояние) существует сложноструктурный термин *миазматический тип реагирования или конституциональная черта* (как свойство). Все это свидетельствует о подвижном характере категорий, взаимных перекрещивании категориальных признаков.

3. Категория свойств / категория деятеля.

Соотношение этих двух категорий в категориально-понятийном аппарате гомеопатии является наиболее специфичным и, в некотором роде, метафоричным. Те или иные свойства пациента как типа в вербализованном виде зачастую используются по отношению к самому пациенту. Так, вышеуказанное свойство (*миазматический тип реагирования / конституциональная черта*) распадается на ряд субординатных понятий категории свойств: «*Конституциональные черты псоры* – все, что может быть трактовано со знаком минус: склонность к замедлению обменных процессов, медленное заживление ран, позднее менархе и, вообще, любые проявления задержки развития...» [Линде 2001: 38]. «*Ведущие признаки миазма сикоз* – наличие вегетаций, гнойевидные выделения, боль, отек, болезненность при пальпации» [там же: 49].

Для обозначения самого пациента (пассивного деятеля в категориальной оппозиции «активный деятель (врач) – пассивный деятель (больной)») используются термины категории деятеля того же содержания: «*Псорический пациент* может быть грубым, резким, невоспитанным, гневным...» [Симеонова 2008: 28]. «*Сикотический тип* – более полный, чем псорический, пастозный, одутловатый и даже ожиревший» [там же: 30]». Очевидно, что данные термины категории деятеля вторичны и образовались на основе первичных терминов категории свойств, признаков.

Данное исследование феномена поликатегоризации в подязыке гомеопатии не исчерпывается приведенными здесь категориальными пересечениями. Однако уже полученные результаты показывают, сколь многомерным и сложным является феномен поликатегоризации

в специализированных подъязыках; как он влияет на формирование именно языковой составляющей науки.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Большой медицинский словарь. [Электронный Ресурс]. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/medic2/42886>
- Бутрим В.Е. Особенности семантики терминов категории свойств // Современные проблемы русской терминологии / под ред. В.П. Даниленко. – М.: Наука, 1986 – С. 24 – 37.
- Витгенштейн Л. Философские исследования. – М.: Астрель, 2011 – 347 с.
- Голованова Е.И. Введение в когнитивное терминоведение: учебное пособие. – М.: Флинта: Наука, 2011 – 224 с.
- Гринев-Гриневиц С.В. Терминоведение. М.: Академия, 2008 – 304 с.
- Канделаки Т.Л. Семантика и мотивированность терминов. – М.: Наука, 1977 – 167 с.
- Космодемьянский Л.В. Введение в гомеопатию. – М.: Овал, 2003. – 105 с.
- Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка. Когнитивные исследования. – М.: Знак, 2012 – 208 с.
- Линде В.А. Теория миазмов Самуила Ганемана – СПб.: Центр гомеопатии, 2001 – 72 с.
- Лотте Д.С. Основы построения научно-технической терминологии. – М.: Изд-во акад. Наук СССР, 1961 – 158 с.
- Свейн Д. Гомеопатический метод. – М.: ЗАО Гомеопатическая медицина, 2002. – 358 с.
- Симеонова Н.К. Гомеопатия: учебник. – М.: Слава: Рекон: Форт-Профи, 2008. – 432 с.
- Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В. Общая терминология. Вопросы теории. – М.: Либроком, 2009 – 247 с.
- Философский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия. - 1983 – 836 с.
- Хайдеггер М. Европейский нигилизм // Бытие и время. – М.: Республика, 1993. – 447 с.

Глазырина А.И.

Екатеринбург, Россия

**ОСОБЕННОСТИ СТРУКТУРЫ
ДВУХКОМПОНЕНТНЫХ
ЯДЕРНЫХ ТЕРМИНОВ-
СЛОВСОЧЕТАНИЙ
АНГЛИЙСКОГО
КОМПЬЮТЕРНОГО
ПОДЪЯЗЫКА**

Аннотация. В статье описываются структурные особенности двухкомпонентных базовых терминов английского компьютерного подъязыка. особое внимание уделяется особенностям главных компонентов.

Ключевые слова: *английский компьютерный подъязык, базовые термины, терминологические сочетания, главные компоненты, структура.*

Сведения об авторе: Глазырина Анна Игоревна, кандидат филологических наук, доцент, зав.каф. перевода и переводоведения.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет.

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26, к. 459.

e-mail: glazyrina-anna@mail.ru.

Glazyrina A.I.

Ekaterinburg, Russia

**CHARACTERISTIC FEATURES
OF TWO-COMPONENT CORE
TERMS IN ENGLISH COMPUTER
SUBLANGUAGE**

Abstract. The article sheds light on the structural issues of two-component English computer core terms laying main emphasis on their main components.

Keywords: *English computer sublanguage, core terms, term combinations, main components, structure.*

About the Author: Glazyrina Anna Igorevna, Candidate of Philology, Head of the Chair for Translation.

Place of employment: Ural State Pedagogical University.

В компьютерном подъязыке центральную зону занимает нормативная терминология, далее к ней примыкает профессиональное просторечие (правда, некоторыми исследователями не признаваемое), а затем – профессиональный жаргон и арго, которые сходятся и пересекаются в профессиональном идиолекте. При этом ядерный, центральный пласт сам по себе не является однородным, а включает отраслевую, узкоотраслевую и узкоспециальную терминологию. Наряду с терминологической и специальной лексикой компьютерный подъязык включает и часть общенародной лексики национального языка: 1) «строевая» лексика (предлоги, союзы, частицы); 2) средства логической связности (слова-

маркеры, слова-индикаторы, слова-коннекторы); 3) часть об щена родных слов разных частей речи [Хасаншина 2004: 45,47].

Кроме того, компьютерный подъязык включает еще часть обще-научной и общетехнической терминологии, а также часть «введенных» терминов смежных областей знания. С одной стороны, компьютерный подъязык отличает «малая продолжительность жизни», что, на первый взгляд, должно выражаться в отсутствии «устаревших», вышедших из употребления слов. С другой стороны, стремительные темпы роста и качественные изменения в самом подъязыке свидетельствуют о наличии давно забытых и «неуклюжих» терминов (*электронно-вычислительная ма шина, постоянно запоминающее устройство и т.д.*).

Любой ограниченный специальный подъязык имеет свое ядро и свою периферию. Именно ядерная лексика именно эти термины «цементируют» всю терминологию, которая появилась и появляется в течение пяти поколений компьютеров.

Как справедливо заметил В.Т. Титов, «познать лексико-семантическую систему языка – это прежде все го минимизировать ее, но не произвольно, а с сохранением ее своеобразия, заключенного в важнейших су щественных параметрах» [Титов 2002: 5]. В.Т. Титов указывает на количество в 1000–2000 единиц, которые являются ядерными единицами [Титов 2002: 5].

В качестве материала выступили глоссарии 7 зарубежных учебников и учебных пособий и 1 русскоязычное учебное пособие. Общий список проанализированных единиц составил 5016 англоязычных терминов компьютерного подъязыка.

Наиболее обширный глоссарий (обозначенный как англо-русский словарь компьютерных терминов) содержится в [Красова, Подвальный, Сафонова 2012] и насчитывает 1250 специальных единиц. В данный глоссарий были включены компьютерные термины и сокращения, представляющие особую сложность.

На втором месте по количественному составу специальных единиц – 910 и 769 – находятся учебники «Professional English in Use ICT» (S. R. Esteras, E. M. Fabre) и «Check Your English Vocabulary For Computers Information Technology: All you need to improve your vocabulary» (J. Marks) соответственно.

Третье место занимают учебники «Infotech. English for Computer Users. Student's book» (S. R. Esteras) и «Oxford English for Computing»

(К. Bockner, P. Charles Brown), содержащие 622 и 514 единиц соответственно.

Закрывают список «Basic English For Computing: Student's Book» (Е. Н. Glendinning, J. McEvan), «Infotech Student's Book (Cambridge Professional English)» (S. R. Esteras), «Penguin Quick Guides Computer English (Penguin English)» (M. Eayrs), приводящие в своих глоссариях 389, 311 и 251 специальную единицу соответственно.

В каждом из вышеприведенных англоязычных изданий иногда оговаривается тип приведенных специальных единиц. В «Oxford English for Computing» (К. Bockner, P. Charles Brown) оговаривается, что данный глоссарий содержит технические термины (technical terms) и сокращения/аббревиатуры (abbreviations). «Basic English For Computing: Student's Book» (Е. Н. Glendinning, J. McEvan) содержит компьютерные термины (computing terms) и сокращения/аббревиатуры (abbreviations). «Professional English in Use ICT» (S. R. Esteras, E. M. Fabre) оперирует такими понятиями, как компьютерные термины (computer terms) и ИКТ термины (ICT terms).

Таким образом, в среднем каждый учебник или учебное пособие содержит 627 единиц. Сопоставив глоссарии данных учебников и учебных пособий, мы получили 3278 уникальных единиц, 1583 дублирующихся единицы, 155 вариантов. Наш список базовых терминов английского компьютерного подязыка насчитывает 756 единиц, что в 1,2 раза превышает среднее количества единиц в словниках.

Что касается компонентного состава специальных единиц, то однокомпонентные специальные единицы составили 3089 единиц, двухкомпонентные – 236 (без исключения дублирующих единиц – 1568). Специальных единиц, состоящих строго больше двух компонентов, насчитывают 357 единиц: трехкомпонентные – 303 единицы, четырехкомпонентные – 45 единиц, пятикомпонентные – 7 единиц, шестикомпонентные специальные единицы и 2 семикомпонентные.

Одним из принципиальных вопросов, относящихся к формальной структуре терминов, остается вопрос о различении простых терминов, состоящих из нескольких компонентов, и составных терминов (терминологических сочетаний, или комбинаций) [см. Лейчик 2007]. Автоматическая обработка текстов требует четко сформулированных критериев разграничения терминологических сочетаний и комбинации тер-

минов. В.М. Лейчик выделяет базовые термины, за которыми следуют основные термины. замыкают список производные и сложные термины (термины-словосочетания, многословные термины). В качестве идеальных структур между терминологическими элементами В.М. Лейчик выделяет те отношения, которые однозначно выражают логические связи между понятиями: родовая связь, связь предмета и его функции, связь действия и инструмента [Лейчик 2007: 50]. Перейдем к структурному анализу двухкомпонентных терминов, начиная с анализа главных компонентов вышеобозначенных терминосочетаний.

Двухкомпонентные термины насчитывают 1196 единиц. По количеству зависимых компонентов на первом месте находится главный компонент **key** (варианты – *keys/key(s)*), имеющий 22 зависимых компонента (*alphabet, alphanumeric, alt, arrow, backspace, calculator, control, cursor, dedicated, delete, editing, enter, escape, function, hash, in, memory, return, shift, shortcut, star, tab*); на втором месте **computer** (**computer**) / **Computer** (номен) / **computer(s)**) – 17 зависимых компонентов (*Associates, desktop, DNA, host, mainframe, multimedia, laptop, network, notebook, palmtop, pen-based, personal, portable, quantum, small, subnotebook, wearable*); третье место занимает **program** (**Programs**) – 16 зависимых компонентов (*accessibility, All, anti(-)virus, application, batch, cache, client, database, filtering, object, page-makeup, real-time, source, systems, translator, utility*); четвертое место занимают **memory** (12 зависимых компонентов: *cache, expanded, internal, low, main, non-volatile, physical, primary, read-only, secondary, video, volatile*) и **language** (*assembly, computer, data-manipulation, functional, high-level, low-level, machine, markup, object, portable, programming, scripting*).

Пятое место делят **device** (**device(s)**) с 11 зависимыми *backup, charge-coupled, I/O, input, intelligent, print-to-tape, remote, sequential, smart, output, storage* и **code** с *7-bit, 8-bit, area, ASCII, bar, binary, machine, source, country, security, zip*.

Шестое место занимают **server** с 10 зависимыми компонентами (*chat, client, file, IM, list, mail, network, print, secure, Web/web*) и **board** с *adaptor, audio, bulletin, circuit, clip, expansion, fax, memory, system, white*. Далее идут **box** (*address, check, comment, dialog(ue), filled, junction, selection, set-top, text*), **game** (*arcade, board, computer, console, handheld, PC, strategy, video, war*), **file** (*bitmap, control, executable, mul-*

timedia, source, spool, swap, wave, zip(ped)) с 9 зависимыми компонентами.

Восьмое место в рейтинге занимают шесть главных компонентов с восьмью зависимыми: **address** (*billing, delivery, effective, email, IP, memory, web, website*), **bar** (*description, menu, scroll, space, status, task, title, track*), **button** (*checkout, command, left, mouse, option, power, radio, right*), **drive** (*CD, CD/DVD, CD-ROM, disk, DVD, hard, pen, tape*), **sign** (*At/at, dollar, equals, in, off, percentage, plus, up*), **unit** (*allocation, arithmetic, arithmetic-logic, control, display, execution, logical, system*).

Девятое место принадлежит следующим терминам с зависимыми компонентами: **access** (*broadband, civilian, generic, internet, random, restricted, unauthorised*), **disk** (*(disk) / disc*) (*Blu-ray, CD-ROM, compact, floppy, hard, magneto-optical, optical*), **line/lines** (*attention, clock, grant, signal, subject, telephone, up*), **log** (*in, in/on, off, off/out, on, onto, out*), **network** (*bus, high-speed, neural, ring, star, switched, wireless*), **port** (*COM, communications, input, output, parallel, serial, USB*), **software** (*application, email, paint, pirated, presentation, scanning, system(s)*).

Перечислим лишь главные компоненты, которые находятся на 10 месте: **case, colour / colours / colour(s), error, (menu) / menu, Microsoft / MS, number, printer, scanner, service / services / (service), storage, television / TV, time, topology**.

Далее в списке следуют **Adobe** (номен), **cable, editor, font, graphic/ graphics /graphic(s), interface, Internet / Internet** (номен) / **Internet / (internet) /Net, mail, operator/operators, page/Pg, phone, point, processing, rate, table, window/Windows** (номен).

К структурным особенностям главных компонентом базовых английских компьютерных терминов можно отнести, во-первых, такое их свойство, как вариативность (категория числа, термин/номен, полный термин/ сокращение), реже – синонимы (см. *Internet* и *Net*); наличие номенов (см. *Adobe, Computer, Internet, Windows*) и сокращений (см. *ID, MS, Pg, TV*).

В ходе исследования были выявлены 38 формальных вариантных групп среди главных компонентов. 23 из них варьируются в рамках категории числа: **change / changes, colour / colours / colour(s), computer / (computer) / Computer / computer(s), device / device(s), format / formats, graphic / graphics / graphic(s), head / head(s), key / keys / key(s), line / lines, link / links, medium / media, note / notes, operator / operators, program / Programs, scheme / schema, separator / separators, ser-**

vice / services / (service), setting / settings, robot / robots, slot / slot(s), tag(s) / tags, value / values, window / Windows. В некоторых случаях окончание множественного числа является опциональным. Данные факты говорят о неустоявшемся характере англоязычной терминосистемы компьютерного подязыка. Во всех случаях, за исключением одного, речь идет о традиционном показателе множественного числа – *-s*. Исключение составляет латинское заимствование *medium* с перешедшей в английский язык формой множественного числа *media*. Особо выделяется термин *All Programs*. Данный термин обозначает иконку (надпись), при нажатии которой для пользователя открывается список всех программ, установленных на данном компьютере. Что касается номена *Windows*, то разработанная Microsoft операционная система работала по принципу «открывающихся окон», а не ввода данных в командную строку [см. http://wiki.answers.com/Q/Why_did_Bill_Gates_select_the_name_Windows_for_his_product].

Ко второй группе вариантов – словообразовательной – относится суффиксальный вариант *adapter / adaptor*. Данный пример относится к группе терминов, обозначающих названия приспособлений или предметов со специальной функцией.

Что касается термина *disc / disk / (disk)*, то британский вариант написания американского варианта термина *disk* обычно используется только для обозначения *компакт-диска* [<http://www.websters-online-dictionary.org/definition/disc>].

Написание *analog* существует в американском варианте английского языка, поэтому оно традиционно применяется в компьютерном подязыке, имеющем американские корни.

Зависимые компоненты *conceptual, internal* и *external* могут относиться как к главному компоненту *schema*, так и к его варианту *scheme*. Компонент *colour* зависит только от варианта *scheme*. Данные единицы имеют небольшое различие: *scheme* – 1) a dialect of LISP, used particularly in teaching computer science [ODC 2004 : 464]; 2) structure used to describe the data organization in a database [<http://www.websters-online-dictionary.org/definition/scheme>]; *schema* of a database. Short for *logical schema*. See also *storage schema, user view* [ODC 2004 : 464]. Таким образом, *scheme* и *schema* совпадают в своем первом значении: «structure used to describe the data organization in a database», однако термин *schema* имеет второе значение «the overall logical data-base de-

scription or an overall model of the data, a chart of the types of data that are used» [<http://www.websters-online-dictionary.org/definition/schema>].

Часть вариантов отличается написанием с большой буквы: *Internet / Internet* (номен) / *Internet (internet) / Net, Lock (lock) / lock, Messaging (messaging) / messaging. Caps Lock / lock, Instant / Messaging или instant messaging, (the) Net, power-line Internet / internet, Internet Explorer, (the) Internet, immersive Internet*. В исследованных случаях однозначное написание термина с большой буквы связано с тем, что перед нами номен – Internet Explorer (название браузера, программы фирмы Microsoft, обеспечивающей подключение компьютера к интернету, установление удаленных соединений и использование интернет-ресурсов [АРСВТП 2008]). Е. М. Какзанова в своей статье [Какзанова 2010] представляет обзор мнений по вопросу разграничения номенклатуры и терминов-эпонимов. Что касается терминов с зависимыми компонентами определенными артиклями – *(the) Net* и *(the) Internet*, то в случаях, когда речь идет о *сетевом комплексе (internetwork)*, состоящем из двух или более локальных и региональных сетей, соединяемых с помощью мостов, шлюзов и/или маршрутизаторов [Пройдаков, Теплицкий 2007]), то интернет пишется строчными буквами. Если же речь идет о всемирной компьютерной сети (*Internet*), то термины *the Internet* и его усеченный вариант *the Net* всегда пишутся, во-первых, с заглавных букв, во-вторых, зачастую с определенным артиклем, который выделяет их из класса схожих объектов.

Вариативность написания англоязычного эквивалента *мгновенный обмен сообщениями* имеет место и в тексте соответствующей статьи авторитетного словаря [<http://www.websters-online-dictionary.org/definition/Instant+Messaging>]. Для обозначения клавиши смены регистра Webster's Online Dictionary предлагает написание со строчных букв (несмотря на тот факт, что вариативность сохраняет лишь в нидерландском и португальском языках, а также в бразильском варианте португальского языка). Во всех остальных языках [см. <http://www.websters-online-dictionary.org/definition/Caps+Lock>] сохраняется написание обоих компонентов со строчной буквы.

Аббревиационные (сокращенные) варианты представлены парами *identification/ ID, Macintosh / Mac, Microsoft / MS, page / Pg, television / TV*. В первом случае мы имеем дело с усечением второго и третьего слогов в названии семейства компьютеров фирмы Apple Computer, Inc. Следует отметить, что данное усечение также проникло

и в русский компьютерный подъязык – Мак(интош) [Лисовский 2005]. Данное сокращение стало вершиной (исходным словом) словообразовательного гнезда: *Mac II, Mac IIcx, Mac OS, Mac OS X, Mac OS 8, Mac Playmate, Mac TV, Mac OS X v10.5 "Leopard", iMac, MacBook, MacBook Pro, MacBook Air* (данные Webster's Online Dictionary [<http://www.websters-online-dictionary.org/definition/Mac>]); *Mac volume* [АРСВТП 2008]. Во втором случае сокращению также подвергся номен –*Microsoft*. В этом случае сокращению подверглись морфемы *micro-* и *-soft*. Данное сокращение также образует словообразовательное гнездо: *MS Access, MS Mail, MS Word* [<http://www.websters-online-dictionary.org/definition/MS>]; *MS RPC, MS-DOS, MS-DOS machine, MS-DOS-based, MS-DOS-based application* [АРСВТП 2008], *MS-DOS PC, MS-DOS programs, MS-DOS system* [АРСМИАП 2003], *MS-Mail system* [АРСТ 2002], *MS-office file* [АРСМИАП 2003]. Для компьютерного подъязыка характерно такое явление, как аббревиационная омонимия и омонимия сокращений. Название функциональной клавиши сокращается до *Pg*. Сокращение *ID* вошло в современный английский язык в 1955 года [www.etymonline.com]. В компьютерном подъязыке, тяготеющем к сокращениям, *ID* часто заменяет *identification*.

В ряде случаев главные компоненты опциональны (см. *tilde (character), desktop, laptop, mainframe, notebook, palmtop, portable, sub-notebook (computer), CD-ROM, floppy (disk), screen (display), popup (menu), hosting (service)*). Обычно данные опущения допускаются, когда пользователи подъязыка понимают, о чем идет речь и могут без труда восстановить опущенный компонент.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- ODC 2004 – Daintith J. A Dictionary of Computing. – Oxford University Press, 2004. – 5th ed. – 597 pp.
- Webster's Online Dictionary [Electronic resource]. URL: <http://www.websters-online-dictionary.org>.
- АРСВТП 2008 – Англо-русский словарь по вычислительной технике и программированию (The English-Russian Dictionary of Computer Science): 52 тыс. статей. / АBBYY Software Ltd, Е.К. Масловский, 2004. – 5-е изд., испр. и доп.
- АРСМИАП 2003 – Воскобойников Б.С., Митрович В.Л. Англо-русский словарь по машиностроению и автоматизации производства :

- ок. 100000 терминов. –3-е изд., стер. – М.: РУССО, 2003. –1006 с.
- АРСТ 2002 – Александров А.В. Англо-русский словарь сокращений по телекоммуникациям. – М.: РУССО, 2002 – 288 с.
- Какзанова Е. М. Номенклатура и термины-эпонимы: обзор мнений // Вестник МГОУ. Лингвистика. – 2010. – №5. – С. 21–25.
- Квасова Л.В., Подвальный С.Л., Сафонова О.Е. Английский язык в области компьютерной техники и технологий = Professional English for Computing: учебное пособие. – 2-е изд., стер. – М.: КНОРУС, 2012. – 176 с.
- Лейчик В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура. – 3-е изд. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. –256 с.
- Лисовский 2005 – Лисовский, В. Ф. Новый англо-русский словарь по радиоэлектронике: 100 тыс. терминов и 7 тыс. сокращений. – М.: РУССО, 2005. – 1392 с.
- Пройдаков, Теплицкий 2007 – Пройдаков Э.М., Теплицкий Л.А. Англо-русский толковый словарь терминов и сокращений по ВТ, Интернету и программированию. Электронная версия для АBBYY Lingvo x3, 1998-2007 гг.
- Титов В. Т. Общая квантитативная лексикология романских языков. – Изд-во Воронеж. гос. ун-та, Воронеж, 2002. – 237 с.
- Хасаншина Г. В. Латинизированный семантический метаязык в русском агрономическом подъязыке: дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2004. – 192 с.

Лукина О.И.

Екатеринбург, Россия

**К ВОПРОСУ ОБ
ОСОБЕННОСТЯХ МЕТАЯЗЫКА
ЛИНГВИСТИКИ И
ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ
ТЕРМИНОЛОГИИ**

Аннотация. В статье рассматриваются особенности метаязыка лингвистики и лингвистической терминологии как её базовой составляющей.

Ключевые слова: метаязык, лингвистическая терминология

Сведения об авторе: Лукина Ольга Ивановна, кандидат филологических наук, доцент кафедры романских языков.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет.

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26, к. 463. e-mail: dimol2002@mail.ru

Lukina O.I.

Ekaterinburg, Russia

**ON THE ISSUE OF SPECIAL
FEATURES OF THE
METALANGUAGE OF
LINGUISTICS AND LINGUISTIC
TERMINOLOGY**

Abstract. The article is devoted to special features of the metalanguage of linguistics and linguistic terminology as its key component.

Keywords: the metalanguage of linguistics, linguistic terminology.

About the Author: Lukina O.I. Candidate of Philology, Associate professor of the Chair of Romanic Languages.

Place of employment: Ural State Pedagogical University.

Лингвистика занимает особое место среди других гуманитарных наук, что связано со спецификой предмета её исследования – фактов и явлений естественных (и искусственных) языков. В отличие от естественных наук, где часто используются невербальные, формализованные средства описания явлений и процессов, в гуманитарных науках, и в частности в лингвистике, для описания наблюдаемых и выявляемых фактов используются преимущественно вербальные средства. Другой отличительной особенностью языкознания являются три основных этапа научного исследования: описание языковых фактов, создание понятий и разработка метаязыка, (в отличие, например, от логики, где исследование начинается со второго этапа). При этом описание выделенных языковых объектов осуществляется с помощью языковых же знаков, т.е. является метаописанием. Вследствие этого, «сфера лингвистической терминологии образована в основной своей части элементами метаязыка» [Баранов 2003: 94].

Современное состояние лингвистической науки позволяет дать следующее определение термина метаязык: «Метаязык (от греч. *meta*

– через, после) – язык «второго порядка», по отношению к которому естественный человеческий язык выступает как «язык – объект», т.е. как предмет языковедческого исследования» [ЛЭС 2002: 509]. Французский лингвист Жозетт Рей-Дебов даёт такое определение метаязыка: «*Métalangue est un ensemble des unités lexicales et des constructions employées pour parler d'une langue*» [Rey-Debove 1997: 20]. Из данных дефиниций видно, что в русском языке на первом плане находится назначение метаязыка, а во французском определении – состав его структурных единиц, и потом назначение. Однако их нельзя считать противоречащими друг другу, но, наоборот, дополняющими друг друга.

Исследователи, занимающиеся вопросами метаязыка лингвистики, указывают на его специфичность и сложность изучения, которая заключается, в частности, в необходимости разграничения объекта метаязыка, с одной стороны, и единиц, элементов метаязыка, с другой [Ганиева 1966: 79]. Н.Б. Гвишиани, рассуждая об онтологии метаязыка языкознания, вскрывает причину его консубстанциональности с естественным языком. Автор отмечает, что естественный человеческий язык – открытая развивающаяся система, функционирующая в речи, представляющая собой сложное, порой противоречивое явление. Поэтому и метаязык должен обладать разнообразными и гибкими средствами выражения. В связи с этим, метаязык языкознания строится на основе тех же единиц, что и естественный язык, и имеет с ним тождественную субстанцию, которой является звучащая материя [Гвишиани 1983: 65].

Метаязык – это средство специального общения. Его специфика состоит в том, что его используют, говоря о естественном человеческом языке. «Под метаязыковым общением понимается использование говорящим особой разновидности языка, реализующей интеллективно-коммуникативную функцию» [Гвишиани 1983: 64]. В литературе отмечается в связи с этим одна из особенностей метаязыка – его национальная обусловленность, связанная со спецификой конкретных языков [Гвишиани 1986: 36]. Т.е. метаязык языкознания напрямую зависит от того языка, который он описывает. Можно предположить, таким образом, что количество метаязыков находится в прямой зависимости от количества естественных языков. Кроме национальной и социальной обусловленности метаязыка, в большей степени проявляется его зависимость от методологической позиции пользующихся

этим метаязыком исследователей. Если принять во внимание тот факт, что у каж дой лингвистической школы, лингвистического направления свой метаязык, то можно представить общее количество существующих метаязыков – оно огромно. Таким образом, «разработка метаязыка языкознания – это методологическая проблема, поскольку сам выбор тех или иных метаязыковых обозначений (терминов) отражает соответствующую методологию» [Гвишиани 1983: 67].

Успех метаязыкового общения во многом зависит от того, насколько совпадает система понятий и выражаемых их терминов, используемых в процессе научной коммуникации, т.е. метаязыковые системы говорящего и слушающего. Метаязык отражает мировоззрение учёного, его систему взглядов, индивидуальные теории и концепции, которые принято называть «диалектами» или «идиолектами». О.С. Ахманова справедливо заметила, что систематизация основных понятий метаязыка лингвистики должна начинаться именно с инвентаризации разнообразных терминологических единиц, бытующих в его «диалектах» и «идиолектах» [Ахманова 1961: 115]. Однако, как отмечает Т.А. Ганиева, «всё-таки следует, прежде всего, рассматривать метаязык в целом, его основные и конституирующие категории, не зависящие от тех или иных языковедческих школ и направлений» [Ганиева 1966: 80]. Тем не менее, изучение «личностных» терминосистем, их формального и семантически-понятийного своеобразия помогло бы прояснению многих тёмных мест в теоретических построениях, возникающих неизбежно в сферах различных наук и нередко мешающих их развитию, а также способствовало бы формированию чёткого представления о роли каждого большого учёного в развитии науки, о влиянии личностных теоретических взглядов на формирование научных направлений и школ [Головин 1981: 8-9].

По мнению А.В. Иванова «метаязык лингвистики представляет собой сложный, многоаспектный пласт языка, ориентированный на выполнение ряда прикладных задач, стоящих перед лингвистикой как наукой» [Иванов 2006: 1] и характеризуется следующими онтологическими признаками, позволяющими отличить его от описываемого языка (языка-объекта):

- 1) системность, из которой вытекает требование единства системы понятий в языке описания;
- 2) формализованность структуры;
- 3) искусственность;
- 4) однозначность элементов структуры;
- 5) ограниченная функциональная направленность метаязыка;
- 6) эталонность

метаязыка; 7) абстрактность; 8) универсальность и достаточность метаязыка в рамках того направления, где он находит свое применение; 9) открытость; 10) детерминированность; 11) вариативность (и национальная ориентированность; 14) изменчивость); 12) преемственность (единообразие, конвенциональность); 13) социальная психологичность метаязыка; 15) фиксированность средствами графики [Иванов 2004: 292-293].

Однако, как отмечает сам автор, перечисленные особенности метаязыка лингвистики представляют собой некий эталон, а уровень сформированности терминосистем конкретных отраслей или направлений науки о языке определяется мерой реализации в них этих метаязыковых признаков [Иванов 2006: 10].

Основой метаязыка является лингвистическая терминология, относящаяся «к сложнейшим терминосистемам лексического состава языка» [Якимова 1981: 114]. Она представляет собой совокупность слов и словосочетаний, употребляющихся в языкознании для выражения специальных понятий и для называния типичных объектов данной научной области. Лингвистическая терминология включает в себя два типа структурных единиц: 1) собственно термины, т.е. слова, которые либо вообще не употребляются в языке-объекте, либо приобретают особое значение; 2) своеобразные словосочетания, приводящие к образованию составных терминов [ЛЭС 2002: 509].

В употреблении М.А. Парижевой термин лингвистическая терминология многозначен: с одной стороны, он интерпретируется как совокупность лингвистических терминов, и с другой, как наука, изучающая данную совокупность, что, по мнению автора, не противоречит формуле полисемии «изучаемый объект – наука». Кроме того, лингвистическая терминология существует как система систем [Парижева 2005: 7].

Н.А. Шурыгин рассматривает лингвистическую терминологию как «...совокупность терминов, обозначающих лингвистические понятия и явления», а лингвистический термин – это «слово или словосочетание, используемое языковедами в профессиональном общении для наименования лингвистических реалий в процессе описания или изучения языковых фактов» [Шурыгин 2005: 27].

Однако лингвистическая терминология – основная, но не единственная составляющая метаязыка лингвистики. По мнению некоторых авторов, метаязык имеет также свой «метасинтаксис» (О.С. Ахма-

нова, 1961). Наличие своей грамматики и синтаксиса у терминов отрицается, тем не менее, рядом учёных (Л.Л. Кутина 1970: 83; Н.А. Слюсарева 1979: 71). Наряду с терминологией в метаязык входит также и общенаучная лексика, а также «своеобразные словосочетания слов и их эквивалентов», которые выражают различные аспекты научного исследования. Кроме этого, метаязык «включает номенклатурные знаки-номены, число которых необозримо велико и с трудом поддаётся систематизации» [Иванов 2006: 9-10].

По мнению Н.Б. Кузьминой, особенностью лингвистической терминологии, как и всей терминологической лексики гуманитарных наук, является её близость к общему языку [Кузьмина 1971: 43]. По этому вопросу она писала следующее: «Обращает на себя внимание тот факт, что лучше изученной в настоящее время остается терминология точных, естественных и технических наук. Значительно меньше внимания уделяется терминологии общественных наук. В большей степени это обстоятельство, по-видимому, можно объяснить спецификой самого гуманитарного знания, изложение которого обычно ближе к общезыковому пласту литературного языка, чем узкоспециализированное словоупотребление других наук» [Кузьмина 1971: 2].

Лингвистическая терминология представляет определённую сложность для изучения. Это связано с тем, что язык-объект и метаязык совпадают в плане выражения, т.е. они консубстанциональны. Иначе говоря, «сложность ... заключена в факте единства языка как объекта и как инструмента исследования» [Слюсарева 1979: 69].

В связи с единством языка как объекта познания, как предмета науки, и как инструмента исследования, лингвистическая терминология также имеет двойственный характер: с одной стороны, в термине закрепляется полученное знание, с другой – термин служит инструментом открытия нового знания. По мнению Н.А. Слюсаревой, термин появляется в момент приближения «учёного к открываемому, когда контуры устанавливаемого понятия ещё не полностью обозначаются, когда сущность явления ещё не раскрывается перед исследователем во всей его многогранности» [Слюсарева 1979: 74]. Используя термин как инструмент открытия, учёные постигают свойства анализируемого предмета.

Этот двойственный характер лингвистической терминологии породил чрез мерное терминотворчество, когда «стало трудно отделить термин, обозначающий вновь открытое явление, от термина, ко-

торый был использован для его открытия» [Слюсарева 1979: 72]. В создавшейся ситуации серьёзно возник вопрос о взаимной связи лингвистических терминов и лингвистических идей, иными словами «почему, в каких условиях возникает идейная моно- и полифункциональность термина, к чему ведёт та и другая» [Головин 1976: 20]. На данный вопрос обращает свое внимание и А.В. Иванов, который выделяет две современные тенденции в развитии терминологии языкознания: 1) неуклонный рост числа новых терминов, связанный с появлением не существовавших ранее направлений в лингвистике, и 2) расширение количества и объёма понятий, выражаемых через посредство уже существующих терминов [Иванов 2006: 2].

В лингвистической терминологии представляется возможным выделить три группы терминов: 1) универсальные, которые в принципе могут быть применимы к описанию явлений самых различных языков; 2) уникальные, именующие явления, специфические для какого-либо языка; 3) авторские, ориентированные на использование в пределах одной теории (концептуально-авторские). При этом между терминами первой и второй группы, с одной стороны, и третьей, с другой, нельзя провести чёткой границы, поскольку последняя служит постоянным источником пополнения первых двух, особенно – первой [Слюсарева 1983: 23-28].

Развитие научной мысли – динамический процесс, при котором сосуществование научных теорий и концепций также неизбежно, как и постоянный процесс познания окружающей действительности, разных её аспектов с применением разнообразных способов. Это относится и к лингвистике. Одной из особенностей лингвистической терминологии является наличие вариантности, синонимии, омонимии лингвистических терминов, большого количества терминов-дублетов – это с точки зрения количественной. А с качественной стороны отмечается, что в лингвистической терминологии наблюдается «процесс семантического терминообразования – устранения семантических дублетов путём превращения их в самостоятельные единицы метаязыка» [Чернейко 2001: 39]. Таким образом, лингвистическая терминология как динамическая система характеризуется наличием двух состояний – лексической избыточностью и семантической недостаточностью, – которые уравновешивают друг друга. При этом в лексической избыточности лингвистической терминологии проявляется стихийное начало метаязыка, а в её преодолении через семантическое размежевание дублетов – логиче-

ское [Чернейко 2001: 41].

Итак, выделим основные особенности лингвистической терминологии как базовой составляющей метаязыка лингвистики: более тесная по сравнению с технической терминологией связь с общелитературным языком и с другими науками, полиморфизм, лексическая избыточность, семантическая недостаточность.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Ахманова О.С. К вопросу об основных понятиях метаязыка лингвистики // Вопросы языкознания. – 1961. – № 5. – С. 115-12.
- Баранов, А.Н. Введение в прикладную лингвистику: учебное пособие. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 360 с.
- Ганиева Т.А. О системе фонетической терминологии // Современная русская лексикология. – М.: Наука, 1966. – С. 78-86.
- Гвишиани Н.Б. К вопросу о метаязыке языкознания // Вопросы языкознания. – 1983. – № 2. – С. 64-72.
- Гвишиани Н.Б. Язык научного общения (вопросы методологии): монография. – М.: Высшая школа, 1986. – 280 с.
- Головин Б.Н. Лингвистические термины и лингвистические идеи // Вопросы языкознания. – 1976. – № 3. – С. 20-34.
- Головин Б.Н. Типы терминосистем и основания их различия // Термин и слово: межвуз. сборник. – Горький: Изд-во ГГУ им. Н.И. Лобачевского, 1981. – С. 3-11.
- Иванов А.В. К определению онтологических признаков метаязыка лингвистики // Русская сопоставительная филология: состояние и перспективы: Международная научная конференция, посвящённая 200-летию Казанского университета (Казань, 4-6 октября 2004г.): Труды и материалы: / под общей ред. К.Р. Галиуллина. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. – С. 292-293.
- Иванов А.В. Метаязык фонетики и метрики : автореф ... дисс. д-ра филол. наук. – М.: [б. и.], 2006. – 44 с.
- Кузьмина Н.Б. Морфолого-семантический очерк русской терминологии языкознания : дис. ... канд. филол. наук. – Минск: [б.и.], 1971. – 198 с.
- Лингвистический энциклопедический словарь. – 2-е изд., доп. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. – 709 с.

- Парижева М.А. Особенности функционирования лингвистических терминов в профессиональной речи : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ставрополь: [б. и.], 2005. – 24 с.
- Слюсарёва Н.А. Терминология лингвистики и метаязыковая функция языка // Вопросы языкознания. – 1979. – № 4. – С. 69-76.
- Слюсарёва Н.А. О типах терминов (на примере грамматики) // Вопросы языкознания. – 1983. – № 3. – С. 21-29.
- Шурыгин Н.А. Семасиологический и лексикографический аспекты таксономизации лингвистических терминов и терминопонятий : дисс. ... д-ра филол. наук. – Тюмень: [б. и.], 2005. – 294 с.
- Чернейко Л.О. Металингвистика: хаос и порядок // Вестник Московского университета. – Сер. 9. Филология. – 2001. – № 5. – С. 39-52.
- Якимова С.А. Системное изучение лингвистических терминов // Термин и слово: мезвузовский сборник. – Горький: Изд-во ГГУ им. Н.И. Лобачевского, 1981. – С. 114-120.
- Rey-Debove, J. Le métalangage: étude linguistique du discours sur le langage : la 2-e éd. rev. et augm. – Paris: Armand Colin; Masson, 1997. – 318 p.

УДК 82-32

Дубах Т.М.

Екатеринбург, Россия

**ОРГАНИЗАЦИЯ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО
ПРОСТРАНСТВА В НОВЕЛЛАХ
А. ШНИЦЛЕРА:**

СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности изображения и функции художественного пространства в новеллах одного из выдающихся представителей австрийской литературы и драматургии А. Шницлера, чье творчество пришлось наконец XIX начала XX века.

Ключевые слова: художественное пространство, траектория перемещения героев, социальная демаркация, изоляция индивида, композиционный конструкт.

Сведения об авторе: Дубах Татьяна Михайловна, аспирант кафедры немецкой филологии.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет.

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26, к. 464.

e-mail: romt2@list.ru

Dubach T.M.

Ekaterinburg, Russia

**CREATION OF THE SCENE IN A.
SCHNITZLER'S NOVELS:
STYLISTIC ASPECT**

Abstract. The present article shows the specific composition of the scene and its function in the novels of Arthur Schnitzler, one of the outstanding exponents of the Austrian literature and dramaturgy who worked at the outgoing 19th and upcoming 20th century.

Keywords: scene, the hero's way through the scene, social demarcation, individual isolation, structural layout.

About the Author: Dubach Tatiana Michailovna, postgraduate Student of the Chair of German Philology.

Place of employment: Ural State Pedagogical University.

Местом действия в преобладающем большинстве прозаических произведений известного драматурга и писателя Артура Шницлера является город-резиденция Вена конца XIX начала XX века. Сюжеты немногих его новелл разворачиваются за городом или в ближайших окрестностях столицы, и лишь несколько имеют местом действия иной заграничный город или вовсе не содержат пространственных ориентиров, как в новеллах «Доктор Греслер, курортный врач» („Doktor Gräs-

ler, Badearzt“), «Пастушья свирель» („Die Hirtenflöte“), «Америка» („Amerika“), «Фрау Беата и ее сын» („Frau Beate und ihr Sohn“) и др.

Как и сам Шницлер, его герои имеют ряд излюбленных мест, к которым можно отнести Пратер (парк отдыха в Вене) и венское кафе, которое, как известно, являлось на рубеже веков центром культурной жизни и служило местом разгоряченных дискуссий для венских литераторов и художников. В большинстве новелл траектория перемещения героев не выходит за границы Ринга (кольцевой бульвар в центре Вены), то есть затрагивает лишь центральную часть города, где они живут и не считают нужным покидать.

Представляется важным тот факт, что местами действий в новеллах австрийского автора предстают подлинные реалии Вены (включая названия улиц), которые существовали тогда и сохранились по большей части и сегодня. Если взглянуть на них в совокупности, то явно очерчивается разделение художественного пространства Вены в новеллах Шницлера на центр и периферию, то есть на центральную часть города, расположенную между Кертнерштрассе и Рингом, и, выходящие за эту область, предместья столицы. Такая градация «центр – периферия» соответствует оппозиции «свой – чужой», которая имеет социальную окраску.

Территориальная демаркация внутри Вены конца XIX начала XX века проходила по линиям социальных разломов. Центр, окольцованный Рингом, населяли аристократия и преуспевающие коммерсанты. Между Рингом и бывшим Линейным валом (вторая оборонительная стена Вены, ныне именуемая Гюртель, т.е. Пояс) располагались кварталы буржуазии. Следующая граница членения шла по территории между Кертнерштрассе и Шварценбергплац, слывшей самой роскошной частью внутреннего города. На Шварцбергплац находились дворцы высшей знати, которой принадлежало много домов на Ринге, однако проживать она предпочитала именно здесь. Поблизости от ратуши селились особо состоятельные представители крупной буржуазии, репрезентанты свободных профессий предпочитали район у почтово-сберегательной кассы. По другую сторону современного Гюртеля начинались предместья [Ritz: 149-150].

Для жителей Вены рубежа веков такое социально-территориальное структурирование города было абсолютно естественным, они владели этой сложной знаковой системой, в которой изображенные современными для них писателями места приобретали

специальную коннотацию. Сегодня без определенного багажа экстралингвистических знаний представляется затруднительным декодировать эту сложную систему.

Обеспеченные жители центральной части Вены в новеллах Шницлера воспринимают окраинную часть города как нечто чуждое и неохотно покидают границы своего привычного «ареала». *«Как необычно, подумал Франц, кажется, что здесь, через сто шагов от Пратера, попадаешь в какой-то маленький венгерский городок»* («Мертвые молчат», „Die Toten schweigen“) [Schnitzler 1961: 296]. Если же они нарушают границы своей «комфортной зоны», то это зачастую имеет убедительное основание. Так, в «Маленькой комедии» („Die kleine Komödie“) эlegantные жители центральной части города из любопытства или сентиментальности совершают прогулку в незнакомые (или знакомые в пору их подъема по социальной лестнице) окраины Вены.

Перемещение из периферии в центр происходит значительно реже, как будто автор хочет подчеркнуть, что восхождение по социальной вертикали возможно лишь только в одном направлении. Так, Берта Гарлан из одноименной новеллы Шницлера живет в маленьком провинциальном городке, тесноту которого она обнаруживает, когда ее притязания начинают возрастать и она совершает маленькое путешествие в Вену. Эта поездка могла бы расцениваться как попытка вырваться из оков провинциальной жизни, однако героиня, распознав в этом стремлении самообман, возвращается в привычную ей среду, где она вновь обретает крепкую почву под ногами.

Изображение художественного пространства в новеллах Шницлера отвечает замыслу автора показать отчаяние и изоляцию индивида конца XIX начала XX века, который оказывается заточенным в мире с четкими границами и вряд ли сможет вырваться из него. Вдовец из новеллы «Другой» („Der Andere“) погряз в пучине боли из-за утраты любимой супруги и заключил себя в своего рода тюрьму. Целый день он проводит в четырех стенах и скорбит, покидает квартиру только с целью пойти на кладбище. Все его перемещения ограничиваются маршрутом до кладбища и обратно. Внутреннее состояние героя созвучно с настроением внешнего мира, чье описание только усиливает желанный эффект. Этот прием традиционно используется автором во многих новеллах. Так, зачин «Смерти» („Sterben“) разворачивается в сумеречном и полупустынном саду Аугартен, из которого Феликс и

Мари направляются в сторону Пратера. Они гуляют по темным, узким улочкам в обход больших и широких улиц, что соответствует мрачному настроению главного героя. В новелле «Мертвые молчат» любовная пара следует по темной аллее Пратера к летней беседке. Страх главной героини – Эммы – быть узнанной заставляет молодых людей развернуться и отправиться в более безлюдное место к мосту Райхсбрюке. Натянутым отношениям обоих вторит шторм на воде и мгла, в которой различимы только звуки и шорохи.

В новеллах, где действие приобретает мистический или неожиданный поворот, как, к примеру, в «Дневнике Редегонды» („Tagebuch der Redegonda“), реальный фон происходящих событий глубже прочерчивает контраст между реальностью и фикцией, действительностью и сновидением. Это является неотъемлемым приемом иронического повествования, а также своеобразной игрой с читателем, которому безрассудные ситуации преподносятся в свете обычных, злободневных событий.

Описание художественного пространства в новеллах Шницлера является не только важным сюжетобразующим элементом, но и выступает в качестве композиционного конструкта. В новелле «Лейтенант Густль» („Leutnant Gustl“), полностью состоящей из внутреннего монолога, автор размещает указания, где в данный момент находится главный герой, и какой путь в ходе своего ночного странствия он уже проделал. Без таких подсказок некоторые замечания Густля были бы совершенно непонятными, а текст потерял бы логический строй. Эти сведения организуют поток мыслей протагониста и предоставляют ему вопреки спонтанности его внутренней речи внешнюю смысловую опору. Так, от самого Густля мы узнаем, что после конфронтации с пекарем он покинул здание оперы: *«Что, я уже на улице? Как я здесь оказался?»* [Schnitzler 2001: 18]. Блуждая по ночной Вене, он проходит мимо кофейни, что тотчас регистрирует: *«Вот кафе Хохляйтнер... Сейчас там точно находится пара моих товарищей...»* [Schnitzler 2001: 19]. В возбуждении он преодолевает большие дистанции: *«Мост Аспернбрюке... Как далеко я еще забреду? – Если я так и дальше буду идти, то в полночь окажусь в Кагране...»* [Schnitzler 2001: 22]. Бесцельные скитания абсолютно сбивают его с толку, с удивлением он отмечает, где очутился: *«Это совсем не плохо, сейчас я в Пратере... посреди ночи... я бы сегодня утром ни за что не подумал, что буду ночью гулять по Пратеру»* [Schnitzler 2001: 24]. Из Пратера, где он

уснул на скамье, Густль бредет дальше, следующим пунктом в его маршруте является Бургхоф, откуда он, продолжая плестись по Рингу, направляется в свое излюбленное кафе, где действие новеллы и заканчивается, после того, как он узнает о внезапной смерти пекаря.

Так как Шницлер концентрирует свое внимание на специфической атмосфере Вены, которая определяет стиль жизни его обитателей, читатель не найдет в его новеллах прямого описания города, образ которого как бы проглядывает при изображении действий персонажей или сквозь флер их настроений, который вызывает то или иное место, а также угадывается в особенностях речепроизводства главных героев. Вместе с тем, образ города является в новеллах Шницлера важным художественным средством, обладающим большим стилистическим функционалом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Ritz S. Der Österreich-Begriff in Schnitzlers Schaffen. – Wien, 2006. – 276 S.

Schnitzler A. Leutnant Gustl // Arthur Schnitzler. Der blinde Geronimo und sein Bruder. Erzählungen 1900-1907. – Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 2001. – 223 S.

Schnitzler A. Die Toten schweigen // Arthur Schnitzler: Gesammelte Werke. Die erzählenden Schriften, 2 Bände, Band 1. – Frankfurt a.M., 1961 [Electronic resource]. URL: <http://www.zeno.org>

Кузина Ю.В.

Екатеринбург, Россия

**ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ТИПАЖ
КАК ЭЛЕМЕНТ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО
ПРОИЗВЕДЕНИЯ**

Аннотация. Рассматриваются возможности дефиниционного анализа лексем при исследовании художественного текста на предмет выявления в нём лингвокультурных типажей, конкретизированных в персонажах произведения.

Ключевые слова: концепт, лингвокультурологический подход, лингвокультурный типаж, лексема, дефиниционный анализ

Сведения об авторе: Кузина Юлия Викторовна, ассистент кафедры английского языка.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет.

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26, к. 379.

e-mail: kuzina85@mail.ru.

Kuzina Y.V.

Ekaterinburg, Russia

**LINGVOCULTURAL TYPE AS AN
ELEMENT OF FICTION**

Abstract. We discuss application of the lexemes' definition analysis concerning elicitation of the lingvocultural types personalized in the fiction characters.

Keywords: the concept, lingvocultural approach, lingvocultural type, lexeme, definition analysis

About the Author: Kuzina Yulia Viktorovna, assistant of the Chair of the English Language.

Place of employment: Ural State Pedagogical University.

Когнитивная лингвистика в рамках лингвистического подхода предложила новый взгляд на природу языка и текста. Ключевым понятием когнитивной лингвистики является концепт – глобальная единица мыслительной деятельности, единица сознания [Попова, Стернин 2007: 19].

Термин «концепт» является сложным, многомерным научным феноменом и потому не имеет однозначного определения на современном этапе развития науки о языке и исследуется в рамках двух основных направлений в изучении концепта — это когнитивный и лингвокультурологический подходы. В связи с этим В. И. Карасиком и Г. Г. Слышкиным было предложено разделять понятия «когнитивный концепт» и «лингвокультурный концепт» [Карасик, Слышкин 2001: 75].

В соответствии с целями нашего научного исследования, считаем необходимым сконцентрировать внимание на концепте как объекте исследования лингвокультурологии. Представителями данного направления являются такие ученые как Ю. С. Степанов, Н. Д. Арутюнова, В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин. Концепт в этом направлении рассматривается и анализируется как единица культуры, а вся культура понимается как совокупность концептов и отношений между ними. Учёные – представители лингвокультурологического направления особо подчёркивают наличие в структуре лингвокультурного концепта ценностной составляющей, поскольку культура детерминирует концепт, а в основе культуры лежит именно ценностный принцип [Карасик 2002: 35]. Следует отметить, что внимание представителей лингвокультурологического направления сосредоточено на культурно-исторической значимости концепта.

В. И. Карасик и Г. Г. Слышкин определяют лингвокультурный концепт следующим образом [Карасик, Слышкин 2001: 76]:

- Лингвокультурный концепт — условная ментальная единица, направленная на комплексное изучение языка, сознания и культуры.

Лингвокультурный концепт соотносится с тремя названными сферами:

- 1) сознание – область пребывания концепта (концепт лежит в сознании, индивидуальном или коллективном);

- 2) культура детерминирует концепт (т.е. концепт — ментальная проекция элементов культуры);

- 3) язык и/или речь — сферы, в которых концепт опредмечивается.

При изучении концепта учёные считают принципиальными следующие положения [Там же, 77]:

- Лингвокультурный концепт, в отличие от других ментальных единиц, всегда имеет своим центром ценностно-акцентуированную точку сознания, от которой расходятся ассоциативные векторы

- Лингвокультурный концепт многомерен

- «Вход в концепт» может осуществляться при помощи языковых единиц различных уровней: морфем, лексем, фразеологизмов, свободных словосочетаний, предложений

- В исследовании лингвокультурного концепта допустимо применение и лингвистических, и внелингвистических методов, что обусловлено междисциплинарностью лингвокультурологии

• Лингвокультурный концепт является ментальным образованием, поэтому любое лингвокультурологическое исследование есть одновременно и когнитивное исследование

В. И. Карасик выделяет в структуре концепта ценностный, понятийный и образный элементы [Карасик 2007: 30].

Концепты обладают национальной спецификой. Н. Д. Арутюнова полагает, что концепт формируется в результате взаимодействия национальных традиций и фольклора, религии и идеологии, жизненного опыта и образов искусства, ощущений и системы ценностей [Арутюнова 2005: 49]. По словам Ю. Д. Апресяна, свойственный языку способ концептуализации действительности отчасти универсален, отчасти национально специфичен, [Апресян 2006: 37]. С. Г. Воркачѳев считает, что концепт как единица коллективного знания отмечен этнокультурной спецификой [Воркачѳев 2001: 70]. Национальная специфика концептов проявляется в различиях между одноимѳенными концептами в разных национальных культурах, а также наличии уникальных концептов, свойственных только одной культуре.

Одной из разновидностей концепта является «лингвокультурный типаж».

Лингвокультурный типаж — это типизируемая личность, представитель определенной этносоциальной группы, узнаваемый по специфическим характеристикам вербального и невербального поведения и выводимой ценностной ориентации [Карасик, 2004: 49]. В исследовательском плане лингвокультурный типаж представляет собой концепт, содержанием которого является типизируемая личность. Соответственно, можно выделить образную, понятийную и ценностную сторону у концепта «лингвокультурный типаж N» [Карасик, 2002: 43]. Каждая лингвокультура имеет свой набор лингвокультурных типажей.

Лингвокультурный типаж может конкретизироваться как персонаж художественного произведения. Возможность персонажной конкретизации является важной характеристикой лингвокультурного типажа [Карасик 2007: 235]. Автор произведения формирует отношение к персонажу, обращая внимание читателя на те или иные факты, комментируя действия персонажа, приводя определенные описания и рассуждения. С помощью языка автор произведения воплощает лингвокультурный типаж в персонаже.

Исходя из вышесказанного, в тексте литературного произведения, в персонажах, созданных автором, через анализ использованных им языковых средств, можно выделить лингвокультурные типы, значимые для культуры, к которой принадлежит автор.

Проследим развитие лингвокультурных типов на материале сказочной повести «Удивительный волшебник страны Оз», которая принадлежит перу американского писателя Л. Ф. Баума.

Одним из типов, присущих американской лингвокультуре является лингвокультурный типаж *супермен*. Данному типу присущи следующие качества [Иная ментальность 2005: 57]:

- Нечеловеческая сила воли, полный контроль эмоций и поведения;
- особые достижения в проявлении силы, выносливости;
- демонстративный тип личности;
- человек действующий, а не созерцающий;
- вечная молодость.

Как упомянуто нами выше, В. И. Карасик и Г. Г. Слышкин указывают, что вход в концепт осуществляется через языковые единицы различных уровней, в частности, лексем. Исходной точкой нашего исследования по выявлению лингвокультурных типов в сказочной повести Л. Ф. Баума «Удивительный волшебник страны Оз» является дефиниционный анализ лексем, составляющих имена персонажей сказочной повести. В имени особенно ярко отражается сущность персонажа, ведь именно с имени он начинает своё существование в ткани литературного произведения и сознании читателя. Одним из принципиальных положений философии имени является то, что имя выражает сущность объекта [Веселова 1998: 30]. В отношении литературного персонажа данное утверждение особенно справедливо, так как в данном случае имя призвано соответствовать сущности, возникшей в воображении писателя. Ю.Н. Тынянов считает имя формальным признаком героя как единства [Тынянов 2010: 158].

По нашему мнению, персонажем, который соотносим с лингвокультурным типажом супермен является *The Tin Woodman*, или Железный дровосек в переводе и русскоязычной интерпретации повести. Для проведения дефиниционного анализа обратимся к словарям американского английского языка, где содержатся следующие толкования лексемы **tin**:

1. **tin** a soft white metal used for making cans, building materials, etc. [Longman Dictionary of American English]

2. **tin** a soft faintly bluish-white lustrous low-melting crystalline metallic element that is malleable and ductile at ordinary temperatures and that is used especially in containers, as a protective coating, in tinfoil, and in soft solders and alloys [Merriam Webster's Dictionary]

Интересен тот факт, что в словаре относительно этой лексемы имеется отсылка к таблице химических элементов Д. И. Менделеева, а в качестве синонима указан символ Sn, под которым в ней фигурирует химический элемент олово. Таким образом, мы приходим к выводу, что Железный дровосек, как его именуют в русском переводе С. Белова и литературной обработке А. М. Волкова, по авторской задумке является оловянным. Это умозаключение, в свою очередь, вызывает аналогию со сказкой Г.Х. Андерсена «Стойкий оловянный солдатик». Аналогия находит своё подтверждение в различных англоязычных переводах этой сказки. Например, *The Constant Tin Soldier* (tr. by C. Peachey), *The Steadfast Tin Soldier* (tr. by J. Hersholt), *The Hardy Tin Soldier* (tr. by H. W. Dulcen).

Таким образом, если в русскоязычных вариантах сказочной повести Железному дровосеку присущи такие качества супермена, как особые, нечеловеческие сила и выносливость (ср.: «железные мускулы»), то в оригинале этот персонаж вовсе таковым не является, поскольку олово металл мягкий, пластичный и легкоплавкий.

При рассмотрении второй лексемы, составляющей имя этого персонажа, находим следующее словарное толкование:

wood(s)man a person who frequents or works in the woods; *especially* : one skilled in woodcraft [Merriam Webster's Dictionary]

Особый интерес в свете нашего исследования вызывает этимология слова **wood**, а также его архаичные значения, приведённые в словарях:

wood (*archaic*) violently mad

Origin: Middle English, from Old English *wōd* insane; akin to Old High German *wuot* madness [Merriam Webster's Dictionary].

wood (*obsolete*)

wood (*archaic*) 1. wild, as with rage or excitement 2. mad; insane 3. raging or raving like a maniac [Dictionary.com].

Как известно, используемые в языке устойчивые единицы хранят в себе комплекс ассоциативных и семантических связей. О нали-

чии «отрицательного заряда», заключённого в данной лексеме, свидетельствуют следующие устойчивые единицы языка.

to be out of the woods 1. out of a dangerous, perplexing or difficult situation, secure, safe 2. no longer in precarious health or critical condition; out of danger and recovering [Dictionary.com]

babe in the woods an innocent or very naive person who is apt to be duped or victimized [Dictionary.com]

Как отмечает В.И. Карасик, супермену для проявления его качеств требуется экстремальная обстановка и зрители [Иная ментальность 2005: 59]. Неудивительно, что его появление всегда зрелищно. Те, кто сталкивался с различными репрезентациями данного образа (в художественных и анимационных фильмах, комиксах и т.д.), имели возможность заметить, что супермен, как правило, является публике в окружении светящегося ореола. Железный дровосек (the Tin Woodman), согласно тексту повести, впервые предстаёт перед читателем при подобных обстоятельствах:

...They turned and walked through the forest a few steps, when Dorothy discovered *something shining in a ray of sunshine* that fell between the trees.

...My body *shone so brightly in the sun* that I felt very proud of it and it did not matter now if my axe slipped, for it could not cut me.

Вновь обратившись к лексикографическим источникам, приведём толкования лексемы shine:

shine 1. to emit rays of light 2. to be bright by reflection of light 3. a) to be eminent, conspicuous, or distinguished b) to perform extremely well 4. to have a bright glowing appearance 5. to be conspicuously evident or clear [Merriam Webster's Dictionary].

Относительно рассматриваемого персонажа становится ясным, что, имея «блестящую» наружность, он, тем не менее, не излучает свет, что свойственно супермену, а светится отражённым светом.

Подобные детали более полно раскрывают грани образа персонажа, не отражённые в русскоязычных вариантах повести.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Иная ментальность / В.И. Карасик, О.Г. Прохвачева, Я.В. Зубкова, Э.В. Грабарова. – М.: Гнозис, 2005. – 352 с.

Апресян Ю.Д. Языковая картина мира и системная лексикография. – М.: Языки славянских культур, 2006. – 912 с.

- Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений (Оценка, событие, факт). – М.: Наука, 2005. – 338 с.
- Веселова Н.А. Имя в жизни и в литературе // Литературный текст: проблемы и методы исследования IV: сборник научных трудов. – Тверь: Тверской гос. ун-т, 1998. – С. 29-35.
- Воркачев С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // НДВШ. – 2001. – № 1. – С. 64-72.
- Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
- Карасик В.И. Коммуникативный типаж: аспекты изучения // Аксиологическая лингвистика: проблемы и перспективы. – Волгоград: Волгоградский университет, 2004. – С. 48-50.
- Карасик В.И. Языковые ключи. – Волгоград: Парадигма, 2007. – 520 с.
- Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: сб. науч. тр. / под ред. И.А.Стернина. – Воронеж: ВГУ, 2001. – С. 75-80.
- Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 314 с.
- Тынянов Ю.Н. Проблема стихотворного языка. – М.: КомКнига, 2010. – 176 с.
- Baum L.F. The Wonderful Wizard of Oz [Electronic resource]. URL: http://lib.aldebaran.ru/author/baum_l/baum_l_the_wonderful_wizard_of_oz/ (дата обращения 10.01.2013).
- Dictionary.com [Online]. – URL: <http://dictionary.reference.com/> (дата обращения 10.01.2013).
- Longman Dictionary of American English [Online]. – URL: <http://www.longmandictionariesusa.com/> (дата обращения 10.01.2013).
- Merriam Webster's Dictionary [Online]. – URL: <http://www.merriam-webster.com/> (дата обращения 10.01.2013).

УДК 821.112.2 (Мюллер Р)

Мальцева И. Г.

Екатеринбург, Россия

**ОТРАЖЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ПОЛЕМИКИ В ТЕКСТАХ
АВСТРИЙСКОГО
ЭКСПРЕССИОНИЗМА:
«ПОЛИТИКИ ДУХА» Р.
МЮЛЛЕРА**

Аннотация. Палитра противоречивых установок экспрессионистских писателей простирается от полного устранения от политики до активного вмешательства в нее. Пьеса Роберта Мюллера «Политики духа» (1917) дает ироническую типологию неудачных попыток синтеза политики и творческого духа.

Ключевые слова: австрийский экспрессионизм, Роберт Мюллер, «Политики духа», политика, творческий дух.

Сведения об авторе: Мальцева Инга Геннадьевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры немецкой филологии.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет.

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26, к. 464.

e-mail: inmalzeva@mail.ru.

Maltseva I. G.

Ekaterinburg, Russia

**THE REFLECTION OF
POLITICAL CONTROVERSY IN
THE TEXTS OF AUSTRIAN
EXPRESSIONISM: R. MULLER'S
"DIE POLITIKER DES GESTES"**

Abstract. The palette of conflicting guidelines the expressionistic writers had includes both the overall removal from politics and active interference in it. Robert Muller's play "Die Politiker des Geistes" (1917) gives the ironical typology of unsuccessful attempts to synthesize politics and creativeness.

Keywords: Austrian expressionism, Robert Muller, Die Politiker des Geistes, politics, creativeness.

About the Author: Maltseva Inga Genadyevna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Chair of German Philology.

Place of employment: Ural State Pedagogical University.

Многие литературоведы сходятся во мнении, что экспрессионизм как система окончательно сформировался именно на полемике по вопросу совместимости поэтического творчества и политики, фикциональной и нефикциональной реальности. Отношение экспрессионистских писателей к политике невозможно свести к однозначной формуле. Палитра противоречивых установок простирается от полного устранения от вмешательства в политические вопросы до политически активных «политиков духа».

Ранний Франц Верфель в сочинении «Искушение. Беседа поэта с

архангелом и Люцифером» (1913) понимает служение поэта как совершенно далекое от политики. Поэт, конечно, может «петь» о горе социально угнетенных, но он не может «бороться» против угнетения и не должен становиться «риторическим сторонником какой-либо партии» [Цит. по: Еукман: 169]. Страдание мира, в том числе и социально обусловленное, Ф. Верфель воспринимает как предписанное высшей силой, как «страдание вечности» [Там же]. В вышедшем в 1916 г. «Письме государственному деятелю» («Brief an einen Staatsmann») любую форму государственного правления Ф. Верфель понимает как «власть судьбы» («Schicksalsmacht») [Werfel 1992: 24]. По этой причине ему кажется самонадеянным, приписывать поэтическому слову силу, способную побудить к политическому действию. Одинокое, свободное от обязательств Я стоит для него выше Я социального. Как поэт он обращается к каждому по отдельности, как к существам вне любых социальных условий.

Как и Ф. Верфель многие экспрессионистские писатели видели непреодолимую пропасть между сферами власти и духа. Дух, которому служит поэт, по мнению Пауля Корнфельда, не должен подвергаться воздействию политики, так как политика по сути своей бездуховна [Ср. Еукман: 169]. Людвиг Рубинер также утверждал, что настоящие политики ничего не знают о духе и ничего не понимают в искусстве. Однако Рубинер разрабатывает идеальный образ духовного политика будущего, который ему представляется как «действующий Христос» [Цит. по: Еукман: 169], объединяющий в себе дух и власть.

Еще один шаг вперед в направлении более оптимистичного образа политического поэта делает Клабунд (Альфред Хеншке), изобразивший в своей китайской сказке «Поэт и император» («Der Dichter und der Kaiser») поэта-бунтовщика. Однако одновременно сказка наглядно изображает политическое бессилие поэта, вынужденного бежать на чужбину, чьи послания императору перехватывают советники правителя. В итоге ему остается только покорное отступление в «башню из слоновой кости» [Ср. Еукман: 170]. Сферы духа (искусства) и власти не могут соединиться друг с другом. Об этом же пишет и Карл Эйнштейн в своей «Безрезультатности нашего мастерства» («Ergebnislosigkeit unserer Artistik»), разграничивая пространство поэзии от пространства действия и политики.

Большую долю оптимизма в отношении практической деятельности духа и искусства демонстрирует Альфред Дёблин. Правда он

признает, то, что в человеческой жизни называют «обстоятельствами» или «положением вещей», меняется бесконечно медленно и внешне независимо от человеческой деятельности. Тем не менее, Дёблин приписывает духу силу побуждения и действия. По его мнению, нельзя забывать о том, что духовный человек «действует медленнее, пропитывая вещи и обстоятельства, как краска, или пронизывая их как воздух. Они не ускользают от него. Лишь происходит это у него слишком поспешно» [Цит. по: Еукман: 170]. Дёблин требует, чтобы культура не отказывалась от политики и не ограничивалась искусством и наукой. Писатель как человек духа уже сам по себе политичен, поэтому необходимость выбора между действием и духом оказывается неправильной. Нельзя разделять на отдельные сферы дух и власть, так напротив культивируется бездуховное государство.

Курт Пинтус, один из выдающихся представителей экспрессионизма, также определял дух как политическую сущность, избегая, однако, сближения с актуальной и партийной политикой. По его мнению, влияние духа должно быть направлено на индивида и его внутреннее политическое обновление. Последнее в последствии порождает новое, меняющее реальность действие.

Самым оптимистичным из всех политиков духа среди экспрессионистов можно назвать Курта Хиллера, мечтавшего о «логократии», «активизм» которого не признавал пропасти между духом и властью. Под его руководством 10 ноября 1917 г. в германском парламенте был образован союз активистов «Совет духовных рабочих» («Rat geistiger Arbeiter»), не получивший тем не менее какого-либо достойного упоминания политического влияния.

В данной политической полемике экспрессионизма на шкале пессимистических и оптимистических взглядов пьеса Роберта Мюллера «Политики духа. Семь ситуаций» («Die Politiker des Geistes. Sieben Situationen», 1917 г.) скорее стоит ближе к пессимистической позиции Верфеля, Корнфельда, Рубинера, Клабунда и Эйнштейна, хотя и с определенной оговоркой.

Помимо намерения представить действия персонажей как типологические олицетворения идей, Р. Мюллер развивает основную тему «Политиков»: связь индивидуализма и организации, духа и власти. Можно сказать, что автор дает ироническую типологию неудачных попыток синтеза политики и творческого духа. Некоторые из второстепенных персонажей пьесы в разных формах олицетворяют недос-

татки устремлений политизированных интеллектуалов духовной жизни современной ему Вены. Так, например, литератор (Мейер), не верящий в возможность организации духа, или социалист-партиец (Буцке и его «социально-реформистская» партия), сионист (Нухем Титтель), считающий, что организация людей духа возможна только тогда, когда есть «раса индивидуальностей», «когда люди духа станут народом» [Müller 1994: 33], художница (Шарлоте Клир) и промышленник (Джон Мерфи). Однако все эти фигуры, включая поверхностно-оптимистичного американского менеджера Мерфи, всего лишь фон, на котором вырисовывается странный главный персонаж Герхарда Вернера.

Персонаж Вернера задуман как прогрессивный тип современного западного человечества, о чем свидетельствует его мировоззренческая позиция, сформированная под влиянием Ницше, Бергсона и Хьюстона Стюарта Чемберлена. В списке персонажей он фигурирует скромно как «писатель». Из его прошлого читатели узнают, что он работал ковбоем и матросом. Буцке сообщает, что Вернер сначала следовал примеру Наполеона, а позднее в качестве образца для подражания выбрал образ Христа [Müller 1994: 28]. Идеал деятельного человечества у него сменяется одухотворенной страстью. Сам Вернер утверждает, что буржуазная форма существования уже изжила себя. И в пьесе он предстает в жизненной фазе, характеризующей его выход за пределы современного ему буржуазного общества или возвышение над ним.

В первой «ситуации» пьесы Вернер появляется как активный спортсмен (он выигрывает соревнование по гребле) и интеллектуал. Как человек духа он не хочет оставаться вдали от практической деятельности, в отличие от литератора Мейера, а хочет согласно «политике духа» [Müller 1994: 30] активно участвовать в текущих событиях. Вернер понимает себя как политический «экспрессионист» [Müller 1994: 31] и принимает участие в дебатах своих современников-экспрессионистов для прояснения отношений духа (искусства) и власти. Он выдвигает свою кандидатуру на политических выборах, выступает с предвыборными речами, у него даже есть менеджер (американец Мерфи, который снимает о нем фильм, рассчитывая на этом хорошо заработать).

Однако его политические цели остаются крайне расплывчатыми, они становятся более понятными скорее в отрицании, чем утверждении.

нии. Он хотел бы противопоставить «жизнь инстинктов жизни производства» («das Triebleben gegen das Betriebsleben») [Müller 1994: 30]. Эта игра слов (в немецком языке) подразумевает, что Вернер хочет сломать заострившиеся формы государства и общества не из социальных мотивов (как социал-реформатор Буцке), а исходя из иррациональной, в смысле Ницше, жизненной силы.

«В определенном смысле мы являемся политическими экспрессионистами, так как мы хотим поставить творческий произвол рядом с механизмом, иррациональное государство рядом с современным научным» («In gewissem Sinne sind wir politischen Expressionisten, weil wir die schöpferische Willkür neben den Mechanismus stellen wollen, den irrationalen Staat neben den modernen wissenschaftlichen») [Müller 1994: 31]. «Производству» («Betrieb») и «механизму» («Mechanismus») Вернер противопоставляет ориентированную на Ницше теорию эволюции с обусловленным временем расистским компонентом.

В эссе Роберта Мюллера «Власть. Психо-политические основы современной атлантической войны» («Macht. Psychopolitische Grundlagen des gegenwärtigen Atlantischen Krieges», 1915) уже многократно звучала мысль о более высоком развитии или культивировании человека. В рассматриваемой пьесе она также встречается очень часто. Уже в самом начале оперная певица Этель О'Брайен характеризует Вернера словами: «он чистых кровей» («...er hat Rasse») [Müller 1994: 9]. Сам Вернер заявляет «... старые расы формально и творчески подошли к концу» («... die alten Rassen formal und schöpferisch zu Ende gekommen sind»), необходимо создать «универсальную новую расовость» («eine universale neue Rassigkeit») [Müller 1994: 33]. На вопрос, как конкретно должно выглядеть грядущее и более высокое развитие этого (очевидно не связанного с какой-либо национальностью) человека, Вернер дает довольно ошеломляющий ответ, что импульс к возникновению нового человечества должен исходить из невропатологической лечебницы как места сбора всех ценных, изгнанных или вытесненных обществом человеческих сил:

«Zwei Jahre war ich in deinem Sanatorium gewesen. Es ist eine Zeit und ein Erlebnis, das ich nicht aus mir streichen würde. ich habe die Erkenntnis gehabt, wie tausende der bedeutesten Menschen hier außerhalb der menschlichen Gesellschaft brach liegen, deren Kräfte so gutes Leben wie der Alltag irgendeines tüchtigen Bürokraten sind. Die Ökonomie der Menschheit kann diese Typen nicht mehr entbehren; der irrationale, aber

höchst schöpferische Zug, der diesen Gebilden des übersteigerten Geistes anhaftet, wird jene Form bringen, die über das Technische hinaus die nächste Entwicklungsstufe darstellt» [Müller 1994: 51].

Иррациональное человечество более высокого уровня превзойдет техническую цивилизацию. Общество будет обязано своим будущим исцелением отверженным, которые как истинные сильные в смысле Ницше должны привнести в него не социальное, а вакханальное виталистическое обновление:

«Ich vertrete alle Outcasts; die Antipolitischen und die Asozialen; die Verwegenen und Vogelfreien; die Ökonomie der Gesellschaft darf auf diese, ihre Besten, nicht verzichten... aber man darf nicht stehen bleiben dabei, nach den Armen erhalten es (das gleiche Recht) alle Wahnsinnigen und Verstoßenen, alle Outcasts, alle diese Furchtbaren und Starken, die noch außerhalb der Bestimmungsrechte stehen. Wir wollen die Gesellschaft bis zur vollständigen Desorganisation organisieren, bis sie nur eine wilde Musik von Individualitäten geworden ist» [Müller 1994: 74-75].

Возникает вопрос, можно ли вообще понимать как «общество» в традиционном смысле эту «дикую музыку индивидуальностей» [Müller 1994: 75]. Ответ на этот вопрос был сформулирован Р. Мюллером еще в 1915 г. в эссе «Власть». Там в описании тенденций современной литературы звучит: «... социальное Я ничего не стоит, с тех пор как стремления устремлены к более высокому» («... das soziale Ich ist wertlos, seit man zum höheren strebt») [Müller 2011: 93]. Государство и общество в ходе подобного расплывчатого индивидуализма подчинятся величии отдельного индивида: «Всегда актуально: государство – это я. Каждый является таким королем Солнце» («Immer gilt: der Staat bin ich. Jeder ist ein solcher Sonnenkönig») [Müller 2011: 103]. Будущее общество является творением властных индивидов: «Совершенный человек империалистичен; он не стоит вне общества, но создал свое общество по своему подобию и нашел в нем свое место» («Der vollkommene Mensch ist imperialistisch; er steht nicht außerhalb der Gesellschaft; sondern hat seine Gesellschaft nach sich gebildet und seinen Platz in ihr gefunden») [Müller 2011: 126].

Таким и должно быть общество будущего, о котором мечтает Вернер. Сам он представляет себя (вновь в смысле Ницше, портрет которого висит в его кабинете рядом с портретом Гете) как превосходящий всех представитель «жизни». Несмотря на то, что он видит себя человеком духа, действует он, как и сам признается, «всегда следуя

инстинктам» («stets aus Trieb») [Müller 1994: 49]. Очарованная им художница-скульптор Лотте Клипп наивно высказывается: «... я думаю лишь, ты – сама жизнь» («... ich glaube nur, du bist das Leben») [Müller 1994: 45]. Вернер заявляет: «Моя политика духа – это дипломатия жизни, которую я вижу безнадежно одерживающей верх над всем оставшимся и закостеневшим человеческим» («Meine Politik des Geistes ist eine Diplomatie des Lebens, das ich rettungslos gegen alles Bleibende und Menschenfixe siegen sehe») [Müller 1994: 75]. Пьеса заканчивается словами Вернера «... у человека должна быть жизнь» («es muss einen das Leben haben») [Müller 1994: 81]. Жизнь здесь предстает как иррациональный, творческо-динамический принцип, который стоит за духовным, чувственным и социальным, охватывая и определяя эти сферы.

Тем не менее честолюбивые планы Вернера в пьесе застопорились и тривиально разбились о правила поведения, принятые в высшем обществе. Буцке, в попытке доказать свое право на свою подругу Лотте Клипп, при свидетелях бьет Вернера по лицу. Вернер, игнорируя его поведение, не защищается и своим умышленным нежеланием обороняться вызывает презрение в глазах «общества». Его кандидатура проваливается на выборах, его американский менеджер отворачивается от него. Несмотря на то, что он появляется на дуэли, организованной Буцке, он вновь отказывается сопротивляться (опускает пистолет). Выдвинутое «жизнью» требование, на основании «политики духа» вывести новое общество, тем самым оказывается бессильным. Хотя Вернер использует в качестве отговорки позицию восточно-мистической пассивности: «Мой путь чужд Востоку – мое мышление свершается» («Mein Weg geht gegen Osten – mein Denken geschieht.») [Müller 1994: 60], его образ в последней фазе пьесы достаточно сомнителен. Притязания жизненно-властного преобразователя угасают в отступлении в виталистическую башню из слоновой кости. Жизнь оказывается так высоко над повседневным опытом общества, что они совершенно не сочетаются: «Я занимаюсь политикой, чтобы не уделять ей внимания. Я никогда не смогу проявить себя в ее формах и действиях» («Ich politisiere, um die Politik zu vernachlässigen. Ich werde nie in ihren Formen und Aktionen zur Erscheinung kommen können») [Müller 1994: 63]. Гордо заявленная политика вскормленного могучей жизнью духа в итоге переходит в (неэффективную для социальной практики) позицию эстетического опыта. Виталистическая башня из слоновой

кости заменяет эстетическую: «Что еще предстоит? Читать книги, слушать музыку, созерцать картины, путешествовать по заснеженным горам, стоять на желтом утесе в зеленом море – туда меня уносит моя тоска» («Was steht noch bevor? Man list Bücher, hört Musik, sieht Bilder, wandert über Schneeberge, steht auf einer gelben Klippe im grünen Meer – danach trägt mich nun meine Sehnsucht») [Müller 1994: 77].

Пьеса оставляет открытым вопрос, был ли Вернер лишь опередившим свое время и потому обреченным на бессилие сверхчеловеком, задуманным тем не менее как образец для подражания, или же его создатель в конечном счете подтверждает пессимистический тезис тех экспрессионистов, что отвергали возможность объединения духа и власти.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Eykman Ch. Das Problem des politischen Dichters im Expressionismus und Robert Müllers „Die Politiker des Geistes“ // Expressionismus – Aktivismus – Exotismus: Studien zum literarischen Werk Robert Müllers (1887-1924). – Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1981. – S. 169-177.

Müller R. Macht // Gesammelte Essays. – Hamburg: IGEL Verlag Literatur & Wissenschaft, 2011. – 87-142 S.

Müller R. Die Politiker des Geistes: sieben Situationen. – Paderborn: Igel-Verl. Literatur, 1994. – 111 S.

Werfel F. Brief an einen Staatsmann // „Leben heißt, sich mitteilen“ Betrachtungen, Reden, Aphorismen. – Frankfurt/Main: Fischer, 1992. – 19-25 S.

УДК 811.111

Ваганова Т.П.

Екатеринбург, Россия

**ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ
ИНТЕРПРЕТАЦИЯ
АНГЛИЙСКИХ ПОСЛОВИЦ С
КОМПОНЕНТОМ DEATH НА
УРОКАХ АНГЛИЙСКОГО
ЯЗЫКА В ВУЗЕ**

Аннотация. В статье рассматривается роль лингвокультурологической компетенции при обучении иностранному языку в ВУЗе

Ключевые слова: лингвокультурологическая компетенция, пословицы, смерть, интерпретация

Сведения об авторе: Ваганова Татьяна Павловна, ассистент кафедры английской филологии и сопоставительного языкознания

Место работы: Уральский государственный педагогический университет.

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26, к. 386.

e-mail: vaganova.85@mail.ru

Vaganova T.P.

Yekaterinburg, Russia

**LINGVOCULTURAL
INTERPRETATION ENGLISH
PROVERBS WITH DEATH
COMPONENT AT ENGLISH
LESSONS IN HIGHER
EDUCATION INSTITUTION**

Abstract. The present article is devoted to research a role of lingvocultural competence in a foreign language training in higher education institution

Keywords: lingvocultural competence, proverbs, death, interpretation

About the Author: Vaganova Tatiana Pavlovna, Assistant of the Chair of English Philology and Comparative Linguistics.

Place of employment: Ural State Pedagogical University.

В соответствии с приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 20 мая 2010 г. № 544 выпускник ВУЗа должен обладать общекультурными компетенциями (ОК), среди них можно назвать «знание базовых ценностей мировой культуры и готовность опираться на них в своем личностном и общекультурном развитии» [Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования ... » 2010: 3]. Поэтому, в центре внимания современной методики обучения иностранному языку в ВУЗе стоит задача формирования взаимодействия языка, культуры и личности в процессе обучения, так как именно такой комплексный подход позволяет создать необходимые условия для обеспечения воз-

возможности студентам овладеть изучаемым языком достаточно хорошо, чтобы общаться с носителями языка.

Отражением антропоцентрической направленности современных лингвометодических исследований является лингвокультурология, возникшая на стыке лингвистики и культурологии и исследующая проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке [Маслова 2001: 28].

В современной теории преподавания иностранного языка все больший акцент делается на знания культуры, так как без знания культуры невозможен диалог между представителями разных национальностей и языков. Таким образом, обращение внимания к трем основополагающим факторам – язык, культура и личность, позволяет сформировать и совершенствовать «лингвокультурологическую компетенцию».

Под лингвокультурологической компетенцией понимается «знания идеальным говорящим – слушающим всей системы культурных ценностей, выраженных в языке» [Воркачев, 2001: 70]. Лингвокультурологическая компетенция представляет собой составную часть коммуникативной компетенции, которая является конечной целью обучения и преподавания иностранного языка и дает возможность глубже понять природу культурного смысла, закрепляемого за определенным языковым знаком. Поэтому важным условием формирования лингвокультурологической компетенции является применение дифференцированных, познавательных заданий с повторами, выполняющими в тексте лингвокультурологические функции. Только через осознанное овладение и мотивированное использование лингвокультурной компетенции в процессе коммуникации возможно участие будущего квалифицированного специалиста в «диалоге культур» как на бытовом уровне, так и на уровне профессионального общения. В рамках «диалога культур» рассматриваются особенности национального характера и этнического менталитета (набор специфических когнитивных, эмоциональных и поведенческих стереотипов нации). Язык выступает в роли инструмента и в языке находит отражение каждый этап развития народа и, овладевая иностранным языком, значениями слов, носитель языка вначале начинает видеть мир под углом зрения родного языка и только потом иностранного языка.

В пословицах проявляется мудрость и дух народа, поэтому их знание способствует пониманию образа мыслей и характера народа.

Также в пословицах отражен богатый исторический опыт народа, представления связанные с окружающим миром, бытом и культурой людей. Национально-культурные элементы в системе английского языка практически присутствуют на всех его уровнях, но наиболее ярко представлены в пословицах и поговорках. Пословица – краткое изречение, представляющее собой законченное предложение и выражающее какое-либо жизненное явление. Понимание и правильная интерпретация пословиц, а также их правильное оформление в повседневной речи считается одним из показателей владения уровнем языковой культуры.

Идеалы морали, отраженные в пословицах имеют огромное значение в формировании социально-исторических типов, как в реальной жизни, так и в культурном мышлении народа. В этом смысле пословицы являются своеобразным ключом к правильному восприятию характерных черт английского языка. Поэтому при изучении английского языка, английского образа жизни и характера, преподаватель должен непременно обращаться к пословицам и поговоркам как к ценнейшим образцам языка. Изучая английские пословицы, сравнивая их с русскими, мы получаем возможность существенно расширить знание английского языка у студентов, ознакомить их с обычаями и фактами истории Англии, и самое главное, приобщить студентов к общечеловеческим ценностям.

К сожалению, в вузовской программе по иностранному языку пословицам уделяется очень мало времени. Хотя такой интересный материал, может быть использован в любой сфере познавательной деятельности: в артикуляционной, при введении и речевой отработке новых лексических единиц, при рассмотрении грамматических явлений, а также во внеклассной работе по разным языковым темам.

В представленной статье рассматривается лингвокультурная составляющая интерпретации пословиц с компонентом death на уроках английского языка.

В процессе интерпретации происходит установление смысла речевых действий. Способ интерпретации напрямую зависит от гносеологического уровня ее проявления. Можно говорить о стихийной, обыденной интерпретации, которая находит отражение в речевой деятельности рядового носителя иностранного языка и о научной, герменевтической интерпретации. В данном случае, правомерно говорить об обыденной интерпретации понятия смерть в сознании англичан.

На учебном занятии, студентам предлагался не только подбор русских аналогов к пословицам и поговоркам с компонентом *death*, но и изучение исторического возникновения той или иной пословицы.

В ходе работы было использовано более 160 пословиц и поговорок и наиболее употребляемых устойчивых выражений. Собранный материал можно разделить на несколько тематических групп: описание человека; страх смерти; виды смерти; образ смерти и неизбежность смерти.

Англичане обычно упоминают части тела не только при обсуждении самочувствия, но и для обозначения каких-либо абстрактных, нефизических состояний – настроения, особенностей характера и т.п. Например, *dead from the neck up* – (букв. «мертвый выше шеи»). В данном случае, не следует бояться за жизнь человека, ему стоит посочувствовать, т.к. англичане так говорят об очень глупых людях.

Также стоит отметить пословицы, отражающие характерные черты и цвет лица, которые присущи человеку. Например, о худом, некрасивом человеке, англичане скажут, что краше в гроб кладут – *to look like a death's head* (букв. «выглядеть как голова смерти»), страшен как смертный грех – *be ugly as sin* (букв. «быть уродливым как грех»); выглядеть хуже смерти – *as worse as death* (хуже, чем смерть). О смертельно уставшем человеке, свидетельствует следующая пословица – *to be more dead than alive* (букв. «быть больше мертвым нежели живым»). О надоедливом и скучном человеке, англичане скажут – *to cling / hang on like grim death* (букв. «впитаться подобно страшной смерти»).

Как уже было сказано, в пословицах и поговорках можно обнаружить историческую составляющую. Так, в былые времена, в эпоху великих исторических перемен в Англии жизнь ценили саму по себе. Отдать жизнь во имя благородной цели, идеи считалось долгом каждого достойного члена общества, например *better a glorious death than a shameful life* – (букв. «лучше славная смерть, чем позорная жизнь») и *to die a hero's death* – (букв. «умереть смертью героя»). Напротив героической смерти может выступать насильственная смерть: *to die a violent death* – (букв. «умереть насильственной смертью»); естественная: *to die a natural death* – (букв. умереть естественной смертью).

По словам В. И. Стрелкова, «судьба и смерть, взаимосвязанные категории. Они могут сливаться до отождествления, а могут расколоться, образуя в жизни сознания противоположные полюса» [Стрелков 1994: 34]. Обе рассматриваемые категории сосуществуют в куль-

турном поле. В самой культуре трансцендентность смерти воспринимается как ее неизживаемая загадочность, как ускользающая сверхразумность.

Оставаясь «внутри» культуры, смерть может быть отождествлена с судьбой. В смерти олицетворяется предел ее автоматичности, ибо в известном смысле смерть есть самое неизбежное, что только возможно для человека. Смерть аккумулирует судьбу, что делает возможным определять первую в пространстве культуры как судьбу. Бытие к смерти может быть понято как путь к судьбе. В английском языке, смерть и судьба сближаются: *to go to one's fate* – (букв. «идти навстречу своей гибели»), *to seal sb's fate* – (букв. «роковым образом решить чью-либо судьбу»), *to meet one's fate* – (букв. «погибнуть»). О некой тождественности этих категорий свидетельствуют следующие синонимические фразеологические сравнения типа – *as sure as death* – (букв. «так же верно, как и сама смерть») и *as sure as a fate* – (букв. «так же верно, как и сама судьба»). Слово *fate* своим значением означает, что следует ожидать чего-то плохого, чем хорошего, сравнивая судьбу со смертью, например: *a fate worse than death* – (букв. «судьба хуже смерти»). в целом человеческая жизнь скорее непредсказуемая, чем бессмысленна: *as fickle as a fortune* – (букв. «непостоянный как фортуна») или трагичная, неизменно ведущая к смерти.

Состояние смерти возможно через сопоставление с образами – существами, объектами, людьми, некогда обитавших на Земле. Например: *dead as a dodo* (Додо – птица, вымершая к середине 17 века), *as dead as Julius Caesar*. Смерть представляется как некое существо, контактирующее с высшими силами зла и обитающее в ином, загробном мире.

Несмотря на понимание и осознание неизбежности конца жизни и смирение с ним, люди боятся смерти. Страх смерти обусловлен, прежде всего, двумя факторами. Во-первых, конец жизни по своей сути необратимое явление. Смерть не дает человеку возможности вернуться в жизнь, по-настоящему наслаждаться ею, начать все заново, исправить ошибки. Процесс гибели страшен тем, что необратим. Перед лицом смерти, человек испытывает страх: *death meets us everywhere* – (букв. «смерть ждет повсюду»), у смерти нет календаря – *death keeps no calendar* – (букв. «у смерти нет календаря»). Современное развитие медицины показывает, что существуют лекарства от всех болезней, но от смерти нет: *there is remedy for all things but death* – (букв.

«есть лекарство от всех болезней, кроме смерти»). Эпидемия чумы, охватившая в середине XIV века Европу, в том числе и Англию, носит название Black Death, что в переводе означает «Черная Смерть». В английской лингвокультурной картине мира черный цвет играет важную роль. В них нашла отражение и реальная и культурная картина англоязычного мира. Черный цвет представляет определенное физическое явление реального мира. Например: a black dress, черное платье ассоциируется с трауром. Для английского языка также характерно традиционное соотношение черного цвета с чем-то плохим, например: black armband – черная нарукавная повязка, black mail – шантаж.

Таким образом, знание и правильная интерпретация пословиц и поговорок, позволяет студентам расширить словарный запас языка, помогает правильно употреблять их в разговорной речи, и наконец, служит одним из механизмов формирования лингвокультурологической компетенции.

Изучение культуры изучаемого языка, истории, реалий и традиций способствует воспитанию положительного отношения к иностранному языку, культуре народа-носителя данного языка. Происходит сравнение элементов культуры и быта родной страны и стран изучаемого языка, формируется понятие о роли языка как элемента культуры народа и о потребности пользоваться им как средством общения [Халупо 2011: 154].

В процессе общения происходит усвоение культурологических знаний и формирование способности понимать ментальность носителей другого языка. Современная жизнь все больше диктует условия, при которых важной частью нашей жизни становится не только накопление знаний, но и развитие определенных компетенций, которые помогут сориентироваться в огромном потоке и определить правильные решения, адекватно реагировать на жизненные ситуации. Поэтому необходимо готовить студентов усваивать такие умения, которые позволят ему социализироваться и адаптироваться к реалиям нашего времени.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Воркачев С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. – 2001. – №1. – С. 64-72.1.

- Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь: в 2 т. – 3-е изд., испр. – Т 2. – М.: Советская энциклопедия, 1967 – С. 738-1264.
- Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь: в 2 т. – 3-е изд., испр. – Т 1. – М.: Советская энциклопедия, 1967 – С. 1-738.
- Маслова В. А. Лингвокультурология: уч. пособие для вузов. – М.: Академия, 2001. – 208 с.
- Словарь употребительных английских пословиц. 367 статей / М. В. Буковская, С. И. Вяльцева, З. И. Дубянская [и др.]. – 2-е изд. – М.: Рус. яз., 1988. – 240 с.
- Стрелков В. И. Смерть и судьба // Понятие судьбы в контексте разных культур. – 1994. – С. 34-37.
- Халупо О. И. Языковая культура и лингвокультурная компетенция // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – №3. – С. 156.
- Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 050706.65 – «Педагогика и психология». – М., 2010. – 20 с.
- Macmillan English Dictionary for advanced learners – 2 ed. – Oxford, 2007. – 1748 p.

Гиниатуллин И.А.

Екатеринбург, Россия

**САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ РАБОТА
В ОБУЧЕНИИ
ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ КАК
СПЕЦИАЛЬНОСТИ**

Аннотация. В статье определяется понятие «самостоятельная работа», описываются виды самостоятельной работы в обучении иностранному языку как специальности.

Ключевые слова: *самостоятельная работа, виды самостоятельной работы, обучение иностранному языку как специальности.*

Сведения об авторе: Гиниатуллин Игорь Ахмедович, кандидат педагогических наук, профессор кафедры немецкого языка и методики его преподавания.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет.

Контактная информация: 620017, г.

Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26, к. 462.

e-mail: profgin123@yahoo.com

Giniatullin I.A.

Ekaterinburg, Russia

**INDEPENDENT WORK ON
TRAINING TO FOREIGN
LANGUAGE AS SPECIALITIES**

Abstract. In article the concept « independent work » is defined, types of independent work on training to foreign language as specialities are described.

Keywords: *Independent work, types of independent work, training to foreign language as specialities.*

About the Author: Giniatullin Igor Akhmedovich, Candidate of Pedagogy, Professor of the Chair of the German Language and Methods of the German Language Teaching.

Place of employment: Ural State Pedagogical University.

В педагогической литературе на протяжении ряда лет отмечается отсутствие единства в толковании понятия «самостоятельная работа» (см., напр., соответствующие аналитические обзоры: Гиниатуллин, 1990; Кузьмина, 2011; Морозова, 2006). Не углубляясь в понятийную дискуссию, мы будем исходить из следующего понимания самостоятельной работы, которое не противоречит отражению её сущности в литературе: *самостоятельная работа – это разновидность учебной деятельности, осуществляемая в различных формах без непосредственного участия преподавателей, предполагающая нарастание автономности обучающихся в управлении деятельностью и направленная на достижение основных целей обучения и подготовку к самообразованию.* При этом «нарастание автономности обучающихся» имеет в виду повышение их познавательной самостоятельности как способно-

сти к эффективному управлению своей учебной работой на базе имеющейся и развивающейся собственной мотивации, планирования, реализации деятельности, её контроля и коррекции, что вовсе не исключает взаимодействия такого управления с «внешним» управлением по принципу «Редуцирующееся педагогическое управление развивающимся самоуправлением», как и не исключает, а даже предполагает взаимодействие между самими обучающимися.

Значимость самостоятельной работы для обучения иностранному языку невозможно переоценить, так как из-за большого удельного веса в содержании обучения языковых навыков и речевых умений успешность учения прямо зависит от активности обучающегося и объёма его относительно правильной и совершенствующейся языковой практики, который объективно не может быть обеспечен без значительного объёма самостоятельной работы. При всей сложности процессов усвоения неродного языка сохраняется действие простого принципиального правила: *«Мой уровень в говорении, аудировании, чтении и т.д. на иностранном языке будет определяться, прежде всего, тем, сколько часов, дней и т.д. за весь курс обучения я – всё более правильно - «наговорю», «нааудирую», «начитаю» и т. д. на этом языке»*. К сожалению, у довольно большого числа студентов даже в профессиональном языковом образовании не сформирована в достаточной мере осознанная и действенная субъектная позиция, соответствующая данному правилу, следствием чего является фактически отсутствующая или неполная готовность быть в повседневной учебной практике инициативным и ответственным субъектом образовательного процесса. Одна из причин такого положения заключается в том, что в методике языкового образования, объективно требующей развития обеих взаимосвязанных методик – *методики преподавания и методики учения* – до сих пор абсолютно доминирует первая. Для развития второй ветви методики необходимо, среди прочего, повышение методической функциональной грамотности студентов применительно к их учебной деятельности, в том числе и к самостоятельной работе. А это означает необходимость разработки и введения в содержание обучения на всех его уровнях *аутометодической* составляющей как инструментально-информационной основы самостоятельной учебной деятельности.

Если кратко обобщать на основе наблюдений и имеющихся публикаций основные дефициты методической действительности, связан-

ные с самостоятельной работой в профессиональном языковом образовании, то к ним следовало бы, вероятно, в первую очередь отнести:

- недостаточный общий удельный вес самостоятельной работы в образовательном процессе и отсутствие его должной динамики на старших этапах обучения;

- недостаточную разработанность методики преподавания и учения в части самостоятельной работы как *подсистемы* общей системы обучения;

- недостаточную направленность самостоятельной работы на подготовку к поствузовскому профессиональному языковому самообразованию.

Для системного структурирования самостоятельной работы с ориентиром на подготовку к самообразованию важно определить её общие виды, организационный потенциал которых позволял бы наполнять их всё более сложным предметным содержанием и обеспечивал бы для студентов опыт развивающегося методического самоуправления за счет увеличения продолжительности самостоятельной работы, общего объёма и комплексности содержания, приближения условий выполнения к условиям будущей профессиональной деятельности.

С учётом сказанного и опираясь на опыт кафедр Института иностранных языков Уральского государственного педагогического университета и негосударственного Института международных связей (г. Екатеринбург), можно предложить следующую рабочую классификацию основных видов самостоятельной работы для студентов, изучающих иностранный язык как специальность:

1. Кратковременная самостоятельная работа, ориентированная на сравнительно небольшой объём и малую отсроченность контроля:

1.1. Самостоятельное выполнение отдельных заданий/упражнений в аудитории.

1.2. Выполнение домашних заданий по подготовке к текущим занятиям.

1.3. Выполнение лабораторных работ по практическому курсу иностранного языка в лингафонном/компьютерном кабинете на специальных занятиях/после занятий или дома по электронным копиям.

Контроль такой самостоятельной работы осуществляется на том же или следующем аудиторном занятии. Обучение студентов в необ-

ходимых случаях способам оптимального выполнения некоторых заданий проводится через решение аутометодических задач (актуализация методического аспекта задания, определение способа действия, пробное выполнение действия, рефлексия конечного выполнения задания).

Примером весьма эффективного задания разновидности 1.1 может служить речевое задание на краткое итоговое обобщение с собственным комментарием: после фронтально-групповой обработки запланированного сегмента речевой темы (какого-либо текста, проблемы и т.п.) студенты должны в парах (в обычной аудитории) либо индивидуально в кабинках (в лингафонном кабинете) обобщить и прокомментировать сделанные высказывания. Такая регулярная параллельная работа на основе предшествующего образца (фронтальная работа) - но с модификацией задания - позволяет значительно увеличить индивидуальное время говорения на одном занятии. Контроль имеет «скользящий» характер: преподаватель время от времени подходит к отдельным парам студентов или подключается к разным кабинкам.

Не потеряли своей актуальности и классические тренировочные фонетические, грамматические и лексические упражнения в аудиозаписи, построенные по схеме: *общее задание* (напр., «Повторите в паузу высказывание как можно ближе к произношению диктора!», «Ответьте на вопрос, употребляя.....!») и т.п.) – *конкретный речевой стимул* (высказывание, вопрос и т.п.) -- *пауза для выполнения задания* – *правильное решение, произносимое диктором* – *пауза для правильного повторения студентом* – *следующий речевой стимул и т.д.* Подобные упражнения для самостоятельной работы позволяют вынести значительную часть необходимой но рутинной языковой тренировки за пределы аудиторных занятий и могут разрабатываться каждой кафедрой для конкретного языкового материала своих образовательных программ.

Разумеется, для студентов интересны и полезны также компьютерные интерактивные обучающие программы, но их разработка доступна только специалистам, а на рынке нелегко найти программы, адекватные по материалу конкретной учебной потребности языковой кафедры.

2. Перспективная самостоятельная работа большего объема и с большей отсроченностью контроля.

2.1. *Регулярные групповые семестровые/полусеместровые рече-*

вые практикумы, управляемые специальными занятиями КСР (контроля самостоятельной работы):

2.1.1. Практикумы самостоятельного чтения, в том числе:

- практикум самостоятельного чтения художественных текстов,
- практикум самостоятельного чтения прессы и публицистики,
- практикум самостоятельного чтения профессионально-ориентированных текстов.

2.1.2. Практикум самостоятельного аудирования.

2.1.3. Практикум межкультурного сопоставления определённых феноменов в жизни своей страны и страны изучаемого языка (в соответствии с познавательными интересами студентов, с применением современных средств коммуникации и включением возможных зарубежных контактов), в начале практикума совместно со студентами создаётся программа сопоставительной работы.

Регулярные речевые практикумы проводятся на основе комплексных заданий, которые устанавливают объём, конкретное содержание и требования к результатам самостоятельной работы. При этом материал практикумов целесообразно дифференцировать. Например, для практикумов по чтению и аудированию могут использоваться частично единые тексты, а частично они могут выбираться студентами из рекомендованного списка или свободно.

Проверка результатов выполнения комплексных заданий каждого практикума проводится 2-3 раза в семестр на занятиях КСР по специальному графику на уровне группы, половины группы или индивидуально. Перед началом практикума проводится вводное занятие с постановкой комплексного задания и методическими рекомендациями. В конце студентам предлагается обменяться опытом аутометодической рефлексии, мнениями о возникающих проблемах и рациональных приемах работы.

Оценки практикумов учитываются при выставлении семестровых оценок по иностранному языку.

2.2. Индивидуальный семестровый практикум совершенствования отдельных аспектов речи (выявление и преодоление типичных индивидуальных ошибок и проблем в иноязычной речи): выделение студентом (при поддержке преподавателей) конкретных приоритетных задач на семестр, определение стратегии работы, контроль и помощь на индивидуальных консультациях, учёт при выставлении семестровой оценки или зачёта.

2.3. *Проектная самостоятельная работа по реализации групповых или индивидуальных проектов разной продолжительности в пределах семестра*, как правило, с использованием интернет-ресурсов, с консультационным сопровождением и итоговым контролем в форме презентации и оценки проектного продукта;

2.4. *Самообразовательные практикумы в течение каникул, педагогических/переводческих практик, зарубежных стажировок или поездок*: на основе анализа собственной языковой ситуации, актуальных интересов, конкретных потребностей производственной практики или особенностей зарубежной поездки обучающийся составляет, консультируясь с преподавателем, план языковой самообразовательной работы, о выполнении которого докладывается на курсовой студенческой конференции при подведении итогов самообразовательного периода.

2.5. *Междисциплинарная самостоятельная работа по информационному обеспечению учебных и внеаудиторных мероприятий по неязыковым дисциплинам общекультурного или профессионального блоков с использованием источников на иностранном языке (организация работы на межкафедральном уровне, консультации со стороны языковых кафедр, контроль через мероприятия, проводимые неязыковыми кафедрами).*

Перечень обязательных видов перспективной самостоятельной работы устанавливается кафедрами на каждый семестр, результаты контроля желательно фиксировать в специальных «Книжках учёта самостоятельной работы», а перед окончанием вуза выпускник должен быть в состоянии на основе самоанализа обоснованно сформулировать конкретные задачи для первого этапа своего профессионального языкового послевузовского самообразования.

Принципиально важной чертой самостоятельной работы и формирования лингвопознавательной компетентности является соединение усложняющихся языковых и речевых действий на иностранном языке с аутометодическими действиями, регулирующими процесс языкового самосовершенствования с учётом специфики конкретных объектов последнего. Такое взаимопроникновение мы называем *аутометодическим профилированием* предметных действий, предполагающим оценку/самооценку исходного состояния действий с данным предметным объектом, частичную самомотивацию, развитие самостоятельного планирования, реализации, самоконтроля и самокоррекции действий совершенствования предметного объекта.

К числу типичных предметных объектов самостоятельной работы лингвиста на старшем этапе обучения по опыту работы можно отнести:

- преодоление/минимизацию (ещё имеющихся) индивидуальных «антимотивов» иноязычной речи с повышением общей речевой активности и с расширением освоенного субъектного коммуникативно-речевого поля в различных видах речевой деятельности (в том числе и за пределами учебных занятий как с соотечественниками, так и с носителями языка, включая общение с помощью современных коммуникационных средств);

- совершенствование сложных разновидностей говорения, письма, аудирования, чтения, перевода (напр., речь в интеллектуально или психологически осложнённых условиях, понимание сложных аутентичных текстов, совершенствование риторического аспекта речи, развитие умений «скорочтения» и др.);

- расширение, углубление, систематизацию иноязычной монокультурной и межкультурной языковой и разнообразной когнитивно-предметной информации, связанной со странами изучаемого языка, а также развитие соответствующих межкультурных навыков и умений, включая собственно информационные, аналитические, речевые и поведенческие.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Гиниатуллин И.А. Самостоятельная учебная деятельность по овладению иностранным языком на специальном факультете. – Свердловск: Свердловский гос. пед. ин-т, 1990. – 96 с.

Кузьмина Ю.О. Формирование иноязычной компетентности будущих педагогов средствами самостоятельной работы: автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Ульяновск: Ульяновский гос. ун-т, 2011.

Морозова Н.А. Роль информационно-технологической компетентности в продуктивности самостоятельной работы современного студента // Компетентность и проблемы её формирования в системе непрерывного образования (школа – вуз – послевузовское образование) / науч. ред. проф. И.А.Зимняя: Материалы 16 научно-методической конференции «Актуальные проблемы качества образования и пути их решения». – М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов. – 2006. – С. 41-52.

Казакова О.П.

Екатеринбург, Россия

**ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ
МАГИСТЕРСКИХ ПРОГРАММ В
ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ВУЗЕ**

Аннотация. В статье проанализирован опыт работы в магистратуре педагогического вуза и выделены факторы, затрудняющие реализации магистерских программ. Автор предлагает пути минимизации содержания обучения иностранному языку с учетом принципа функциональности.

Ключевые слова: *иностраннный язык, отбор содержания, минимизация содержания обучения.*

Сведения об авторе: Казакова Ольга Павловна, кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет.

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26, к. 481

e-mail: olgakasakova@yandex.ru

Kazakova O.P.

Ekaterinburg, Russia

**PROBLEMS OF REALIZATION OF
MASTER PROGRAMS IN
PEDAGOGICAL HIGH SCHOOLS**

Abstract. The article analysis experiences of work in master programs in a pedagogical high school and deals with the factors, which disturb realization of these programs. The author suggests the ways of minimization of foreign language content by considering of principle of functionality.

Keywords: *foreign language, selection of content, minimization of content*

About the Author: Kazakova Olga Pavlovna, Candidate of Pedagogic, Associate Professor of the Chair of Foreign Languages, head of the Chair of foreign languages.

Place of employment: Ural State Pedagogical University.

Реализация федеральных государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования потребовала пересмотра содержания обучения всем дисциплинам. Значительные изменения коснулись и изучения иностранного языка, которое осуществляется в рамках комплекса дисциплин: «Иностраннный язык», «Иностраннный язык в профессиональной сфере» в бакалавриате и «Деловой иностраннный язык» или «Иностраннный язык» в магистратуре.

Особую сложность представляет собой содержательное наполнение магистерских программ, поскольку данный вид обучения в педагогическом вузе довольно нов, и разрабатываемые программы носят скорее гипотетический характер и не могут являться результатом анализа опыта работы по причине отсутствия такового. Рабочие учебные программы разрабатываются с учетом требований образовательного стандарта и учебных планов магистерских программ. Несомненно,

подготовка магистрантов должна максимально учитывать специфику их профессиональной деятельности, однако та же направленность следует и из названия дисциплины «ИЯ в профессиональной сфере» уровня бакалавриата. Очевидно, что построение учебного процесса только с опорой на тексты и ситуации профессиональной тематики не позволяет в должной мере дифференцировать уровни высшего образования.

Кроме того, при реализации гипотетически составленных программ вузы столкнулись с трудностью осуществления запланированного, что в первую очередь связано с неподготовленностью контингента. Уже на первых занятиях выяснилось, что магистранты не могут усвоить предлагаемый материал, при этом как по причине недостаточного уровня владения ИЯ (порой и его отсутствием), так и по психологическим причинам. В настоящее время абсолютное большинство магистрантов вуза составляют кадры, средний возраст которых 35-40 лет, не имеющие языковой практики более 20-25 лет. Уровень владения иностранным языком в большинстве случаев стремится к нулю, и перед тем, как начинать изучение делового иностранного языка, преподаватель вынужден повторять правила чтения и основы грамматической структуры предложения.

В магистратуру педагогического вуза приходят специалисты, достигшие высокого уровня профессионализма в своей сфере, зачастую занимающие руководящие посты в школах и детских садах, тем сложнее им ощущать себя «нулевиком» на занятиях по иностранному языку. Свой отпечаток, несомненно, оставило и традиционное обучение языкам в школе и вузе, «благодаря» которому у абсолютного большинства осталось чувство страха перед столь сложным предметом и ощущение невозможности выучить его.

Преподаватели в сложившихся условиях в первую очередь должны решить эту психологическую проблему, помочь преодолеть барьер и продемонстрировать возможности применения иностранного языка даже на уровне профессиональной деятельности.

Таким образом, перед кафедрами, реализующими магистерские программы, встает задача минимизации языкового и речевого материала, достаточного для решения наиболее типичных профессиональных задач на элементарном уровне.

В результате анализа ФГОС ВПО по направлению подготовки «050100 Педагогическое образование (квалификация (степень) «ма-

гистр» нами были отобраны те компетенции, формирование и развитие которых возможно в рамках обучению иностранному языку. Согласно данному стандарту дисциплина называется «ДЕЛОВОЙ ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК», и процесс ее изучения направлен на формирование следующих компетенций:

-общекультурные компетенции (ОК):

- способность формировать ресурсно-информационные базы для решения профессиональных задач (ОК-4);
- готовность работать с текстами профессиональной направленности на иностранном языке (ОК-6);

-профессиональные компетенции (ПК):

в области методической деятельности:

- готовность к систематизации, обобщению и распространению методического опыта (отечественного и зарубежного) в профессиональной области (ПК-9);

в области культурно-просветительской деятельности:

- способность разрабатывать и реализовывать просветительские программы в целях популяризации научных знаний и культурных традиций (ПК-19);

В результате изучения дисциплины согласно разработанной рабочей учебной программы магистрант должен:

Знать:

- специфические особенности делового, научного стиля изучаемого языка;
- иноязычные лексико-грамматические структуры, свойственные деловому, научному стилю устной и письменной речи;
- научную терминологию педагогической направленности.

Уметь:

- контекстно применять научную и официально-деловую терминологию в иноязычной устной и письменной речи;
- вести деловую корреспонденцию на иностранном языке, правильно ее оформлять в языковом отношении;
- работать с аутентичными текстами, отражающими зарубежный опыт в профессиональной сфере;
- составлять краткие научные сообщения, тезисы докладов, аннотации, статьи на иностранном языке;
- выступать с научными сообщениями на иностранном языке;

- выстраивать и реализовывать стратегию самообразовательной деятельности по изучению иностранного языка.

Владеть:

- основными видами устной и письменной коммуникации в сферах делового, научного общения;
- основами публичной речи и презентации результатов исследований на иностранном языке;
- технологиями формирования ресурсно-информационных баз на иностранном языке для решения профессиональных задач
- основными приемами аннотирования, реферирования, адекватного перевода психолого-педагогической литературы;
- способами пополнения профессиональных знаний на основе использования оригинальных источников на иностранном языке, в том числе электронных, из разных областей общей и профессиональной культуры.

Опыт работы первых двух лет показал, что поставленные цели оказались завышенными для 80% магистрантов. Важным положением нового стандарта является возможность определения конкретных видов деятельности подготовки магистранта самим вузом совместно с обучающимися. Многие из них хотели бы освежить /получить знания применения языка в бытовой сфере, получить практику устного общения, однако такие пожелания идут в разрез с требованиями стандарта. В результате ознакомления со стандартом на основе высказанных пожеланий мы определили наиболее востребованные умения профессиональной деятельности магистрантов педагогического вуза, которые должны составить содержательную основу обучения:

- умения работы с терминологическим словарем для перевода ключевых слов к научной статье и определения главной идеи текста по специальности;
- умения составления аннотации на ИЯ к научной статье с учетом языковых клише данного типа текста;
- монологические / диалогические умения самопрезентации;
- умения заполнения анкеты (заявка на участие в конференции, анкета при поселении в гостинице, табельная форма резюме);
- умения составления информационной базы иноязычных сайтов по определенной проблеме;

- умения адекватного перевода, в т.ч. с использованием электронных переводчиков;
- умения презентации результатов исследования / творческого проекта.

Реализация выделенных направлений работы отражает требования стандарта подготовки магистрантов к осуществлению научной деятельности и возможна даже в рамках заочного обучения, но при условии изучения дисциплины минимум на двух сессиях, что позволит дать магистрантам алгоритм работы с возможностью его отработки в межсессионный период.

Такая минимизация содержания обучения в первую очередь ориентируется на соблюдение принципа функциональности, когда каждому обучающемуся понятна цель овладеваемого умения, соотносимая с его деятельностью, что в свою очередь мотивирует его на полноценное овладение данным умением.

На наш взгляд, самым главным является изменение отношения магистрантов к изучению иностранного языка. Демонстрация возможностей сети Интернет для самообразования в области изучения языков, а также в профессиональной сфере с целью повышения собственного профессионализма становится важным мотивирующим фактором. Соответственно магистрантам необходимо продемонстрировать ряд самообразовательных стратегий, которые они в дальнейшем смогут применять в своей профессиональной деятельности (работа с разными видами словарей, грамматическими справочниками, клише и т.п.).

Предлагаемая минимизация содержания обучения, основанная на результатах анализа опроса самих магистрантов с учетом требований стандарта, позволит реализовать магистерскую программу по принципу «лучше меньше да лучше», демонстрируя при этом важность и возможность применения иностранного языка в профессиональной деятельности. Очевидно, что для осуществления такого содержательного наполнения дисциплины необходимы новые рабочие учебные программы и соответственно новые учебно-методические комплексы.

Макеева С.О.

Екатеринбург, Россия

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ

**МАТЕРИАЛА К ЭКЗАМЕНУ:
ИДЕИ, КОТОРЫЕ РАБОТАЮТ**

Аннотация. В статье представлены приемы организации самостоятельной работы студентов при подготовке к итоговому контролю и дано их пошаговое описание. Данные приемы прошли апробацию в УрГПУ в течение ряда лет и подтвердили свою эффективность.

Ключевые слова: управление учебной деятельностью, систематизация материала, прием, проектная работа

Svetlana Makeyeva

Ekaterinburg, Russia

RECYCLING OF COURSE

**MATERIALS BEFORE EXAMS:
IDEAS THAT WORK**

Abstract. The article presents a number of useful techniques that facilitate recycling of course materials before final assessment. These techniques have been tested at USPU for several years and proved to be a useful alternative to the traditional consultation mode.

Keywords: facilitating self-access, input recycling, technique, project task

Сведения об авторе: Макеева Светлана Олеговна, кандидат филологических наук, доцент, зав.кафедрой английского языка.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет.

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26, к. 379.

e-mail Soutrider@e1.ru

About the Author: Svetlana Olegovna Makeyeva, Candidate of Philology, Associate Professor of the Chair of the English Language.

Place of employment: Ural State Pedagogical University.

Поиск новых приемов систематизации учебного материала продиктован спецификой дисциплин, которые автор преподает в течение ряда лет. Специфика курсов «Лингвострановедение и страноведение», «Теория и методика обучения ИЯ», «Культурно-экономическая история стран изучаемого языка» заключается в необходимости ежегодного обновления материалов и ресурсов, в большом объеме материала для освоения, преобладании проектной работы, Интернет-технологий (в частности, Web Quest) в подготовке к семинарам, а также необходимости адаптировать изучаемый материал к условиям профессиональной деятельности студентов в период педпрактики.

Порочная практика распределения вопросов к семинарам в студенческих группах приводит к период подготовки к экзамену к увеличению объема материала, который приходится не повторять, а осваи-

вать заново. В период подготовки к экзамену предпочтительны формы организации учебной деятельности, основанные на принципах сотрудничества и взаимодействия. Представим ряд приемов систематизации, которые, на наш взгляд, соответствуют данным условиям:

- турнир кроссвордов;
- портфель ментальных карт;
- задания, направленные на создание «вертикального контекста» в рамках дисциплины;
- консультации к экзамену в режиме пар сменного состава;
- консультации к экзамену в режиме стендовых докладов;
- тематическая медиатека группы.

Турнир кроссвордов прошел апробацию в 2012 на контингенте 2 курса и неплохо себя зарекомендовал как форма итогового занятия. В начале курса студенты знакомятся с условиями конкурса кроссвордов (<http://ifl.uspu.ru/student/24/300>): составление кроссворда по материалу курса «Культурно-экономическая история англоязычных стран» является групповым проектным заданием. В ходе заключительного занятия студенты «прорешивают» конкурсные задания других групп и дают краткое экспертное заключение по следующему плану: 1) Охват тем курса; 2) Удачность формулировок заданий (Какие вопросы следовало бы сформулировать по-другому...); 3) Наличие ошибок в заданиях (ключях); 4) Оценка дизайна. На основании данного экспертного заключения выявляются разработчики-победители. В ходе апробации выяснилось, что студенты склонны включать в кроссворд вопросы для самоконтроля, предложенные преподавателем; широкое применение находят задания с использованием визуального ряда (опознать изображение, портрет, карту). Следует подчеркнуть, что данный прием, на наш взгляд, применим в рамках любого курса на любом этапе систематизации.

*Портфель ментальных карт*¹: студентам предлагается составить ментальные карты по наиболее сложным для них темам курса и

¹ Идея не нова: см. [Игнатова 2009, Кривонос 2012]; студенты знакомятся с ресурсом Тони Бузана <http://www.thinkbuzan.com/ru/> и выбирают наиболее подходящий для себя формат ментальных карт

пользоваться ими на экзамене (не в период подготовки к ответу!) в качестве дополнительного справочного материала. Практика показывает, что студенты, подготовившие наиболее полный и систематизированный ресурс, в визуальных опорах во время ответа не нуждаются – отвечать на вопросы, включенные в экзаменационный билет, они способны без предварительной подготовки.

Создание «вертикального контекста»¹ подразумевает формулировку заданий, направленных на поиск информации в ряде тематических разделов и на формирование оценочных суждений, например:

- (Анти)рейтинг государственных, политических деятелей страны изучаемого языка: требуется оценить наиболее значимые позитивные (негативные) последствия деятельности исторических лиц в порядке нарастания и аргументировать свой выбор;
- рейтинг ученых (5 методистов, идеи которых в наибольшей степени способствовали (тормозили) развитие концепции языкового образования;
 - 5 дат, изменивших ход истории;
 - книги, в наибольшей степени повлиявшие на формирование менталитета страны изучаемого языка;
 - рейтинг учебников (какие учебники наиболее эффективны для формирования тех или иных умений (компетенций) – в порядке возрастания (убывания)) и под.

Консультации к экзамену в режиме пар сменного состава. Консультации к экзамену в привычном для нас формате являются пережитком тех лет, когда конспекты лекций и базовый учебник (а иногда только конспекты) были единственным доступным для студентов ресурсом для подготовки к экзамену. Прием «пар сменного состава» является, на наш взгляд, более эффективной альтернативой надиктовыванию ответов на вопросы самим преподавателем. Суть этого приема в следующем: студентам предлагается составить список наиболее сложных для них вопросов и распределить данные вопросы в группе. Студенты готовят подробный, развернутый ответ на «свой» вопрос и представляют текст ответа преподавателю в письменном виде. В режиме индивидуальной консультации осуществляется необходимая правка, согласовывается раздаточный и иллюстративный материал к консультации. Консультация проводится студентами, работающими в

¹ Также См. [Макеева 2009]

режиме «станций», выделяемых в зависимости от тематической отнесенности «проблемных» вопросов. Каждый «специалист» имеет право консультировать не более 1-2 слушателей: таким образом, обеспечивается 3-5 кратное повторение ответа на «проблемный» вопрос. Студенты, явившиеся на консультацию, избавлены от необходимости слушать ответы на вопросы, которые для них затруднений не представляют. В случае совпадения вопроса на экзамене с тем, по которому студент проводил консультацию, ответ засчитывается «автоматом» - заслушивать ответ на данный вопрос нет необходимости.

Консультация в режиме стендовых докладов по своему характеру близка к вышеописанной. Единственное значимое отличие – студенты не распределяют вопросы, а повторяют доклад, подготовленный к одному из семинаров в рамках курса и используют на консультации заранее подготовленные постеры. Наиболее удачные постеры предлагаются как справочные материалы, способные «работать» без докладчика.

Тематическая медиатека группы используется как прием систематизации материалов, представленных на семинарах в течение семестра. Каждый семинар представлен как папка с документами, причем план семинара является «навигатором» ресурса – тексты докладов и презентации прикрепляются к плану семинара через гиперссылки. Помимо профилактики неизбежных в случае отсутствия медиатеки потерь наработок студентов, медиатека выполняет функцию управления работой студентов-задолженников. Студенты в случае наличия медиатеки имеют четкое представление, какие вопросы, задания в групповом ресурсе на представлены; кроме того, электронный ресурс «задает» определенную планку качества разработки материалов. Зачет по модулю/блоку в данном случае принимает не только преподаватель – студенты-разработчики медиатеки предъявляют задолженникам довольно жесткие требования в отношении доступности, четкости, структурированности материалов, наличия выводов и методического сопровождения. Следует отметить, что преимущество создания медиатеки как ресурса для подготовки к экзамену, будущей педагогической практики очевидно для большинства студентов.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что в последние годы в вузовской методике преподавания учебных дисциплин назрела необходимость смещения приоритетов от передачи информации к эффек-

тивному управлению учебной деятельностью. И особенно остро данная необходимость ощущается в период подготовки к экзамену.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Игнатова Е.И. Ментальные карты против конспектов. – Абитуриент, 2009. – № 5. – С. 28-33.

Кривонос И.В. Ментальные карты как способ формирования метапредметных результатов. [Электронный ресурс]. URL: <http://nsportal.ru/shkola/inostrannye-yazyki/library/mentalnye-karty-kak-sposob-formirovaniya-metapredmetnyh-rezultatov>

Макеева С.О. Профессиональная мастерская: организация и проведение занятий: мат. регион. метод. форума «Новое слово в методике» №3. – Екатеринбург, УрГПУ, 2009. – С. 36-41.

Мысик М.С.

Екатеринбург, Россия

**ОПТИМИЗАЦИЯ ПРОЦЕССА
ОБУЧЕНИЯ ФРАНЦУЗСКОМУ
ЯЗЫКУ В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ В
КОНТЕКСТЕ ВНЕДРЕНИЯ
ФГОС**

Аннотация. Статья посвящена некоторым вопросам качества подготовки выпускников школ по французскому языку; в статье кратко рассматриваются результаты единого государственного экзамена и предлагаются общие направления оптимизации процесса обучения французскому языку.

Ключевые слова: обучение французскому языку как иностранному.

Сведения об авторе: Мысик Мария Сергеевна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры романских языков.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет.

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26, к. 465.

e-mail: ms.msk@mail.ru

Mysik M.S.

Ekaterinburg, Russia

**THE OPTIMIZATION OF THE
FRENCH LANGUAGE TEACHING
AT SCHOOL IN VIEW OF NEW
EDUCATION STANDARDS**

Abstract. The article deals with some problems of the quality of the French language acquisition by high school graduates. It gives a brief study of the results of the Unique State Exam and provides some basic ideas for the optimization of the French language teaching.

Keywords: teaching french as a second language.

About the Author: Mysik Maria Sergeevna, Candidate of Pedagogics, Associate Professor of the Chair of Romance Languages.

Place of employment: Ural State Pedagogical University.

В настоящее время мы стоим на пороге внедрения федеральных государственных образовательных стандартов в образовательных учреждениях, реализующих программы начального, основного общего и среднего полного образования. Новые ФГОСы отличает направленность на компетентностный подход в обучении. Применительно к иностранным языкам это означает развитие метапредметных умений («владение языковыми средствами – умение ясно, логично и точно излагать свою точку зрения, использовать адекватные языковые средства» [ФГОС 2012: 6]). Одним из параметров, определяющих предметные результаты изучения предметной области «Иностранный язык», является «достижение порогового уровня овладения иностранным языком» на базовом уровне [ФГОС 2012: 8] и «достижение уров-

ня владения иностранным языком, превышающего пороговый, достаточного для делового общения в рамках выбранного профиля» на профильном уровне [ФГОС 2012: 9].

В то же время идет процесс изменения формы и содержания итоговой аттестации, в том числе и по иностранным языкам (ЕГЭ). За годы экспериментальной работы (2003 – 2007 гг) и проведения ЕГЭ в штатном режиме (2008 – 2012 гг) содержание и структура КИМов, а также критерии оценивания заданий с развернутым ответом претерпевали несколько изменений.

Анализ результатов ЕГЭ по французскому языку вскрывает как проблемы, связанные с КИМами, так и дефициты в подготовке учащихся. Рамки статьи не позволяют рассмотреть подробно все эти проблемы, мы остановимся на второй группе проблем, поскольку именно они позволяют выявить приоритетные направления оптимизации процесса обучения французскому языку.

Коротко остановимся на результатах выполнения заданий закрытого типа и с кратким ответом (Части А и В) и заданий открытого типа (Часть С).

Лучше всего тестируемые справляются с заданиями на аудирование: среднее количество правильно выполненных заданий в этом разделе в 1,5 – 1,9 раз больше, чем в разделах «Чтение» и «Лексика и грамматика» соответственно. При этом далеко не все задания базового уровня оказались самыми легкими для выполнения: так, в разделе «Лексика и грамматика» процент правильно выполненных заданий базового уровня составил всего лишь 34,1% (для сравнения: процент... повышенного уровня – 40,1%). В целом, несколько странно и любопытно то, что успешность выполнения заданий базового уровня сопоставима с успешностью выполнения заданий высокого уровня (61,3% против 60,1% соответственно; для сравнения задания повышенного уровня в целом по частям А и В выполнены лишь на 49,8%). Это может объясняться двумя основными причинами: во-первых, небезупречностью КИМов; во-вторых, недостаточной сформированностью некоторых умений, оказавшихся объектами контроля в заданиях повышенного уровня.

Четырехлетний опыт проведения ЕГЭ по французскому языку в Свердловской области позволяет выявить некоторые общие черты проблемы отбора контролируемых знаний, умений и навыков и форм заданий для их оценки. Половину тестовых баллов базового уровня в

частях А и В тестируемые получают за выполнения заданий с кратким ответом (это задания В4–В16). Объективно такой тип заданий сложнее заданий с множественным выбором и заданий на установление соответствий.

Там, где прямой зависимости между неоднозначными структурно-содержательными особенностями КИМов и успешностью выполнения заданий выпускниками нет, нужно ставить иные вопросы. Остановлюсь лишь на одном примере такого актуального вопроса. А именно: почему задания на установление соответствий базового уровня (В1, аудирование, и В2, чтение) тестируемые выполняют неплохо (средний балл за период 2008–2012 гг. колеблется от 4 до 5 из 6 и из 7 соответственно), а аналогичное задание повышенного уровня (В3, чтение), можно сказать, традиционно «проваливают» (средний балл – 2,4 из 6). С точки зрения сложности заданий эта закономерность логична: базового уровня подготовленности достигает большее количество выпускников, так как все образовательные заведения должны обеспечить выполнение федерального компонента Госстандарта. Следовательно, внимание педагогов должно быть направлено на более качественное развитие определенных умений. Так, итоговый контроль выявляет серьезные проблемы в освоении грамматической структуры французского языка. Учащиеся часто не понимают правил и норм построения предложений во французском языке, что неизбежно затрудняет коммуникацию как в письменной (чтение, письмо), так и в устной (говорение, аудирование) форме. Поскольку у детей уже с 14 лет словесно-логическое мышление достаточно развито, целесообразно уделять особое внимание анализу морфолого-синтаксической структуры предложений. К слову, эти умения параллельно развиваются у учеников в рамках изучения родного языка.

В том, что касается сформированности коммуникативной компетенции в продуктивных видах речевой деятельности (а это видно по выполнению заданий части С), картина такова. Доля участников, получивших 0 баллов за задание С1 в 2012 году составила 19,7% от общего числа сдававших ЕГЭ по французскому языку, примерно столько же, сколько и в 2010 (18%). Результат существенно лучше, чем в 2009 (27%), но хуже, чем в 2011 году (10,5%). Естественным образом, задание С2, относящееся к высокому уровню сложности, оказалось, как и в предыдущие годы, непростым для выполнения: с ним не справились 66,7% экзаменующихся. В этом смысле результаты 2012 года значи-

тельно уступают двум предыдущим годам: 32,1% «нулевых» работ в 2011 и 59% – в 2010 [Анализ результатов единого государственного экзамена по французскому языку в Свердловской области в 2012 году: 482]. Причины постановки нуля баллов одинаковы: либо отказ от выполнения задания, либо качество выполнения – 0 баллов. Закономерность вполне объяснима: те, кто не овладел письменной речью на французском языке на базовом уровне, не в состоянии справиться со сложными коммуникативными задачами.

Впрочем, с простыми коммуникативными задачами справляются более двух третей выпускников. Ситуация осложняется тем, что ученикам просто не хватает времени на качественное выполнение заданий. В разделе «Письмо» в 2008–2011 гг. предусматривалось всего 60 минут на выполнение двух заданий, из которых 25 минут отводится, согласно Спецификации, на написание письма личного характера, и 35 минут на сочинение с элементами рассуждения. В первом случае особых сомнений эта цифра не должна вызывать (с учетом того, что данное задание оценивается только по двум критериям, касающимся содержательной стороны речи) и ее можно считать обоснованной. Во втором случае обращает на себя внимание некоторая несоразмерность распределения времени: 25 минут для составления письменного высказывания объемом 100–140 слов без учета выразительной стороны речи и 35 минут для составления письменного высказывания объемом 200–250 слов с учетом корректного лексико-грамматического и орфографического оформления речи. Разница во времени составляет всего 10 минут, разница в объеме и качестве изложения колоссальна. И это не говоря о том, что требуется продукция двух совершенно разных по виду и стилю письменных высказываний в рамках двух совершенно разных ситуаций/тем. Все это не может не усложнять задачу ученикам. В 2012 году рекомендуемое время выполнения заданий части С было увеличено до 80 минут, вместе с тем изменились и критерии оценивания: в письме личного характера стала проверяться правильность языкового оформления. А в сочинении с элементами рассуждения особое внимание отводится «способности экзаменуемого продуцировать развернутое письменное высказывание. Если более 30% ответа имеет непродуктивный характер (т.е. текстуально совпадает с опубликованным источником), то выставляется 0 баллов по критерию «Решение коммуникативной задачи», и, соответственно, все задание оценивается в 0 баллов» [Спецификация 2012: 7].

В итоге, можно отметить ряд основных задач оптимизации процесса обучения французскому языку. Во-первых, это ориентирование на истинную коммуникативность, что подразумевает, помимо всего прочего, развитие способности учеников выполнять речевые действия в изменяющихся ситуациях, проявлять гибкость в использовании усвоенных языковых средств. Во-вторых, это систематическое и качественное установление межпредметных связей, особенно в связке «французский язык» – «русский язык». В-третьих, преодоление дефицита учебных материалов. Очевидно, что существующие УМК нуждаются в обновлении, и не столько, может быть, с точки зрения содержания, сколько с точки зрения упражнений, то есть технологии развития коммуникативной компетенции. В настоящее время есть попытка компенсировать этот дефицит за счет тиражирования сборников тестовых заданий, подобных тем, что используются в ЕГЭ. Их польза и назначение понятны: они за короткий срок знакомят с процедурой экзамена и дают возможность потренироваться в выполнении конкретных заданий. Однако это решение частных задач, а если говорить о глобальных задачах, то нужна организация поэтапной планомерной работы, направленной на достижение требуемого уровня иноязычной коммуникативной компетенции. А для этого, в свою очередь, нужны УМК нового поколения. Но, самое главное, их обновление должно иметь серьезное научное обоснование. Сейчас мы находимся в ситуации, когда форма и содержание итоговой аттестации диктует требования к учебному процессу, и в некотором смысле навязывает необходимость его реформирования. Но я убеждена, что любые изменения должны вводиться очень аккуратно, при этом следует руководствоваться внутренней логикой развития коммуникативных умений, а не формальной стороной контроля. Впрочем, если говорить об обеспеченности учебного процесса по французскому языку, то не хватает даже простых сборников тренировочных упражнений.

Сегодня как никогда важен обмен мнениями, опытом относительно того, как можно спланировать процесс обучения французскому языку, начиная с самого раннего этапа и заканчивая старшими классами, чтобы максимально возможно использовать учебное время и способности учеников. В целом, если говорить о задачах, стоящих перед педагогами, можно отметить следующие:

- развитие профессиональной компетентности педагогов в вопросах подготовки учащихся к освоению содержания, предусмотренного Гостандартом;
- своевременное ознакомление со структурой и содержанием КИМов по иностранным языкам, а также изменениями с части структуры, содержания и критериев оценивания;
- актуализация проблем оценки качества образования;
- поиск путей совершенствования технологии подготовки учащихся.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Анализ результатов единого государственного экзамена по французскому языку в Свердловской области в 2012 году / авт.-сост. Мысик М.С. [Электронный ресурс]. – Екатеринбург: ИРО, 2012. – URL: <http://ege.midural.ru/?q=node/21> (дата обращения: 17.01.13).

Спецификация контрольных измерительных материалов для проведения в 2012 году единого государственного экзамена по иностранным языкам [Электронный ресурс] / ФИПИ. М., 2011. – URL: <http://fipi.ru/view/sections/222/docs/578.html> (дата обращения: 17.01.13).

Федеральный государственный образовательный стандарт среднего (полного) общего образования. – М., 2012. – URL: <http://standart.edu.ru/catalog.aspx?CatalogId=6408> (дата обращения: 17.01.13).

Овечкина Ю.Р.

Екатеринбург, Россия

**ВЫБОР ПОДХОДА К
ОБУЧЕНИЮ ИНОЯЗЫЧНОМУ
ПИСЬМУ СТУДЕНТОВ
ЯЗЫКООВГО ВУЗА**

Аннотация. Статья посвящена выбору подхода к обучению иноязычному письму в языковом вузе, соответствующего требованиям компетентностной парадигмы.

Ключевые слова: коммуникативная компетенция в иноязычной письменной речи, подходы с ориентацией на продукт и на процесс письменной речевой деятельности

Сведения об авторе: Овечкина Юлия Рафаиловна, ассистент кафедры английского языка.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет.

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26, к. 462.

e-mail: yulyaenglish@rambler.ru

Ovechkina Yu.R.

Ekaterinburg, Russia

**APPROACHES TO TEACHING
WRITING AT THE
DEPARTMENTS OF FOREIGN
LANGUAGES**

Abstract. The article studies the problem of choosing an approach to teaching writing at the departments of foreign languages.

Keywords: *communicative competence in writing, product - oriented approach and process - oriented approach in teaching writing*

About the Author: Ovechkina Yulia Rafailovna, Assistant Lecturer of the English Language Chair.

Place of employment: Ural State Pedagogical University.

В условиях современной компетентностной парадигмы встает вопрос выбора подходов в обучении, соответствующих требованиям данной парадигмы.

В этой связи опишем содержание обучения иноязычной письменной речи в языковом педагогическом вузе, придерживаясь следующей теоретического положения: процесс обучения иноязычному письму должен включать обучении риторическим образцам, принятым в культуре ИЯ, что будет способствовать развитию личности обучаемого и, следовательно, КК в ИЯПР как составляющей профессиональной компетентности будущих специалистов в области ИЯ [Овечкина 2012:228].

Становится очевидным, что обучение письменной речи, ориентированное на читателя, на общение. Помимо формы и содержания должно включать овладение правилами презентации законченного

текста. Следовательно, чтобы письменная коммуникация была эффективной, следует сосредоточить внимание на трех основных компонентах: содержание, форма и презентация письменного текста, которые определяют содержание процесса обучения и оценивания.

В этой связи рассмотрим существующие подходы к обучению письменной речи с тем, чтобы выбрать наиболее подходящий для осуществления эффективного развития коммуникативной компетенции в иноязычной письменной речи (далее КК в ИЯПР) у студентов языкового вуза. Уточним понятие «*коммуникативной компетенции в иноязычной письменной речи*» применительно к студентам языкового вуза в формулировке «способность и готовность обучаемых осуществлять иноязычное письменное общение в сфере личной и профессиональной коммуникации, применяя знания, умения, навыки, стратегии и опыт работы с иноязычным текстом с учетом особенностей построения письменных высказываний в культуре изучаемого языка» [Овечкина 2012:231].

В методике обучения письменной речи существуют подходы, в которых акцент делается либо на обучение формальным признакам жанра, либо на формирование индивидуального стиля письма, т.е. на содержательную сторону, в целом различают подходы с ориентацией на продукт (product - oriented approach) и на процесс (process - oriented approach) письменной речевой деятельности [Brookes and Grundy 1991:156]. В процессуальном подходе акцент делается на этапы создания письменного произведения. Однако, как правомерно отмечает зарубежный методист К. Триббл [Tribble 1996], следует разграничивать два самостоятельных направления в рамках подхода с ориентацией на продукт: "text - based approach" (подход, ориентированный на форму произведения) и "genre - based approach" (подход, ориентированный на обучение жанру).

Существующий в методике преподавания родного и иностранного языков подход с ориентацией на форму произведения построен, в основном, на обучении формальным признакам текста, его построению, студентам прилагаются проверенные и опубликованные тексты - образцы для имитирования. Задача этого подхода - обучение грамотному письму (презентации) и создание работ, структура которых должна соответствовать образцовым (форма).

Подход с ориентацией на форму эффективен для достижения близких целей, например, сдача международных экзаменов по ИЯ, эк-

замена за семестр или учебный год, но однобоко развивает иноязычную компетенцию обучаемых. Данный подход ориентирован является популярным в силу того, что с его помощью легче обучать композиционно - стилистическим особенностям жанра, позволяет оценить законченное речевое произведение, создаваемое обучаемыми самостоятельно в рамках установленного лимита времени.

Основным достоинством подхода к обучению письменной речи, ориентированного на форму произведения, является его помощь в избегание культурных несоответствий на уровне организации текста.

Следует уточнить понятие "жанр" по К. Триббллу как ситуация общения (communicative event), в которую участники вступают с определенной целью (communicative purpose). Применительно к письменным жанрам цель общения определяет форму, вид письменного произведения. Поэтому цель письменного высказывания важнее формы в рамках данного подхода.

Подход, направленный на обучение жанрам письменных произведений является ориентированным на потенциального читателя, т.е. дает пишущему возможность задуматься что, с какой целью и для кого пишется текст (context knowledge). Жанровый подход позволяет развить умения проанализировать реализацию целевой установки с позиции потенциального иностранного читателя, что основывается на знаниях о социокультурных отличиях потенциального читателя и пишущего. Как показывают исследования, даже логика, организация идей в тексте отличается в разных культурах.

Применение подхода, ориентированного на продукт, позволяет развить у обучаемых ряд компонентов КК в ИЯПР:

- умение построить абзац на основе тезиса;
- умения логически перегруппировать предложения в абзаце;
- умения объединять простые предложения в сложные с использованием союзов и союзных слов;
- умение сравнить несколько параграфов и скорректировать их структуры;
- умение написать параграф на основе анализа табличных данных;
- умение соотнести ряд заключений с предложенными вступлениями;
- умение написать собственный параграф по образцу или по заданной теме.

Указанные умения письменной речи развиваются на уровне ор-

ганизации текста за счет применения репродуктивно - продуктивных упражнений в рамках жанрового подхода. Как следствие, у студентов формируется готовность и способность, т.е. компетенция логического построения текста на основе корректной интерпретации цели, определения мотива, адресата, правильной расшифровки предлагаемой темы письменного сообщения.

Однако подход с ориентацией на продукт не дает возможность реализовать полученные знания о формальных признаках жанра, стилях, нормах иноязычной письменной речи в самостоятельной творческой деятельности. Это обусловлено нехваткой фактического материала, на котором должны реализовываться полученные навыки и умения, а так же неумением обучаемых планировать и редактировать свое произведение. Поэтому целесообразно говорить о том, что жанровый подход, как вид подхода с ориентацией на продукт, не учит самому процессу написания текста, подготовки к нему и приемам редактирования и контроля. жанровый подход эффективен при коррекции ошибок организационного уровня, а для творческого этапа порождения письменного произведения необходим иной подход. Мы предлагаем интеграцию подхода с ориентацией на процесс и подхода с ориентацией на продукт.

В подходе с ориентацией на продукт акцент делается на формальную сторону конечного произведения. В то же время построение письменного текста на основе определенных риторических образцов (аргументация, повествование, описание, рассуждение, сравнение) предполагает владение информацией по теме и умение работать с ней, знание особенностей предполагаемого читателя.

На содержательную сторону большее внимание уделяется при подходе с ориентацией на процесс порождения произведения. Следовательно, развить компетентного пользователя иноязычной письменной речью возможно только при разумном сочетании двух подходов в обучении.

Данное положение подтверждается и на этапе планирования, когда акцент делается на содержание, но при этом требуется умение оформить структуру будущего письменного текста, и на этапе реализации замысла, когда наряду с умением очески построить произведение важно учитывать его жанрово - стилистические особенности, и на этапе контроля, когда оцениваются и форма, и содержание полученного текста.

Следовательно, речь должна идти об интеграции подходов с ориентацией на продукт и на процесс письменной речевой деятельности, поскольку развитие КК в ИЯПР студентов языкового вуза осуществляется на основе принципа компетентностного подхода – принципа интеграции.

Таким образом, для развития, а затем и для оценивания уровня развития коммуникативной компетенции в иноязычной письменной речи, необходимо отводить большую роль умению собирать материал и интерпретировать его, порождать идеи и реализовывать их в процессе оформления письменного текста.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Овечкина Ю.Р. Реализация интегративного подхода в обучении и оценивании иноязычной письменной коммуникации студентов языкового вуза // Актуальные методики в изучении гуманитарных дисциплин и иностранного языка: сборник материалов научно-практической конференции «Актуальные методики в изучении гуманитарных дисциплин и иностранного языка», XIV научной сессии Невские чтения «Коммуникация в условиях глобальной информатизации», Санкт – Петербург, 23 – 28 апреля 2012 г. / ЧНОУ ВПО «Невский институт языка и культуры», Санкт-Петербург, 2012. – С. 227-230. (0,2 п.л.)

Овечкина Ю.Р. Структура коммуникативной компетенции в иноязычной письменной речи студентов языкового вуза // Педагогическое образование. – Екатеринбург, 2012. – Вып. 1. – С. 231 – 234. (0,2 п.л.)

Brookes A. and Grundy P. Writing for study purposes. Cambridge: CUP, 1991.

Tribble, C. Writing. – Oxford University Press, 1996. – 174 p.

Савельева Н.Х.

Екатеринбург, Россия

**СИСТЕМА ФОРМИРОВАНИЯ
ПРОФЕССИОНАЛЬНО-
ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ
У БУДУЩИХ МЕНЕДЖЕРОВ
РЕСТОРАННОГО И
ГОСТИНИЧНОГО СЕРВИСА**

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению системы формирования профессионально-ценностных ориентаций у будущих специалистов индустрии гостеприимства. Кроме того, в статье обозначается и обосновывается актуальность формирования профессионально-ценностных ориентаций будущих менеджеров ресторанного и гостиничного сервиса в процессе профессиональной подготовки.

Ключевые слова: менеджер, ресторанный и гостиничный сервис, система, профессионально-ценностные ориентации.

Сведения об авторе: Савельева Нэлли Хисматуллаевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет.

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26, к. 462.

e-mail: nellik1983@mail.ru.

Savelyeva N. Kh.

Ekaterinburg, Russia

**SYSTEM OF FORMATION OF
PROFESSIONAL VALUE
ORIENTATIONS OF THE
FUTURE MANAGER OF HOTEL
AND RESTAURANT SERVICE**

Abstract. The article is devoted to the study of the system of formation of professional value orientations of future specialists of the hospitality' industry. The result of analyses of actual approaches to signification of value groups is the clarification and the specification of professional value orientations of future manager of restaurant and hotel service.

Keywords: manager, restaurant and hotel service, system, professional value orientations.

About the Author: Savelyeva Nelly Khismatullaewna, Candidate of Pedagogy, Associate Professor of the Chair of Foreign Languages.

Place of employment: Ural State Pedagogical University.

Проведенный анализ содержания основных нормативных документов Российской Федерации в области образования, диссертационных исследований, научных трудов и статей, опубликованных в ведущих научных журналах, освещающих различные аспекты проблемы формирования профессионально-ценностных ориентаций у будущих менеджеров ресторанного и гостиничного сервиса, позволил сделать

вывод о том, что представленная проблема формирования не нашла достаточного отражения в педагогической теории.

В связи с этим мы сочли необходимым изучить и проанализировать степень ее освещенности и разработанности в практике высших учебных заведений по сервису и туризму. При этом анализ показал, что в современном вузе по сервису и туризму традиционный подход к формированию профессионально-ценностных ориентаций у будущих менеджеров ресторанного и гостиничного сервиса предусматривает только формирование представлений о базисных человеческих и культурных ценностях. Перечень основных навыков и знаний, необходимых для выполнения должностных обязанностей в ресторане и гостинице, помимо профессиональной компетенции предполагает культуру межличностного общения, вежливость, опрятность, деловой стиль. Специальные дисциплины ориентированы только на формирование общего уровня профессиональной культуры, а также нравственно-психологических свойств и качеств будущих менеджеров ресторанного и гостиничного сервиса. Это связано, прежде всего, с преобладающей точкой зрения в образовательной среде на подготовку менеджера как задачу экономико-управленческих дисциплин и изоляцией процесса обучения иностранным языкам от целостного процесса профессиональной подготовки.

Процесс подготовки специалистов индустрии гостеприимства представляет собой сложный и многосторонний процесс, поэтому на наш взгляд целесообразным представляется разработка и внедрение системы формирования профессионально-ценностных ориентаций у будущих менеджеров ресторанного и гостиничного сервиса, которая проходила в 2007 – 2011 гг. на базе Международного факультета сервиса и межкультурной коммуникации Челябинского гуманитарного института. Основная цель данной системы – формирование у будущих менеджеров ресторанного и гостиничного сервиса такого уровня развития ценностно-ориентационной сферы, который будет способствовать формированию менеджера ресторанного и гостиничного сервиса нового поколения, имеющего своей целью культурное обслуживание гостей ресторана и гостиницы, повышение престижа и конкурентоспособности предприятий индустрии гостеприимства.

Особенность разработанной нами системы состоит в том, что она реализуется в процессе обучения иностранному языку путем сравнительного анализа культуры, социальной среды и опыта организации

ресторанного и гостиничного сервиса немецко-говорящих стран; основывается на теоретических положениях закона возвышения потребностей и механизма ориентации личности в мире ценностей, что позволит сформировать профессионально-ценностные ориентации у будущих менеджеров ресторанного и гостиничного сервиса и повысить престиж индустрии гостеприимства.

Система формирования профессионально-ценностных ориентаций у будущих менеджеров ресторанного и гостиничного сервиса основана на принципах целесообразности, открытости, интегративности, динамичности, селективности, поликультурности, мобильности и состоит из мотивационно-целевого, содержательно-процессуального, коррекционно-оценочного компонентов.

Главная цель *мотивационно-целевого* компонента разработанной нами системы состояла в создании у будущих менеджеров ресторанного и гостиничного сервиса потребности улучшения качества обслуживания и повышения прибыльности ресторанного и гостиничного хозяйства. Формулировка основной цели данного компонента основывается на том, что все потребности человека направлены на определенные ценности. Иными словами, если у будущего менеджера ресторанного и гостиничного сервиса будет сформирована потребность модернизации индустрии ресторанных и гостиничных услуг, то все его действия и поступки будут ориентированы на профессиональные ценности, связанные с удовлетворением имеющейся потребности.

Опыт работы по формированию профессионально-ценностных ориентаций у будущих менеджеров ресторанного и гостиничного сервиса позволил выделить объективные и субъективные факторы, предопределяющие профессиональные потребности будущих менеджеров ресторанного и гостиничного сервиса. Мы считаем, что к объективным относятся такие факторы как состояние профессионального инвентаря, используемого на практических занятиях по организации ресторанного и гостиничного обслуживания, направленность и содержание учебного процесса, методика преподавания специальных дисциплин, уровень требований учебной программы, личность преподавателя, эмоциональная окраска проведения занятий. К субъективным факторам относятся личностная значимость, мотивы, интересы, оценка состояния всей системы ресторанной и гостиничной индустрии, профессиональное удовлетворение, духовное обогащение.

Учитывая данный факт при реализации процесса формирования профессионально-ценностных ориентаций у будущих менеджеров ресторанного и гостиничного сервиса нами была обеспечена согласованность как объективных, так и субъективных факторов, обуславливающих степень управления процессом формирования профессионально-ценностных ориентаций и, определяющих уровень сформированной потребности повышения качества обслуживания и престижа российского ресторанного и гостиничного хозяйства. Планомерное усиление степени проявления данной потребности было достигнуто посредством создания следующих условий:

- целенаправленного формирования у будущих менеджеров ресторанного и гостиничного сервиса общепрофессиональных и индивидуальных мотивов, сочетающих личную заинтересованность и профессионально значимые цели;

- присутствие в содержании занятий по иностранному языку профессиональной направленности;

- поддержание имеющихся и обнаружения новых профессионально значимых интересов будущих менеджеров ресторанного и гостиничного сервиса.

Реализация *содержательно-процессуального* компонента системы формирования профессионально-ценностных ориентаций у будущих менеджеров ресторанного и гостиничного сервиса состояла в апробации ценностно-ориентационного и лингвистического блоков, предусматривавших усвоение профессиональных знаний, умений, навыков, формирования профессионально-ценностных ориентаций, необходимых для эффективной профессиональной деятельности, а также языковую, речевую, страноведческую подготовку.

В рамках *содержательно-процессуального* компонента непосредственно был организован процесс формирования ориентации будущего менеджера ресторанного и гостиничного сервиса в мире профессиональных ценностей на основе механизма поиска, оценки, выбора и проектирования ценностных ориентаций в ежедневной деятельности.

Коррекционно-оценочный компонент включал в себя три уровня сформированности профессионально-ценностных ориентаций у будущих менеджеров ресторанного и гостиничного сервиса: низкий (подражательно-исполнительский), средний (частично-инициативный), высокий (инициативно-творческий). Каждый уровень предполагал специфическую нагрузку, которая определялась на основе выделенных нами критериев: когнитивному (знание профессионально-ценностных ориентаций, понимание профессионально-ценностных ориентаций); поведенческому (присвоение профессионально-ценностных ориентаций, осознанность профессионально-ценностных ориентаций); деятельностному (устойчивость профессионально-ценностных ориентаций, способность практического применения профессионально-ценностных ориентаций в деятельности).

При определении уровней сформированности изучаемого феномена мы исходили из совокупности уровневого подхода. Отличительной чертой данного компонента является установление обратной связи, что позволяет диагностировать процесс формирования профессионально-ценностных ориентаций на основе достигнутого на предшествующих этапах, дифференцировать методы и формы работы с учетом индивидуального развития будущих менеджеров ресторанного и гостиничного сервиса.

В целом представленная система, разработанная на основе системного, аксиологического и личностно ориентированного подходов, обеспечила формирование профессионально-ценностных ориентаций у будущих менеджеров ресторанного и гостиничного сервиса, воспитанию толерантной личности, способной осуществлять успешную профессиональную деятельность. Использование системного, аксиологического и личностно ориентированного подходов при обучении иностранному языку будущих менеджеров ресторанного и гостиничного сервиса с целью формирования у них профессионально-ценностных ориентаций обеспечило комплексную реализацию практических целей обучения, что предполагает развитие навыков и умений пользоваться иноязычной речью в различных ситуациях общения, проявляя при этом уважение и терпимость ко всем гостям заведения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Гальскова Н. Д., Гез Н. И. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика: учеб. пособие для студ. лингв. ун-тов и

- фак. ин. яз. высш. пед. учеб. заведений. – 3-е изд., стер. – М.: Академия, 2006. – 336 с.
- Гальскова Н. Д. Современная методика обучения иностранным языкам. Пособие для учителя. – М.: Аркти, 2000. – 165 с.
- Есин Е. Б. Введение в культурологию: Основные понятия культурологии в систематическом изложении: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Академия, 1999. – 216 с.
- Колкер Я. М., Устинова Е.С., Еналиева Т.М. Практическая методика обучения иностранному языку: учеб. пособие. – М.: Академия, 2000. – 264 с.
- Константиновский Д.Л. Динамика неравенства: Рос. Молодежь в меняющемся о-ве: ориентации и пути в сфере образования (от 1960-х годов к 2000-му) / под ред. В.Н.Шубкина; Рос.акад.наук. Ин-т социологии. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – 341 с.
- Народная педагогика и формирование у подрастающего поколения культуры межнационального общения: Методические рекомендации / сост. Е.Б.Плотникова. – Магнитогорск, 2001. – 17 с.
- О повышении воспитательного потенциала общеобразовательного процесса в общеобразовательном учреждении (Письмо Министерства образования Российской Федерации от 2 апреля 2002 г. № 13-51-28/13)
- Россия и запад: диалог культур: сб.науч.тр. / Твер.гос.ун-т, Международн.ассоц.преподавателей за мир ООН и Юнеско, Центр. – Европ.ун-т, Респ.науч. – исслед.программа «Народы России: возрождение и развитие». – Тверь, 1994. – 192 с.
- Сластенин В. А., Чижакова Г. И. Введение в педагогическую аксиологию: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. – М.: Академия, 2003. – 192 с.
- Соловова Е. Н. Методика обучения иностранным языкам: базовый курс лекций: пособие для студентов пед. вузов и учителей. – М.: Просвещение, 2002. – 239 с.
- Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Слово=Slovo, 2000. – 261с.
- Ценности соц.групп и кризис общества: сб.ст. / Науч.совет АН СССР «Диалектика развития социализма на современ.этапе», Ин-т философии АН СССР; [Редкол.: Н.И. Лапин (отв.ред.), Л.А. Беляева]. – М.: ИФАН, 1991. – 152 [1]с.

Соколова О.Л.

Екатеринбург, Россия

**ИЗ ОПЫТА РАННЕГО
ОБУЧЕНИЯ ФРАНЦУЗСКОМУ
ЯЗЫКУ**

Аннотация. Анализ основных трудностей в преподавании французского языка дошкольникам и возможные пути их преодоления. Краткий обзор французских нормативных документов о дошкольном образовании. Последовательность в освоении французского языка на раннем этапе.

Ключевые слова: раннее обучение иностранным языкам, обучение французскому языку дошкольников

Сведения об авторе: Соколова Ольга Леонидовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры романских языков.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет.

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26, к. 465.

e-mail: olgalsokol@mail.ru.

Sokolova O.L.

Ekaterinburg, Russia

**EXPERIENCE OF EARLY
LEARNING FRENCH**

Abstract. Analysis of the main difficulties in teaching French to preschool and possible solutions. An overview of the French regulations on pre-school education. Sequence in the development of the French language at an early age.

Keywords: early teaching of foreign languages, learning French language to preschoolers

About the Author: Sokolova Olga Leonidovna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Chair of Romanic Languages.

Place of employment: Ural State Pedagogical University.

Преподавание иностранного, в частности, французского языка детям дошкольного возраста зачастую сопряжено с рядом проблем, несмотря на достаточное количество учебно-методического материала, всевозможных авторских разработок, широко представленных в интернете и в печатном виде. Во-первых, существует проблема мотивации к изучению французского языка у детей дошкольного возраста и их родителей. Не секрет, что в настоящее время под иностранным языком большинство людей понимают именно английский язык. Английский язык преподается в детских садах, в многочисленных школах развития и т.д. Во-вторых, для педагога проблемой может оказаться взаимодействие с родителями, особенно если их (родителей) собственный опыт изучения иностранных языков не принес удовлетворительных результатов – родители зачастую склонны форсировать темп и ритм занятий, ожидая, что ребенок после нескольких занятий «заго-

ворит» и начнет понимать смысл песен и телепередач на иностранном языке. В-третьих, существует проблема последовательности и преемственности в освоении иностранного языка: зачастую педагоги сводят изучение иностранного языка к заучиванию нескольких слов и структур (животные, игрушки, цвета и т.д.) и плохо представляют себе дальнейшие цели обучения.

Преодоление этих трудностей предполагает работу организаторов курсов и педагогов с родителями и детьми в следующих направлениях.

1. Этап формирования групп. Опыт показывает, что детские группы для изучения французского языка, как правило, малочисленны и нестабильны. И здесь необходимо, прежде всего, правильно организовать занятия, применяя маркетинговый подход. Так, в частности, некоторые лингвистические центры создают детские группы, заранее осознавая их малую рентабельность. Однако наличие таких групп очень положительно сказывается на имидже организации. Необходимо грамотно выстроить взаимодействие с родителями: объяснить им важность владения несколькими иностранными языками в современном мире, стремящемся к глобализации, а также значимость французского языка. В помощь организаторам таких курсов министерство иностранных дел Франции опубликовало 17 причин изучать французский язык.

Дополнительным стимулом для детей и родителей могли бы быть различные креативные семинары (лепка, рисование, изготовление игрушек и прочих поделок) на иностранном языке, в идеале – с привлечением носителей языка.

2. Начало занятий. Перед началом занятий рекомендуется провести небольшое собрание с родителями детей, объяснить им цели и ожидаемые результаты предложенного этапа. Это важно для предупреждения чувства неудовлетворенности у некоторых родителей, ожидающих мгновенных результатов. Обзор литературы и личный опыт показывает, что важными аргументами для родителей могли бы стать следующие:

Для свободного владения **родным** языком ребенку необходимо быть «погруженным» в язык в течение как минимум 90 000 часов, что достигается в среднем к 10 годам.

Г. Гарднер выделяет 8 типов интеллекта (языковой, логико-математический, визуально-пространственный, музыкальный, кинестетический, социальный, интровертивный, природный), которые в

разной мере развиты у разных людей [Г. Гарднер, 2007]. Однако именно в раннем возрасте необходимо последовательно развивать каждый тип, комбинировать их в различных видах деятельности – только в этом случае речь может идти о полноценном развитии личности, а не о механическом заучивании, которое часто сравнивают с дрессировкой.

Последовательное овладение иностранным языком соотносится с последовательным развитием знаний и представлений ребенка об окружающем мире. Э. Вантье в своей книге «Преподавание языков детям» систематизирует знания детей 4-6 лет об окружающем мире следующим образом: математические, звуковые, пространственные, временные и природные знания. Ребенок 4-6 лет учится различать формы и размеры, группировать предметы по заданному критерию, считать до 10, знать цифры (математические знания). Он также способен воспроизводить ритм считалок и стихов, делить на слоги имена и слова, воспринимать рифму, распознавать идентичные звуки и слова в разных словах и позициях (звуковые знания). Ребенок данного возраста активно познает пространство, учится локализовать предметы относительно себя и друг друга, может перемещаться в пространстве, следуя указаниям (пространственные знания). Дошкольник 4-6 лет может, как правило, различить время суток, привязать его к определенным действиям, различать настоящее, прошедшее и будущее, располагать события во времени относительно друг друга и относительно момента речи, возможно, со зрительной опорой (временные знания). В области знаний о живой и неживой природе ребенок может отличать живые предметы от неживых, понимает простейшие физиологические потребности и состояния (голод, жажда, холод, тепло, страх и т.д.), учится владеть своим телом и координировать движения [Н. Vanthier, 2008.]

Министерство культуры и образования Французской республики опубликовало программы дошкольного образования. В том, что касается изучения иностранного языка, министерство предписывает:

- Обучающийся систематически слушает иноязычную речь, распознает и учится воспроизводить ее ритм, фонемы и интонации, длительность гласных, чередование ударных и безударных слогов. Особое внимание обращается на фонемы, несвойственные родному языку обучающегося.

- Наиболее подходящие виды деятельности для дошкольников – упражнения на запоминание, рифмованные считалки, стихи, имитация различных ритмов хлопками или ударами в барабан, бубен и т.п.

- Постепенно ученик учится говорить о себе, о своем ближайшем окружении, может вступать в самые простые ситуации взаимодействия.

- Обучающийся открывает некоторые реалии стран изучаемого языка: жизнь детей того же возраста, координационные связи с другими дисциплинами развивающей программы.

Важным аспектом обучения является пробуждение интереса к другому, желания взаимодействовать с ним, уважение и толерантность к языку и культуре других стран.

3. Прогресс в освоении иностранного языка можно схематично представить в виде длинного пути, в начале которого ученик дошкольного возраста (4-6 лет) учится здороваться, прощаться, знакомиться, затем считать до 10. называть свой возраст, называть предметы из ближайшего окружения (школьные принадлежности, игрушки и т.д.) и действия, основные и дополнительные цвета, кратко описать свою семью, выразить принадлежность (у меня есть..., у меня нет..., это мой/моя...), расположить предмет в пространстве, называть одежду, еду, уметь сказать, что нравится, что не нравится и т.д. конечным ориентиром для педагогов и родителей может служить программа международного экзамена по французскому языку для детей 8-12 лет DELF prim.

Усвоение новых знаний и формирование необходимых навыков можно схематично представить в виде следующих этапов:

- Представление
- Усвоение (многочисленные повторения с преподавателем в группах и индивидуально)
- Контроль понимания
- Фиксация (взаимодействие в мини-группах или парах)
- Перенос (использование нового знания с ранее изученными элементами)
- Закрепление, оценка [D. Gaonac'h, 2006].

В арсенале педагога большое количество игр и игровых упражнений: jeu de doigts, rapido, bingo, jeu de piste, béret, course au trésor, salade de fruits, jeu de kim, jeu de memory, sac d'objets,

jeu de 7 familles, devine-tête, jeu d'oie, objet caché, panier de ma grand-mère, Jacques a dit, loto, salière, mime, morpion, bataille navale, commissaire, corde à linge, sudoku, tourne-cartes и т.д. [Н. Denisot, 2006].

В заключение отметим, что не следует забывать о том, что контакт с родителями обучающихся не должен прерываться во время обучения. Лучше всего завести для этого небольшие дневники, в которых преподаватель будет отмечать пройденное на уроке. Таким образом, с одной стороны, дети наглядно видят свои успехи, и, с другой стороны, родители чувствуют себя активными участниками процесса обучения, что создает атмосферу доверия и доброжелательности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Гарднер Г. Структура разума. Теория множественного интеллекта. – М.: Вильямс, 2007. – 512 с.
- Denisot H. Super Max 1. Guide pédagogique. – Paris: Hachette, 2009. – 182 p.
- Gaonac'h D. L'apprentissage précoce d'une langue étrangère, le point de vue de la psycholinguistique. – Paris: Hachette-education, 2006. – 342 p.
- Vanthier P. L'enseignement aux enfants en classe de langue. – Paris: CLE International, 2008. – 512 p.

ИНСТИТУТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ УрГПУ основан в 1937 году. Является ведущим образовательным учреждением в области преподавания иностранных языков и повышения квалификации преподавателей вузов и учителей в Уральском регионе, а также готовит специалистов в сфере устного и письменного перевода. Лицензирован и аккредитован. Имеет давние и прочные связи с зарубежными образовательными учреждениями и центрами, многолетние традиции научного и культурного обмена с Германией, Австрией, Францией, Великобританией и США; тесно сотрудничает с факультетами иностранных языков и кафедрами С.-Петербурга, Москвы, Н.Новгорода, Н. Тагила и др. городов РФ. Имеет высокий рейтинг в научном мире.

В состав ИИЯ входят **7 специализированных кафедр**:

- английского языка,
- английской филологии и сравнительного языкознания,
- немецкого языка и методики его преподавания,
- немецкой филологии,
- романских языков,
- перевода и переводоведения,
- иностранных языков,

а также

- 4 ресурсных языковых центра (немецкий, французский, испанский, австрийский),
- магистратура,
- аспирантура, докторантура,
- центр дополнительного образования,
- подготовительные курсы (уровень ЕГЭ).

Научные школы

Научные исследования в институте проводятся в рамках комплексных тем: "**Типологические аспекты функционирования и эволюции языков**", «**Лингвопознавательная компетентность в обучении ИЯ: образовательный статус и методика развития**». Исследования проводятся в двух направлениях: 1) сопоставительное языкознание; 2) теория и методика обучения ИЯ.

Оба направления соответствуют профилю подготовки специалистов, бакалавров, магистров. Результаты исследования реализуются в учебном процессе УрГПУ, вузов Свердловской области и Уральского региона.

К настоящему моменту сформировались несколько научных школ института:

- профессора И.А.Гиниатуллина - "Методика самостоятельной учебной деятельности"
- профессора Н.Д.Маровой - "Интерпретация текста"
- профессора Н.В.Пестовой - "Сопоставительная лингвистическая поэтика"
- профессора Н.А.Пирогова - "Сравнительно-историческое, типологическое, сопоставительное языкознание"
- профессора Н.Н.Сергеевой - "Методика обучения иностранным языкам в системе профессионального образования"
- профессора В.П.Хабирова - "Креолистика и социолингвистика"

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«Актуальные проблемы германистики, романистики, русистики»
ПРОВОДИТСЯ ЕЖЕГОДНО В ПЕРВЫЕ ПЯТНИЦУ-СУББОТУ ФЕВРАЛЯ
Материалы по итогам конференций размещаются в электронной
библиотеке ИИЯ УрГПУ <http://ifl.uspu.ru/lib>

Мы всегда рады видеть Вас среди участников!

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГЕРМАНИСТИКИ,
РОМАНИСТИКИ И РУСИСТИКИ**

Часть III

МАТЕРИАЛЫ

ежегодной международной научной конференции

1–2 февраля 2013 года

г. Екатеринбург, Россия

Подписано в печать 25.04.13. Формат 60x84/16.
Бумага для множ. аппаратов. Печать на ризографе.
Усл. печ. л. 17,9. Уч.-изд. л. 16,5. Тираж 500 экз.
www.usru.ru

Оригинал-макет О. В. Быкова

Отпечатано в ГУП СО «Режевская типография»
623750 г. Реж Свердловской обл.,
ул. Красноармейская, 22. Тел. (34364) 2-25-03
Заказ № 2013 г.